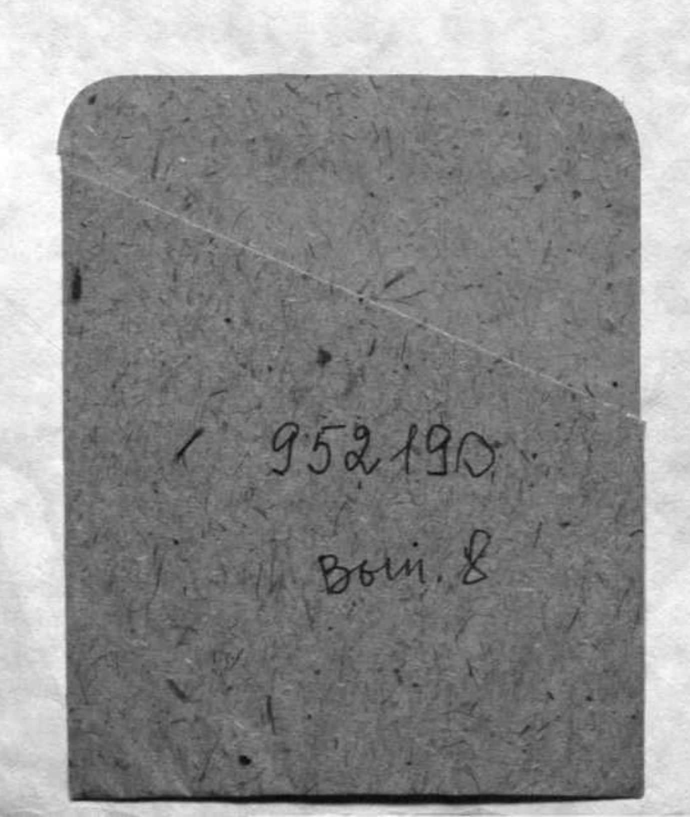
Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Ульяновск

952190
Воп. 8

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК VIII

Приволжское книжное издательство
Ульяновское отделение
1989

Краеведческие записки: Вып. VIII. Колл. авторов. Приволж.кн. изд-во: Ульян. отд-ние, 1989. с., ил.

По заказу Ульяновского областного краеведческого музея им.И.А. Гончарова.

А. Н. Блохинцев

Н. И. Тургенев
(к 200-летию со дня рождения)

В длинном ряду имен выдающихся симбирян одно из почетных мест занимает имя Николая Тургенева. Это был высокообразованный человек, имевший европейскую известность, ярый ненавистник крепостничества и идеолог декабризма.

Н.И.Тургенев родился в Симбирске 12 октября 1789 г., в год Великой Французской революции, и умер во Франции, на вилле Вербуа близ Парижа, 10 ноября 1871 г., обняв своей жизнью бурную эпоху от Дантона, Марата и Робеспьера до парижских коммунаров Он был одним из первых русских революционных эмигрантов.

Н.Тургенев получил прекрасное домашнее воспитание и образование под руководством просвещенного и гуманного гувернера Норга Тоблера, вывезенного в свое время из Швейцарии. Тоблер многие годы провел в семействе Тургеневых и воспитал четырех братьев — Андрея, Александра, Николая, Сергея, привив каждому из них высокие понятия чести, приверженности к свободе, ненависти к рабству. В период симбирской ссылки[1] отца Николая Ивановича — Ивана Петровича Тургенева — Тоблер находился в Симбирске с семьей Тургеневых, а его родная сестра Маргарита Тоблер служила гувернанткой в доме Аржевитиновых.

В декабре 1796 г. И.П.Тургенев был реабилитирован и назначен директором Московского университета. Семья переехала в Москву. Тургеневы поселились в казенной квартире университетского дома на Волхонке.

Вскоре Николай поступил в благородный пансион при Московском университете, который окончил в 1808 г., затем уехал в Германию, где поступил в Геттингенский университет, в котором до этого учился его старший брат Александр.

Летом 1811 г. Николай Тургенев окончил университет и предпринял большое заграничное путешествие, объехав Швейцарию, Италию, Францию, Испанию. Только в феврале 1812 г. он возвратился в Петербург.

Н.И.Тургенев не спешил поступать на службу. Но в середине 1813 г. союзные воюющие страны (Россия и Англия) учредили специальный департамент для управления землями бывших немецких княжеств, и Тургенев был делегирован в этот департамент в качестве полномочного комиссара от Российской империи.

Свое второе пребывание за границей он использовал с большой пользой для себя. Свободно владея английским, французским и немецким языками, Николай имел возможность следить за новинками европейской литературы. Его интересовали, в частности, социально-экономическая литература и литература по истории народов. Не будучи слишком обремененным служебными делами, он усиленно занимался пополнением своих знаний.

В 1816 г. Н.И.Тургенев возвратился в Петербург и через некоторое время поступил на службу в один из департаментов Государственного совета.

Служба в Государственном совете открыла Тургеневу мрачные страницы русской действительности: некомпетентность царской администрации, ее злоупотребления, казнокрадство, взяточничество и прочие негативные явления. Ранее любезное сердцу Отечество предстало перед Николаем другой, темной своей стороной. Он зорко, критически стал всматриваться в русскую жизнь.

В июле 1818 г. Николай Тургенев предпринял поездку в родные места. Потом он записал в дневнике: «Подъезжая к Симбирску, я что-то испытывал, но не совсем то, что при виде Рима».

Тургенев совершает прогулки по городу, посещает Троицкий собор, Спасский женский монастырь. Он узнал в частности, что в монастыре была совершена кража в несколько тысяч рублей. Два монастырских сторожа находились под следствием, в ходе которого один из них умер. А потом выяснилось, что кражу совершил монастырский дьякон и бедные сорожа невинно пострадали.

Николай посетил дом Баратаева. В беседе Баратаев высказал резко отрицательное мнение о местном губернаторе М.Л.Магницком, который творил в Симбирске невероятные вещи. Тюрьма и полицейский участок были переполнены арестантами. В тюрьме арестантов приковывали к стене кого за шею, кого за пояс, в чем не было никакой необходимости. Это было намеренное подавление человеческого достоинства. Таким образом Магницкий возрождал в губернии правила и нравы святейшей инквизиции XIII—XIV веков. (Кстати, впоследствии этот самый Магницкий печально прославился как мракобес и гонитель просвещения. После неудачного губернаторства в Симбирске он занял пост попечителя Казанского учебного округа. А много раньше он находился в составе русского посольства в Париже, откуда был выслан по требованию Наполеона).

После нескольких дней пребывания в Симбирске Н.И.Тургенев поехал в родовое имение Тургенево. Здесь он увидел сумрачные, неулыбчивые лица жителей, не слышно было песен. Все это насторожило Николая и заставило серьезно задуматься над участью крепостных.

11 сентября 1818 г. Тургенев писал в дневнике: «...у меня беспрестанно в голове наша деревня, участь крестьян и печальное, ужасное положение России. Сегодня я начал читать м-м Сталь о Революции. Что она говорит о деспотизме! А мы под ним живем и долго жить будем! Это также давит меня»[2].

В 1818 г. в Петербурге вышла в свет книга Николая Тургенева «Опыт теории налогов», которая во многом явилась пересказом лекций геттингенских профессоров. Эта книга имела большой успех у публики, и в 1819 г. ее издание было повторено. Примечательно, что на обороте заглавной страницы книги автор писал: «Сочинитель, принимая на себя все издержки сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручены за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов». Этим автор приглашал современников обратить внимание на бедственное состояние крепостных крестьян, которые очень нуждались в помощи.

Книга «Опыт теории налогов» имела большое общественное значение и заложила основу русской финансовой науки.

Тогда же, в конце 1818 г., по предложению Трубецкого Тургенев вступил в тайную организацию Союз благоденствия, где вскоре занял одно из ведущих мест.

В декабре 1819 г. Николай Тургенев написал свою знаменитую записку «Нечто о крепостном состоянии России». Это было самое крупное выступление по крестьянскому вопросу. «Записка» занимает восемнадцать страниц книжного текста. В ней давалась резкая критика крепостничества и обосновывалась его незаконность.

Тургенев писал: «...следует заметить, что никогда закон не водворял рабство в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны; ...приписание к земле, мало-помалу, и совсем не по законам, а по праву сильного обратилось в настоящее рабство. Если же сия часть истории нашего Отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только от того, что историю пишут не крестьяне, а помещики»[3].

Прочитав эту «Записку», император пообещал кое-что сделать для облегчения участи крепостных, но это осталось пустым обещанием. Тогда в 1820 г. Николай Тургенев, его брат Александр, П. А. Вяземский и еще двое подали прошение на имя Александра I, в котором писали о своем желании немедленно освободить своих крестьян и умоляли царя позволить обратиться к другим дворянам последовать их примеру. Однако это прошение встретило резкую критику правительства, и попытка начала освобождения крестьян не была осуществлена.

В самом начале января 1821 г. в Москве проходил съезд Союза благоденствия. Тургенев был избран президентом съезда. Среди прочих вопросов, рассмотренных съездом, стоял вопрос о ликвидации

Союза. Это был намеренный маневр, ставивший целью освобождение его рядов от нестойких случайных людей — с тем, чтобы затем создать более конспирированную тайную организацию.

Извещение о роспуске Союза благоденствия на съезде зачитал Николай Тургенев. Затем среди активных членов этой организации была развернута работа над созданием Устава. Николай Тургенев принимал в ней большое участие и, как глава петербургской Управы, получил один из четырех экземпляров утвержденного Устава.

В феврале 1821 г. Тургенев побывал в Симбирске и в своем родовом имении. Он безвозмездно раздал крестьянам более тысячи рублей, в помещении закрытой им ткацкой фабрики организовал больницу для крестьян, закупил лекарства и за 200 рублей в год нанял лекаря из Симбирска. Покидая тогда губернию, он заметил, что она «есть одна из замечательнейших по жестокости помещиков и по злоупотреблениям за счет крепостных крестьян»[4].

После московского съезда, распустившего Союз благоденствия, в Петербурге проходил процесс формирования Северного общества, которое складывалось в основном из двух кружков. Во главе одного из них стоял Никита Муравьев, а второй кружок возглавлял Николай Тургенев. Руководители обоих кружков поддерживали контакты друг с другом, проводили встречи и совещания своих сторонников, на которых рассматривались практические вопросы организации тайного общества.

Так, в феврале 1822 г. Тургенев записал в дневнике: «Сегодня обедал у К. Ф. Муравьевой и после обеда сидел у Никиты Михайловича с Матвеем Ивановичем Муравьевым»[5]. О теме разговора он не пишет из осторожности.

В 1821—1822 гг. Тургенев разработал проект судебной реформы. Этот проект привлек внимание общественности. Он предусматривал систему уличения преступника вместо существовавшей системы принуждения обвиняемого признаться в совершении им преступления; учреждение суда присяжных, обязательную гласность судопроизводства, независимость судей. Но дальше выражения похвал и «изъявления благодарности» автору проекта дело не пошло.

Тургенев все больше склонялся к мысли оставить службу и покинуть Россию, т.к. все его усилия сделать доброе дело к ее пользе ни к чему не приводили. А продолжать казниться горестями и бедами Отечества у него не остается сил. 29 августа 1823 г. он записал: «Ужасы и гнусности, которые вижу всякий день, совершенно отторгают меня от несчастного моего Отечества. Не могу быть ему полезным. Хочу по крайней мере не видеть его несчастий и не мучиться ими»[6].

Тургенев задумал перейти на дипломатическую службу в одном из государств Южной Европы. Он подал прошение на имя царя.

В начале августа 1823 г. Николай Иванович был принят всесильным графом Аракчеевым, который передал ему слова царя о том, что свободных консульских должностей нет, что Тургенев — русский, и ему нужно служить в России, что он полезен в Государственном совете и т.д. В заключение Аракчеев сказал: «Очень рад, что нашел Вас совсем не тем, как о Вас говорят». Эти слова значили очень многое и исключали возможность перевода на дипломатическую работу.

В начале марта 1824 г. Николай Тургенев подал в отставку и вскоре уехал за границу, якобы для лечения. Он поселился в Лондоне.

Тем временем в России происходят одно за другим важные события: смерть императора Александра I, непонятная и запутанная история с престолонаследованием (по одной версии, наследником должен был стать Константин, по другой — Николай) и, наконец, восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Сразу же после подавления восстания в Петербурге начались аресты и следствие по делу декабристов. Во время следствия выяснилось, что одним из активных членов тайного общества был Николай Тургенев. Следственный комитет потребовал, чтобы он вернулся в Россию и отдал себя в руки «правосудия». В ответ на это Николай Иванович пишет, что не считает себя виновным и по состоянию здоровья не может покинуть Лондон. Оправдательную записку он направил брату Александру для передачи царю. Затем с ним встретился секретарь русского посольства в Лондоне, который настаивал на возвращении Тургенева в Россию, но согласия не получил. Тогда министр иностранных дел России обратился к правительству Великобритании с просьбой выдать Тургенева, но просьба осталась без ответа.

В марте 1826 г. в Петербург на коронацию Николая I прибыл герцог Веллингтон. В беседе с ним Николай I настоятельно просил правительство Великобритании выслать Тургенева в Россию, говоря, что если Тургенев останется в Великобритании, он причинит ей много вреда. Но и эта просьба не была удовлетворена. В мае 1826 г. правительство Великобритании окончательно отказалось выдать Тургенева русскому правительству.

Суд заочно приговорил Н. И. Тургенева к смертной казни путем отсечения головы. Позже смертная казнь была заменена вечной каторгой. Такой приговор исключал возможность возвращения в Россию, и Тургеневу оставалась лишь доля политического эмигранта в Англии, где он жил до 1831 г., а затем переехал во Францию. Под Парижем он приобрел виллу Вербуа. Сюда были перевезены библиотека и архив из села Тургенево.

Осенью 1833 г. Николай Тургенев женился на дочери наполеонов-

ского генерала Кларе Виарис. В Париже и Вербуа он прожил до своей кончины. Изредка наезжал в Англию, Швейцарию и Италию, а в конце 50-х — начале 60-х годов, после амнистии, трижды посетил Россию. К тому времени его симбирские имения были проданы. Он вступил в права наследства имением в Тульской губернии, оставшимся от двоюродной сестры Нефедьевой. Став владельцем этого имения (200 душ крестьян и около 1000 десятин земли), Тургенев отпустил на волю всех крестьян, предоставив им безвозмездно одну треть своей земли.

Живя за границей, Тургенев познакомился и подружился со многими известными литераторами, учеными, общественными деятелями (Мериме, Стендаль, Шатобриан, Ламартин и др.).

Пристально следя за жизнью России, он искал встреч с приезжавшими в Европу русскими, поддерживал тесные дружеские связи с Герценом, Огаревым, Бакуниным.

В 1847 г. в Париже вышла трехтомная книга Н. И. Тургенева «Россия и русские». Она имела бурный успех в Европе, была издана на французском языке в Брюсселе и Гааге, на немецком — в Берлине. В России книга была запрещена и впервые появилась на русском языке только в 1915 г., но была изъята цензурой и уничтожена. Однако на французском языке книгу читали в Москве, Петербурге, на поселениях декабристов в Восточной Сибири. Декабристы резко критиковали этот труд и его автора за попытку доказать, что он не «заговорщик», а декабристы не революционеры и что, якобы, ничего противозаконного и революционного в их деятельности не было.

В то же время книга эта очень значительна в истории русской политической мысли. Главным препятствием для прогресса России, для ее экономического развития автор считал рабство, с которым он призывал покончить как можно скорее. На вопрос: «Куда должен идти русский народ?» Тургенев отвечал: «Он должен идти к европейской цивилизации. Для этого необходимо освободить крестьян, провести судебную и административную реформу и реформу самоуправления». Считая рабство отвратительнейшим из зол, Тургенев признает возможность восстания: «Там, где есть рабы, восстание не только право, но и священный долг»[7].

После книги «Россия и русские» Н. И. Тургенев написал ряд работ по крестьянскому вопросу. В 1860 г. появилась его статья «Взгляд на дела России», в 1868 г. — книга «Чего желать для России», в 1869 г. — сочинение «О нравственном отношении России к Европе».

Николай Тургенев жил родиной, Россией. И. С. Тургенев писал о нем: «Со всем жаром юноши, со всем постоянством мужа следил за всем, что совершалось в России хорошего и дурного, радостного и печального,— и отзывался живым словом и печатной речью на все жизненные вопросы нашего быта»[8].

Николай Иванович Тургенев похоронен в Париже на кладбище Пер-ла-Шез, неподалеку от могил парижских коммунаров. Это был один из первопроходцев русского революционного движения, и память о нем хранит благодарное потомство.

[1] В 1792 г. И. П. Тургенев был арестован по делу Н. И. Новикова и выслан в Симбирск, где находился с семьей до конца 1796 г.

[2] *Архив братьев Тургеневых, вып. V, т. III.* Петроград, 1921, с. 153—154.

[3] Там же, с. 419.

[4] Гриценко Н. П. Очерки по истории Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области. Ульяновск, 1948, с. 88.

[5] Архив братьев Тургеневых, с. 315.

[6] Там же, с. 353.

[7] Тургенев Н. Россия и русские, т. I. СПб., 1915, с. III—IV.

[8] Степанов А. Н. У книг своя судьба. Л., 1974, с. 134.

С. Л. Сытин

Некоторые вопросы социально-экономических отношений в Симбирске в 60-80-е гг. XIX в.

Каким был Симбирск второй половины прошлого века?

Для нашего знаменитого земляка Ивана Александровича Гончарова он являлся городским вариантом Обломовки.

Журналист Никифоров писал в 1888 г.: «Город будто вымерший. Даже собак не видно и не слышно. Безлюдье и тишина смерти. Это место какой-то вечной спячки и тишины...»[1].

«...Сон и лень вполне Симбирском овладели. Справедливость этой характеристики остается и поныне. Ни оживления, ни тени более кипучей деятельности, отличающей почти все поволжские города, в Симбирске не заметно... Сонный и снотворный город. Это бывшее беспечальное «Дворянское гнездо»[2]. Цитата взята из «Спутника по реке Волге» за 1905 г. Другой путеводитель по Волге (за 1916 г.) утверждал: «Симбирск — это последний из Могикан старой провинциальной, необамериканившейся, обломовской, дворянской Руси...»[3].

А вот и совсем неожиданное утверждение: «Тут, в тихой, несколько сонной Обломовке, этом типичнейшем дворянском гнезде, появилась у Ленина первая мысль о борьбе за освобождение трудящихся»[4].

«По землепользованию губерния была, по сути, огромной «вотчиной» дворянских родов — этого оплота самодержавия и черносотенной реакции», — писал в 1948 г. Б. Н. Афанасьев. Это определяло облик и строй жизни старого Симбирска, крупного административного центра, где сосредоточивалась помещичья знать и чиновная бюрократия, застроившая город своими особняками. Не случайно старый Симбирск получил в народе наименование — «дворянское гнездо»[5].

«В Симбирске, считавшемся «дворянским гнездом», имелось несколько десятков мелких предприятий, на которых работало 460 человек»[6].

Итак, одна точка зрения ясна — Симбирск XIX века следует считать сонным «дворянским гнездом».

Вторая точка зрения сводится к игнорированию социально-экономических отношений непосредственно в Симбирске, к «растворению» Симбирска в Симбирской губернии. Она отчетливо выражена в документальном сборнике «Прошлое нашего края».

Но тогда невольно возникает важный принципиальный вопрос — под влиянием каких же факторов формировалось мировоззрение юноши Володи Ульянова? Неужели тихая, сонная Обломовка, типичнейшее «дворянское гнездо» может быть средой для появления в равной мере Обломовых и ...Ленина? Не следует забывать, что первый открытый вызов существовавшему в России строю Ленин бросил уже осенью 1887 г., через несколько месяцев после отъезда из Симбирска, когда казанские и какие-то иные впечатления еще не могли существенно повлиять на его взгляды.

Изучение социально-экономических отношений в Симбирске 60—80-х гг. XIX в. наталкивается на трудности двоякого рода. Во-первых, разбросанность фактического материала, своеобразие статистики того времени и, как следствие, очень большая трудоемкость исследования. Вторая трудность еще значительнее — надо изучать не классический, зрелый феодализм или капитализм, а сложные переходные формы, изначальные стадии капиталистического производства.

За последние двадцать лет удалось выявить в нашем областном архиве несколько групп источников, позволивших сделать шаг вперед в изучении развития капитализма в Симбирске указанного периода. Это прежде всего документы о генеральных проверках промышленных и торговых заведений, материалы о торговле в фондах сиротского суда и т. д.

Начнем с сословного состава населения Симбирска. Потомственные и личные дворяне составляли в 1876 г. 8,1% городского населения, в 1887 г. — 7,4%. Для сравнения: в Нижнем Новгороде в середине 70-х гг. дворяне составляли 13% населения[8].

Личных дворян в Симбирске было значительно больше, чем потомственных, почти все они — чиновники. Да и среди потомственных было немало тех же чиновников. Служили даже князья вроде Баюшева и др. Еще П. Мартынов в 1898 г. отмечал, что Симбирск дворянским центром Поволжья был только до начала 60-х гг. «...Большинство дворян (поместных. — С. С.) разъехались по своим имениям, а которые если и остались в Симбирске, то значительно сократили свой бюджет и не столько вследствие пожара, разорившего город, а главным образом благодаря тому влиянию, которое оказала крестьянская реформа на материальное положение помещиков... Как Симбирские, так и Казанские помещики, поспешили сократить расходы и для пополнения своих оскудевших ресурсов старались пристроиться на государственной и земской службе»[9]. Многие дворяне вообще продали свои симбирские дома, другие сдали их в аренду — даже под питейные заведения, не говоря уже о квартирантах.

Значительно сокращается численность духовенства. 3,5% — в 1862 г., 3,3% — в 1876 и 1,2% — в 1887 г. Правда, и 1,2% — это вместе с семьями 472 человека.

Подлинными хозяевами становятся с конца 60-х гг. купцы. Их было немного — около 1,5% населения. Городская дума избиралась тогда на основе так называемой трехклассной избирательной системы. Избирателями были горожане, отвечавшие сравнительно высокому имущественному цензу (прежде всего домовладельцы). Они подразделялись на три класса, или разряда, по степени зажиточности. Ни знатность, ни чины при этом в расчет не принимались. Только собственность. Каждый класс избирал равное число гласных, но при этом богатейшая верхушка избирала одного гласного от нескольких человек, собственники средней руки — от нескольких десятков, а мелкие — от сотен. Выборы 10 и 11 декабря 1870 г. дали, например, такие результаты: «дворян 4, чиновников 7, потомственных почетных граждан 6, купцов первой гильдии 6, второй гильдии 35, мещан 10, священников 3, крестьян 1»[19]. Итак, за купцами оказалось 47 мест из 72! Надо иметь в виду, что потомственные почетные граждане были представителями богатейшего купечества.

Если в губернии по-прежнему безраздельно хозяйничали дворяне, то в городах — в Симбирске, в частности, — хозяйкой положения становилась крупная и средняя, преимущественно торговая буржуазия. Сусоколов, Буско, Сачков, Скорняков, Кирпичников, Красников, Левашев, Пожарский, Алатырцева — вот некоторые из этих новых хозяев города.

Абсолютное большинство населения Симбирска относилось по сословному признаку к мещанам и крестьянам. В 1862 г. мещане составляли около 40% населения, в 1876—1887 гг. — около 60%. Удельный вес крестьян (фактически — ремесленников, мелких торговцев, реже рабочих) колебался от 20% в 1862 г. до 11,4% в 1887 г. В особую группу выделялись отставные солдаты и семьи солдат. В 1887 г. эта группа составляла 8,6% населения города.

В классовом отношении мещане и крестьяне были очень сложной группой, которая состояла в основном из рабочих и мелкой буржуазии. И пусть это не покажется неожиданным, но в 70—80-х гг. около 22% населения Симбирска составляли рабочие! Далее шла группа ремесленной бедноты (не эксплуатировавшей наемный труд), составлявшая в 1887 г. около 15% населения. Большую группу составляли мелкие торговцы, владельцы питейных заведений и постоялых дворов и т. д. Незначительное преуспевающее меньшинство мещан и крестьян можно считать торгово-промышленной буржуазией.

Теперь о вековой спячке Симбирска. Пореформенные десятилетия в России будили многих. Не был исключением и Симбирск. С конца 60-х гг. наблюдается существенное оживление экономической жизни города. Этот подъем достигает максимума в 1879—1883 гг., затем до конца 80-х гг. сохраняется достигнутый уровень и... начинается значительный спад, продолжающийся вплоть до первой мировой войны. Предстоит дополнительно исследовать вопрос о «сонном» Симбирске первой половины XIX в. Бесспорно, что в 90-х гг. XIX в. Симбирск стал быстро отставать от других поволжских городов и мог казаться на их фоне тихим и даже сонным. Но в 1865—1885 гг. Симбирск сонным не был! Обратимся к фактам.

Население Симбирска в первой половине XIX в. росло очень медленно. В 1862 г. оно составляло 24,2 тыс. человек[11], в 1876 г. — 28 тыс.[12], а уже в 1879 г. — 36 тыс.[13], в 1887 г. — 39,7 тыс.[14]. За 15 лет население города выросло на 65%. Цифры эти нуждаются в дальнейшем уточнении, но даже с внесением возможных поправок явление, безусловно, интересное, важное.

Был ли Симбирск «маленьким» городом? В 1868 г. среди городов России он занимал 42-е место. Городов с населением свыше 50 тыс. человек было в стране всего 13. В Минске жили 24 тыс., в Киеве — 68 тыс., в Царицыне — 7 тыс., в Чебоксарах — 5 тыс. Население Ярославля составляло 25 тыс., Самары — 34 тыс., Нижнего Новгорода — 40 тыс., Астрахани — 42 тыс. человек. А вот в Казани жили 72 тыс., в Саратове — 98 тыс. Характерно, что Ульяновск с его более чем полумиллионным населением находится сейчас лишь в конце пятого десятка городов Советского Союза, а ведь мы не считаем Ульяновск «маленьким»!

В экономической жизни Симбирска особую роль играла торговля, а в торговле — ежегодная двухнедельная Сборная ярмарка, одна из крупнейших в Поволжье. В 1863 г. на ярмарку было привезено товаров на 4,7 млн. руб., в 1882 г. — на 10,3 млн. Рост, как видим, на 119%. А в 1893 г. товаров было привезено снова всего на 5,8 млн. руб. Привоз — одно, а продажа — другое. Продажа точнее характеризует тенденции экономического развития самого Симбирска и губернии. Здесь рост еще больше. Пик —1880 г., когда продажа превысила уровень 1863 г. на 144%. А затем последовало падение, и уровень 1898 г. мало чем отличается от уровня 1863 г.[15].

Возьмем обороты Симбирского городского общественного банка. Та же самая кривая. Если принять обороты банка в 1868 г. за 100%, то в 1879 г. они составляют 949% (!), а в 1894 г. падают до 476%. Обороты Симбирского общества взаимного кредита дают близкую кривую: 100 % — в 1873 г., 352 % — в 1881 г. и 110 % — в 1897 г[16].

Наконец, доходы города Симбирска. В 1868 г. они составляли

97 309 руб., в 1883 г. — 260 437 руб. Рост на 268 %. А к 1898 г доходы города упали до 185 370 руб.[17].

В 60—80-е гг. XIX в. мы наблюдаем в Симбирске и промышленное развитие, сталкиваемся с различными формами капиталистического производства и с растущей капиталистической эксплуатацией значительной части населения города.

Мы находим в это время в Симбирске ремесленников, работающих в одиночку или с членами семьи; мастеров, нанимающих от 1 до 20 рабочих и учеников; предприятия, которые более всего подходят под понятие простой капиталистической кооперации; централизованную капиталистическую мануфактуру и, наконец, капиталистическую фабрику. Выявить в пределах города рассеянную мануфактуру пока не удалось.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что главным критерием для определения уровня развития капитализма являются масштабы эксплуатации наемного труда. Вместе с тем, и Маркс и Ленин неоднократно указывали на сложность состава пролетариата, на многообразие конкретных обличий капиталистической эксплуатации.

Симбирская статистика 60—80-х гг. XIX в. относит к «фабрикам и заводам» лишь те предприятия, продукция которых явно шла на продажу, да еще за пределы той местности, где находилось предприятие. Все остальные мастерские и «заведения» относились к ремеслу. При этом использовалась старая терминология, характерная для средневекового цеха — мастер, работник, ученик. Между тем, за старой формой скрывалось новое содержание. Работник теперь уже не подмастерье, не кандидат в мастера, в мелкого хозяина, а наемный рабочий. Ученик превращается фактически в малолетнего наемного рабочего (хотя и без денежной заработной платы, которая заменялась натурой — содержанием ученика). А мастер — мелкий капиталист, но капиталист, работающий еще частично «на заказ», капиталист, в лице которого производство и торговля еще не отделились друг от друга.

У ряда наших исследователей слово «рабочий» ассоциируется лишь со словами «фабрика» и «завод». Короче говоря, к пролетариату относят одну часть его — крупный промышленный пролетариат. В таком случае в Симбирске можно не насчитать и двух-трех сотен рабочих даже в канун революции 1905 года.

На 1 января 1863 г. в Симбирске было 256 рабочих на «фабриках и заводах» и еще 1482 рабочих — на мелких предприятиях. А всего — 1738 рабочих, в т. ч. 681 ученик [18].

На 1866 г. мы располагаем данными по группе предприятий, связанных в основном с производством для населения города пищи и одежды. Данные эти охватывают 106 «заведений». 22 из них

принадлежали хозяевам-одиночкам, 85 других хозяев эксплуатировали труд 347 рабочих (включая 67 учеников)[19]. На 12 предприятиях было занято по 1 рабочему, на 21 — по 2, на 16 — по 3, на 11 — по 4, на 2 — по 5, на 3 — по 6, на 6 — по 7, на 5 — по 8, на 5 — по 9, на 2 — по 10. Одно предприятие имело 11 рабочих, еще одно — 15. В среднем же на одно предприятие приходилось по 4,1 рабочего. Подчеркиваю, что речь идет лишь об определенной группе предприятий.

В 1869 г. эта же группа «заведений» представлена уже 160 единицами. Ремесленников-одиночек — 48. Хозяев, которые имеют работников — 112. У них теперь 567 рабочих (включая 227 учеников). Концентрация рабочих несколько возросла — до 5,1 на одно предприятие. За три года — это значительный рост[20].

Если же взять данные за 1869 год в целом, включая строительных рабочих (плотников, печников, маляров и т. д.), то концентрация будет еще выше. Строительные рабочие были в руках у подрядчиков, каждый из которых распоряжался примерно десятком рабочих.

В 1887 г. в Симбирске было 450 рабочих на «фабриках и заводах» и 1903 рабочих (включая 643 малолетних и подростков) на мелких предприятиях. Всего в 1887 г. в Симбирске насчитывалось 2353 рабочих[21].

Значительно вырос и слой ремесленной бедноты. В 1887 г. в Симбирске имелось 1006 (!) извозчиков. Конечно, легковых, тем более «лихачей», среди них были всего десятки. Остальные — «ломовики». Многие из них, кстати, являлись фактически наемными рабочими.

Относительно крупные предприятия в Симбирске были тесно связаны с обработкой сельскохозяйственного сырья и ориентировались в основном на нужды города и уезда. По стоимости выпускаемой продукции на первом месте стояли винокуренный, водочные, пивоваренные заводы. Дальше шли мельницы и крупорушки, свечные и мыльные заводы.

Механическое «заведение» А. И. Зотова было переходной формой от классической централизованной мануфактуры к капиталистической фабрике. Зотов изготовлял молотилки, веялки, сортировки, соломорезки, плуги, бороны и другие сельскохозяйственные орудия. В 1870 г. у него были заняты 4 рабочих и 10 «мальчиков»[22]. Парового двигателя не имелось — его заменял особый конный привод, устроенный самим хозяином. «...Одна лошадь, двигаясь карусельным ходом, в одно и то же время приводила в быстрое движение пять различных станков, употреблявшихся на его фабрике: сверлильный и четыре токарных, в том числе один большой, называемый «самоточка»[23]. Здесь же действовала и небольшая литейная.

А. И. Зотов был изобретателем, интересовался химией, являлся членом губернского статистического комитета в одно время с И. Н. Ульяновым, постоянно встречался с несколькими учителями гимназии.

Чугунолитейный завод Андреева уже не вызывает сомнений — это настоящее капиталистическое предприятие, первое и долгое время единственное в Симбирске. Завод изготовлял разного рода железные и чугунные изделия, части для «земледельческих машин», пароходов, станков и паровых машин на суконных фабриках и т. д.

«Завод состоит из собственно литейного и, кроме того, механического заведений... Разного рода изделий изготовлено на заводе в 1864 году на 18 000 руб. серебром. Мастеровых и рабочих на заводе 54 человека; из них литейщиков 26, слесарей 10, токарей 4, кузнецов 6, модельщиков 3, прочих работников 5. На заводе находятся: вагранок, в котором может расплавиться за один раз до 150 пудов чугуна, 10-ти сильная паровая машина с приводами к литейной и станкам, кузница. Станков при заводе токарных 6, сверлильных 1, строгальный 1 и 1 пресс машина»[24]. В 1886 г. в перечне оборудования предприятия упоминаются станки винторезный, долбильный, шлифовальный, патронный, а также подъемный кран и паровой молот[25].

Сбыт изделий завода производился в Симбирской, Саратовской, Астраханской, Самарской и Казанской губерниях.

Можно и даже нужно спорить по целому ряду затронутых вопросов — о численности, составе рабочих Симбирска 60—80-х гг. XIX в., типах тех или иных «заведений» и т. д. Представляется бесспорным одно — значительность масштабов капиталистической эксплуатации в Симбирске во второй половине прошлого века. К этому в ходе дальнейшего изучения вопроса можно будет, по всей вероятности, добавить, что и интенсивность этой эксплуатации была велика.

Симбирские крестьяне находились в весьма невыгодном положении — отсутствие крупных предприятий, крайняя ограниченность местного рынка (работа на заказ), обстановка административного центра с особо высокой концентрацией средств подавления — армии, полиции (на одного рабочего в Симбирске приходился солдат, да еще с дробью) и т. д. Таким образом, центром, даже очагом рабочего движения Симбирск вряд ли мог быть и не был. Но тем более отвратительные формы капиталистической эксплуатации можно было наблюдать в Симбирске в годы детства и юности В. И. Ленина.

«Обойдем» ближайшие окрестности тех домов, в которых жили в Симбирске Ульяновы. Начнем, естественно, со Стрелецкой улицы. По соседству с Прибыловской, у которой сняли флигель Ульяновы,

в доме помещика Виноградова летом 1870 г. открылось питейное заведение. У иконописца Кулакова, через улицу, была изрядная мастерская. В 1868 г. у него трудилось 9 работников, а в 1870 г. — уже 14[26]. В южной части Стрелецкой улицы находились еще одно питейное заведение и целый оптовый склад «хлебного вина» в доме чиновницы Страховой. А угловые дома улицы занимали симбирские купцы — Зотов и Хапков. В одном из этих домов располагалась мелочная лавочка.

В 1876 г. Ульяновы поселились на Московской улице у священника кафедрального собора И. А. Анаксагорова. Дом он купил в 1869 г. у штабс-капитанши Самойловой. Дворяне уступали свои дома, свои позиции представителям других групп городского населения. Анаксагоров имел по должности немалый доход. Кроме того, он был законоучителем в расположенном по соседству женском приходском училище. И, тем не менее, стремился извлечь из дома и других построек максимум дохода.

Пройдемся по Московской улице будним утром одного из дней 1870 года.

В 1869—1870 гг. и позже в усадьбе Анаксагорова располагалась столярная мастерская симбирского мещанина, выходца из Швеции Алквиста, на которого гнули спины 8 рабочих и 6—7 мальчиков «моложе 15 лет»[27]. У Анаксагорова же арендовал помещение портной Пещерский, который, по свидетельству документа, работал «без наемных рабочих».

Пойдем дальше к Свияге. В доме коллежского асессора Крашенинникова расположилась мелочная лавочка «с лакомствами» солдатки Сверчковой. Чуть дальше, у отставного майора Силенского, нашли «приют» питейный дом и табачная лавочка супругов Дутиковых. Рядом, в доме мещанина Донского, было еще одно питейное заведение и еще одна мелочная лавочка[28]. В одном из этих домов в 80-х гг. расположилась сапожная (башмачная) мастерская Комелькова, в которой были постоянно заняты 7—8 рабочих.

Десяток шагов — и мы у дома Федора Андреева, соседями которого стали позже Ульяновы. Он — портной, в его мастерской трудятся «2 работника и 4 мальчика моложе 15 лет»[29]. Он же сдает квартиры. Проживающая у него в 1877 г. мадам Беркгаут «принимает на квартиру воспитанниц Мариинской женской гимназии, причем желающие обучаться музыке могут пользоваться готовым инструментом (рояль)»[30].

В 1878 г. Ульяновы купили дом у титулярной советницы Молчановой. А во дворе у нее саранский мещанин Алексей

Миленин устроил красильное заведение. Правда, работал сам, без наемных рабочих.

Прямо напротив дома Молчановой жил еще один портной — Беляев. В его мастерской трудились «1 работник и 2 мальчика»[31]. Неподалеку, у сапожника Грачева, работало до десятка человек. В непосредственной близости от дома Ульяновых располагалось немало других мастерских, лавок, питейных заведений. Среди них было «извощичье заведение» Кандалинской, «торговая база» Ведерникова. А там, где Московская улица упиралась в Свиягу, находились предприятия покрупнее: слева винокуренный завод, а справа — водяная мельница с 12 поставами. Мельница принадлежала городу, а арендовал ее один из купеческих воротил Симбирска Красников. На мельнице были заняты в 1870 г. 40 рабочих[32].

Мы «прогулялись» с вами по Московской улице 1870 года. К началу 80-х гг. кое-что, конечно, изменилось. Новые владельцы, порою иные мастерские, больше или меньше рабочих. Но главное — властное вторжение нового уклада — остается.

Порою сонный, иногда шумный, действительно дворянский Симбирск первой половины XIX в. уходил в прошлое. Дворянин, чиновник должны были в экономической сфере потесниться, приспособляться, уступая место купцу и «мещанину», из которого в одних случаях вырастает капиталист, а в других — рабочий.

В нашей литературе справедливо говорится о многих факторах, под влиянием которых формировалось революционное мировоззрение юноши Володи Ульянова. Влияние отца, брата, произведений русских революционных демократов — все это бесспорно. Но думается, что этот перечень следует начинать с непосредственных наблюдений ребенка и юноши над картинами капиталистической эксплуатации симбирской бедноты в 70—80-х гг. прошлого века.

«Развитие капитализма в России» написано зрелым человеком, ученым, вооруженным теорией Маркса, располагавшим огромным запасом личных наблюдений и внушительным статистическим материалом. Но сам-то жгучий интерес к важнейшим политическим и экономическим проблемам — не питался ли воспоминаниями о родном городе, который был своего рода иллюстрацией ко многим главам «Развития капитализма в России»?. . .

Многим (но, конечно, не всем) Симбирск мог внушить жгучую ненависть к угнетению, к эксплуатации пришедшего на заработки в город крестьянина-плотника, прислуги в богатом доме, бурлака и грузчика на волжской пристани. А вот для понимания революционной роли пролетариата, его исторической миссии нужны были уже иные впечатления, иной опыт, которого Симбирск дать не мог. Этот опыт дали В. Ульянову более крупные города Поволжья и, особенно, фабричный Петербург.

[1] Никифоров Н. Симбирск и его общественная жизнь. Казань, 1988, с. 18.
[2] Спутник по реке Волге и ее притокам: Каме и Оке. Саратов, 1905, с. 43.
[3] Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге, 1916, с. 211—212.
[4] Поволжье: Путеводитель. Л., 1925, с. 424.
[5] Афанасьев Б. Н. Исторические места г. Ульяновска. Ульяновск, 1948, с. 21.
[6] Край Ильича за 50 советских лет, Ульяновск, 1967, с. 15.
[7] Календарь Симбирской губернии на 1889 г.
[8] Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии, 1880.
[9] Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 327—328.
[10] Симбирские губернские ведомости, 1871, 13 марта.
[11] Памятная книжка Симбирской губернии, 1862—1863, с. 56—57.
[12] Календарь Симбирской губернии на 1878 г., с. 85.
[13] Календарь Симбирской губернии, 1881, с. 35.
[14] Календарь Симбирской губернии на 1889 г., с. 126.
[15] Мартынов П., с. 390—391.
[16] Там же, с. 392—394.
[17] Там же, с. 400.
[18] Памятная книжка Симбирской губернии, с. 33.
[19] ГАУО, ф. 144, оп. 1, д. 61.
[20] Там же, оп. 2, д. 31.
[21] Календарь Симбирской губернии на 1889., с. 150.
[22] ГАУО, ф. 144, оп. 2, д. 31.
[23] Симбирские губернские ведомости, 1863, 3 августа.
[24] Там же, 1865, 27 февраля.
[25] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 2144.
[26] Там же, ф.144, оп. 1, д. 194.
[27] Там же.
[28] Там же, оп. 2, д. 31.
[29] Там же, оп. 1, д. 194.
[30] Симбирские губернские ведомости, 1877, 9 августа.
[31] ГАУО, ф. 144, оп. 2, д. 31.
[32] Там же, оп. 1, д. 194.

А. Л. Кругликов

Внутренняя политика самодержавия во второй половине 50-х — начале 90-х гг. XIX в. и симбирское дворянство. Его роль и влияние

Взаимоотношения самодержавия и дворянства, поскольку последнее являлось опорой царизма и его поддержка обеспечивала в известной мере прочность всей системы, играли большую роль в правительственной политике. Однако по ряду вопросов в период, о котором Ф. Энгельс в 1892 г. отзывался как об огромной социальной революции, переживаемой Россией со времен Крымской войны[1], интересы самодержавия и дворянства, отдельных его групп совпадали далеко не всегда.

Нежелание господствующего сословия поступиться своими правами вызывало в конце 50-х гг. XIX в. его сопротивление крестьянской реформе[2], а затем породило и политические притязания, требования допустить его к управлению, определению правительственной политики. Особое место в оказании «противления» официальному курсу принадлежало симбирскому дворянству.

Задолго до отмены крепостного права симбирский губернатор Е. Н. Извеков писал сенатору Я. А. Соловьеву, что местные помещики, являющиеся владельцами полутора — двух десятков крепостных, и основная масса среднепоместных дворян, будучи «увлечена выгодой от хлебопашества на благодатной почве... губернии» и проявляя желание «сколь возможно продлить эти выгоды», отказываются «обсудить беспристрастно последствия обязанного труда». По его мнению, «симбирские прапорщики», как называл здешних помещиков император Александр II, проявляли полное непонимание того, что от них требуется «жертва» с целью «отвратить угрозу в будущем»[3].

Владельцы крупных оброчных имений губернии также не были заинтересованы в освобождении крестьян, но, сознавая неизбежность предстоящей реформы как средства самосохранения, были готовы провести ее так, чтобы и впредь обеспечить себе возможность получения денежной ренты. Эта группа помещиков стремилась сохранить за собой основной фонд земельных богатств с предоставлением крестьянам лишь небольших наделов и усадеб за повинности или за чрезмерный выкуп.

Максимальное количество земли рассчитывали сохранить в своих руках и владельцы барщинных имений. Немало дворян Симбирской губернии, поместья которых были заложены и перезаложены в банках, склонялись к тому, чтобы переложить долги на крестьян.

В письме одного из современников отмечалось: «Здешние прапорщики...крепко озабочены предстоящей реформой. Многие спешат закладывать свои имения в том предположении, что долг останется на крестьянах»[4].

Настроения, присущие господствующему классу в этот переломный для судеб страны момент, учитывались правительством. Но, как писал К. Маркс, «Александр II был вынужден серьезно приняться за освобождение крестьян» в силу того, что «симптомы войны крепостных крестьян внутри России...очевидны»[5]. Создав в январе 1857 г. новый Секретный комитет по крестьянскому делу, царь рассчитывал осуществить реформы постепенно, «без крутых и резких поворотов, по плану тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному».

В соответствии с этой установкой комитет, составленный из старых николаевских чиновников и сановников, в большинстве своем ярых крепостников, действовал медленно и нерешительно, что объяснялось не только его составом, но и опасением вызвать крестьянские волнения, возбудить недовольство широких слоев дворянства. Поэтому правительство стремилось побудить помещиков самим проявить инициативу в деле освобождения крепостных. Этого удалось добиться осенью 1857 г., когда дворянство литовских, а затем Петербургской губерний «изъявило желание» освободить крестьян от крепостной зависимости. После этого поместному дворянству и других губерний пришлось проявить «инициативу». В феврале 1858 г. в каждом уезде Симбирской губернии были подготовлены адреса дворян «о их ревности содействовать видам монарха»[6]. В данном случае «энтузиазм» местных дворян был обусловлен прежде всего «невозможностью отстать от других». Симбирские помещики понимали, что если будут освобождены крестьяне в других губерниях, то они окажутся не в состоянии удержать в повиновении своих крепостных. К этому наиболее существенному соображению присоединялась привычка «повиновения высочайшей воле и нежелание попасть в отсталые»[7].

В итоге 9 марта 1858 г. последовал высочайший рескрипт начальнику Симбирской губернии, в котором говорилось: «Дворянство Симбирской губернии изъявило желание открыть особый комитет для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян». Удовлетворяя это «желание», император призывал симбирских дворян действовать «не иначе, как постепенно, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений»[8]. Направленность предполагаемой реформы была очевидной. Дело ее подготовки передавалось помещикам.

5 июня 1858 г. на чрезвычайном съезде представителей губернского дворянства был избран комитет для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян. Вся последующая деятельность его наложила существенный отпечаток на ход подготовки крестьянской реформы в России, отразилась на перипетиях тех дискуссий, которые развернулись в Редакционных комиссиях и в период созыва дворянских депутатов в Петербурге.

В Симбирском комитете необычайно сильны оказались позиции крепостников. В его состав были избраны 19 человек — все крупные помещики. Председательствовал в комитете губернский предводитель дворянства Н. Т. Аксаков. Он «нисколько не был похож на своего брата, патриарха славянофилов, Сергея Тимофеевича, и его даровитых сыновей»[9]. Под стать этому ярому крепостнику был граф В. П. Орлов-Давыдов — один из самых ревностных противников предпринимаемых преобразований, крупнейший землевладелец не только Симбирской губернии, но и всей России. К разряду реакционеров относились граф А. В. Толстой, князь А. Н. Оболенский и др. Под влиянием помещичьей партии оказался симбирский губернатор Е. Н. Извеков, которого современники характеризовали как человека ограниченного, малоразвитого и бесхарактерного.

Тем не менее, единства в Симбирском комитете, несмотря на явный перевес консервативных сил, не наблюдалось. Большинство (12 членов комитета): Н. Т. Аксаков и «иже с ним»— отстаивали монопольное право дворянства на обладание землей. Их проект реформы был направлен на обезземеливание и разорение крестьянства.

Меньшинство Симбирского комитета предложило два отдельных проекта реформы. Первый был составлен А. Н. Татариновым, которого поддержали четыре других члена комитета. Он предусматривал выкуп за «умеренную» плату надела и крестьянской усадьбы, разрушение общинного землевладения и ликвидацию мирского управления.

Авторами второго проекта меньшинства являлись Н. А. Соловьев и граф М. С. Ланской. Н. А. Соловьев, выборный член по Ардатовскому уезду, большую часть жизни прожил в своем имении. Он не был «особенно горячим эмансипатором», но под влиянием своего брата, сенатора Я. А. Соловьева, «усвоил себе начала, данные в руководство комитета (Главного комитета по крестьянскому делу.— А. К.), принял за правило не отступать от них»[10]. Мнение Н. А. Соловьева поддержал М. С. Ланской — один из двух членов, назначенных в состав Симбирского губернского комитета от правительства. Будучи к тому же сыном министра внутренних дел, и он находился под влиянием правительственной точки зрения на крестьянский вопрос. Оба они в силу этих обстоятельств возвысились до уровня «государ-

ственной» позиции, имеющей целью защиту интересов господствующего класса России в целом[11].

Очевидно, что борьба отдельных групп помещиков в составе Симбирского губернского комитета, как и по всей стране, была отражением борьбы внутри дворянства, стремившегося сохранить свои экономические и политические позиции ценой больших или меньших уступок назревшим потребностям капиталистического развития и в целях предотвращения возможного революционного взрыва[12].

Правительство оказалось в нелегкой ситуации. Игнорирование интересов отдельных групп дворянства в условиях углубляющегося процесса созревания и развития революционной ситуации грозило непредсказуемыми последствиями. Тем временем в феврале 1859 г. в столице империи были созданы так называемые Редакционные комиссии под председательством Я. И. Ростовцева. Помимо представителей от министерств (17 человек), в их состав вошли эксперты от помещиков (21 человек).

Комиссии составлялись в подавляющем большинстве из людей либеральных взглядов, сторонников освобождения крестьян с землей. Членом-экспертом при Редакционных комиссиях от Симбирского губернского комитета был назначен автор проекта «меньшинства 5-ти» А. Н. Татаринов[13]. Он не примкнул к либерально-бюрократическому большинству этого учреждения, но вынужден был подчиняться его постановлениям.

Редакционным комиссиям предстояло рассмотреть предложения губернских дворянских комитетов, составить проекты общих положений и, наряду с ними — местных, учитывающих особенности конкретных территорий. Проекты, представленные Симбирским комитетом, получили должную оценку в Редакционных комиссиях. Я. И. Ростовцев писал, что «большая часть предложений (подготовленных помещиками Симбирской губернии.— А. К.)... безусловно не может быть утверждена правительством», так как, в противоположность Петербургскому и другим комитетам, «симбирский — уничтожает разом все отличие своей дворянской собственности, представляя покупать ее лицам всех сословий, даже не отделяя крестьян от земли, *лишь бы барщина была заменена оброком.* В этом,— указывал он,— проявляется практическое направление комитета, заботящегося гораздо меньше о сословных стремлениях, чем о сохранении... имущественных своих интересов». Упомянув о предложении большинства Симбирского комитета относительно устройства фермерского хозяйства по прусскому образцу, Я. И. Ростовцев присовокупил, что «меры эти обеспечивают только сословие дворянское»[14]. С ним согласился и симбирский губернатор, признав, что мизерный надел не

удовлетворит крестьян, не обеспечит их быт и выполнение повинностей в пользу помещиков и государства[15].

Гораздо более положительную оценку встретили проекты двух меньшинств Симбирского губернского комитета. Я. И. Ростовцев посвятил их разбору особую записку, в которой выразил мнение, что они «представляют первое отрадное явление между всеми доселе вошедшими в Главный комитет проектами положений... потому, что они вполне соответствуют стремлению правительства сделать из крестьян не пролетариев, а земельных собственников, без нарушения имущественных прав помещиков»[16].

Особый интерес в Главном комитете и Редакционных комиссиях вызвал проект 5-ти членов Симбирского комитета. Я. И. Ростовцев отметил, что этот проект «соединил выкуп усадеб с выкупом наделов, желал разрешить вопрос, а не обойти его»[17]. Размеры крестьянских наделов, определяемые симбирскими «либералами», были близки «к регулированному существующему наделу». Выкупные платежи признавались умеренными. Резкие возражения со стороны Редакционных комиссий встретило лишь предложение «меньшинства 5-ти» о необходимости замены общинного владения землей частным. Я. И. Ростовцев правильно определил, что в данном случае помещики Симбирской губернии стремились обеспечить себе гарантии выполнения крестьянами повинностей, регулярного поступления выкупных платежей. Таким гарантом должна была, по их мнению, выступать угроза продажи земли неисправного плательщика. Но Редакционные комиссии были призваны руководствоваться не только помещичьими интересами. В первую очередь учитывались интересы самодержавно-помещичьего государства. А они предполагали необходимость сохранения сельской общины как низшей ячейки административно-фискального аппарата империи.

Анализ в Редакционных комиссиях всех трех симбирских проектов, те выводы, к которым пришел на его основе Я. И. Ростовцев, сыграли большую роль в истории подготовки крестьянской реформы. Дело в том, что еще до создания Редакционных комиссий царизм наметил созыв в Петербурге представителей дворянства, избранных губернскими комитетами, для ознакомления с проектами готовящихся преобразований. Поскольку в своих планах осуществления реформы комиссии пошли значительно дальше большинства губернских комитетов, стремившихся сохранить монопольное право помещиков на владение землей[18], правительство не без опасений ожидало прибытия в столицу депутатов от дворянства. Угроза организованной дворянской оппозиции была вполне реальной. Подтверждением этого являлась позиция консервативно настроенного большинства Симбирского губернского комитета. Так, граф В. П. Орлов-Давыдов в 1859 г. издал в Париже брошюру, в которой доказывал, что

приоритет в вопросе устройства крестьянского дела должен принадлежать дворянству, а не бюрократии. Сей деятель был явно враждебно настроен по отношению к Редакционным комиссиям. Очевидным было и его стремление к конституционно-аристократическому образу правления[19].

Еще более определенной была позиция другого представителя большинства Симбирского комитета — Д. Н. Шидловского. Настаивая на олигархическом правлении, праве помещиков на всю землю, он в записке на имя царя прямо высказывал предположение о вероятности революционного взрыва вследствие неудовлетворительной работы Редакционных комиссий, игнорирующих материалы губернских комитетов. «Ввиду такой опасности,— писал он,— и очевидного наплыва западных идей, стремящихся к потрясению порядка в государстве, слияния самодержавия с дворянством, как с первым и самым естественным охранением престола и отечества, необходимо...»[20]. Ради единения «дворянства с самодержавием» император, по мнению Д. Н. Шидловского, должен был пойти на известное ограничение своей власти в пользу выборных от дворянства, в руках которых и следовало сосредоточить дело подготовки крестьянской реформы[21].

Важно отметить, что царизм умело использовал сложившуюся в губернских комитетах ситуацию с тем, чтобы предотвратить возможность возникновения оппозиции внутри господствующего класса. Поводом для осуществления мероприятий, направленных на это, явилось наличие, как это ни покажется странным, плюрализма мнений в составе Симбирского губернского комитета, выдвижение его членами трех различных по содержанию проектов. Я. И. Ростовцев счел, что «судя по образцу проекта 5-ти членов симбирского комитета можно ожидать многого от проектов меньшинств и в других губерниях»[22]. На этом основании было предложено «положить непременным правилом, чтобы при избрании двух депутатов от каждого из губернских комитетов, *один был избран от большинства, а другой от меньшинства*, если в комитете были бы составлены два различных проекта»[23]. На этом основании министерство внутренних дел с соизволения Главного комитета по крестьянскому делу поспешило сделать соответствующие распоряжения на места. В дальнейшем были даны дополнительные разъяснения, согласно которым комитеты, составившие по три проекта, должны были направлять в Петербург сразу трех депутатов[24]. В итоге от Симбирской, Владимирской, Рязанской, Курской и Витебской губерний в столицу прибыло по три дворянских депутата, причем две трети — либерально настроенные. Правительству, таким образом, удалось достичь того, что дворянские депутаты, разбитые к тому же на два призыва, не могли представлять сплошной оппозиции, каковую они являли бы, будучи избранными

лишь большинством губернских комитетов. Новому проекту крестьянской реформы, разработанному в Редакционных комиссиях, обеспечивалась зеленая улица. По существу, он остался неизменным и явился основой «Положений 19 февраля 1861 года».

* * *

Крестьянская реформа, весь цикл буржуазных реформ 60-х — 70-х гг. XIX в. оказали существенное влияние на положение господствующего класса-сословия. Оставаясь главной социальной опорой самодержавия, помещики-дворяне являлись, как и прежде, основным источником комплектования «верхов», движущей силой в механизме самодержавного государства. Вместе с тем, «благородные» дворяне утратили свою неограниченную власть над податным сословием. Наблюдалось углубление процесса имущественного расслоения господствующего класса. Происходила мобилизация земельных богатств в руках купеческой и кулацко-крестьянской верхушки. Сословное землевладение сменялось бессословным, капиталистическим. Дворянство оказалось подверженным разложению. Несмотря на огромные денежные суммы, вырученные помещиками в результате выкупной операции — а к 1882 г. симбирские дворяне получили от своих бывших крепостных 13 288,9 тыс. рублей,— несмотря на то, что правительство осуществило целый ряд мероприятий, направленных на сохранение и укрепление поместного землевладения (закон о майоратах, пожалование дворянам новых земель, организация кредитов и др.), фонд дворянских земель в Симбирской губернии стремительно сокращался. В 1863—1872 гг. помещики губернии утратили 12,8 тыс. десятин земли. В последующие три десятилетия симбирское дворянство лишилось почти 400 тыс. десятин земли. Если к 1 января 1870 г. за потомственными дворянами в пределах губернии числилось 1 232 303 десятины земли при 1427 владельцах, то к 1 января 1901 г. в руках 907 представителей этого сословия осталось 870 007 десятин[25]. Таким образом, дворянское землевладение как по количеству земельных угодий, так и по числу землевладельцев сократилось на целую треть. Это вызывало естественную тревогу консервативно настроенных симбирских помещиков.

Вступление России на путь капиталистического развития, обострение классовой борьбы в процессе осуществления крестьянской реформы диктовали необходимость определенных изменений в самодержавно-помещичьем строе страны. Идя навстречу устремлениям капитализирующегося либерального дворянства, набирающей силу буржуазии, но избегая ограничения бюрократического всевластия в пользу «общества», правительство приступило в 60—70-х гг. к созданию новых финансовых и судебных учреждений, органов земского

и городского самоуправления. Все это частично изменило структуру административного аппарата на местах. Но в Симбирской губернии, где основная масса населения по-прежнему была представлена крестьянством, особенно заметным было, что «вся вообще эпоха реформ 60-х годов оставила крестьянина... подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»[26].

Дворянство же, напротив, не только сохранило свое привилегированное положение, но и заняло ведущие позиции в органах теперь не столько сословного, сколько общественного надзора: в уездных и губернских присутствиях, в мировых судах. Фактически главой уезда являлся предводитель дворянства.

Создание земств как всесословных органов оказалось на руку помещикам. В деятельности земских учреждений отчетливо проявлялись классовые помещичьи интересы. Львиная доля земских средств расходовалась на содержание управленческого аппарата, на жалованье председателям и членам управ, которые избирались преимущественно из числа местных дворян, смотревших на выборные должности как на источник дополнительных доходов.

И все же направленностью и ходом реформ симбирское дворянство было явно не удовлетворено. В своем большинстве оно на всем протяжении второй половины XIX в. демонстрировало самодержавию оппозиционность справа, имеющую целью активизацию правительственных мер по «спасению» дворянства, повышение его значения на всех уровнях государственного управления.

С усилением реакции в 80-х гг. XIX в. симбирские помещики получили реальную возможность воплотить в жизнь свои планы «преобразования» общественно-политического строя. Именно в этот период с целью провала проектов так называемой Кохановской комиссии[27], направленных на дальнейшее буржуазное переустройство земских учреждений, была создана особая комиссия, в состав которой вошел и представитель симбирского дворянства А. Д. Пазухин. Наряду с другими крепостниками, вроде пензенского предводителя дворянства князя А. Д. Оболенского, орловского — С. С. Бахтеева, он приложил немало усилий к тому, чтобы не только «похоронить» проекты Кохановской комиссии, но и предложить собственные, содержащие разрозненные звенья программы обширной и разносторонней крепостнической контрреформы, ликвидирующей все то, что только возможно было ликвидировать из буржуазных реформ 60-х гг. 11 апреля 1885 г. Кохановская комиссия прекратила свое существование; все ее материалы подлежали передаче в Министерство внутренних дел[28].

Немногим ранее этого А. Д. Пазухин опубликовал в «Русском вестнике», издаваемом небезызвестным Катковым, огромную ста-

тью[29], которая сыграла роль своего рода манифеста дворянской реакции. В ней ставилась задача восстановления утраченного дворянством положения, давалась мотивировка сословным притязаниям наиболее консервативной части помещиков, к которым, несомненно, относилось и большинство дворян-землевладельцев Симбирской губернии. А. Д. Пазухин выступил через газету с неприкрытой проповедью возврата к старому крепостническому строю, с требованием ликвидации «фикции...о политическом равенстве сословий, об одинаковой их политической правоспособности»[30]. Критика буржуазных реформ звучала необычайно резко. Считая, что с отменой крепостного права дворяне действительно получили новое право — выставлять мировых посредников, ставших «естественными руководителями крестьянства», Пазухин заявлял, что в дальнейшем, с началом проведения в жизнь земской реформы, началось разрушение «исторических сословий», место которых заняли «случайные группы имущественников». В обличительном рвении автор статьи договорился до утверждения, что там, где поместное дворянство теряет влияние на ход дела, власть очень быстро переходит «в грязные руки представителей новых элементов», как это случилось с земствами, где господствуют «шайки негодяев»[31].

Последующие реформы, тесно связанные с земской, однородные с ней по духу, продолжили, по Пазухину, разрушительное для старого крепостнического порядка дело. Особую его неприязнь вызывала судебная реформа. С глубоким негодованием он писал: «Новые судебные учреждения, не имеющие связей с историей нашего судопроизводства, организованные по иностранным образцам, вводились в действие в эпоху сильного возбуждения умов, когда господствовал дух разрушения всех основ нашей истории. Состав судов, прокуратуры и адвокатуры наполнялся сторонниками этого отрицательного направления, которые образовали очень сильную корпорацию. Поставленная в положение независимое и самостоятельное, вооруженная правом карать и миловать, судебная корпорация имела полную возможность влиять на ход общественных дел, и это влияние сказывалось поощрением самых безобразных явлений нового строя жизни и беспощадным бичеванием всего, что носило следы дореформенной эпохи... В этой борьбе исторических основ жизни с началом разрушения... в борьбе сословного начала с бессословным, порядка с анархией и власти с своеволием, новые суды заняли положение воюющей стороны и открыто встали в оппозицию к власти... Органы правосудия не остановились даже перед покровительством государственной крамоле»[32].

С неприятием воспринял А. Д. Пазухин и военную реформу, наполнившую офицерский корпус «бессословной толпой». Он считал,

что только эта «противодворянская» политика прошлого царствования (Александра II.— А. К.) создала смуту в государстве. Именно она, а не социалистическая пропаганда, утверждал А. Д. Пазухин, породила убеждение о «переходе к крестьянству помещичьих земель», повела к ликвидации дворянского землевладения, создала интеллигенцию, наполняющуюся «отбросами» из «расшатанных сословий». Средство лечения этих язв автор манифеста дворянской реакции усматривал в одном — решительном восстановлении основных крепостнических порядков и обратной «замене всесословного начала сословным»; в том, чтобы дворянству было возвращено его былое значение, чтобы оно стало «снова служилым» и вместе с тем «земским сословием»[33].

Для того чтобы вернуть утраченный «патриархальный строй», избежать бесследного исчезновения «дворянских гнезд» и обеспечить новый расцвет «земледельческого сословия», А. Д. Пазухин предлагал всю финансово-экономическую политику правительства направить к одной цели: к поднятию значения «владельческих усадеб», должных «служить в будущем культурными центрами империи». Вместе с тем, он настаивал на том, чтобы все более или менее видные должности в губернской и уездной администрации занимались исключительно представителями дворянства.

А. Д. Пазухин не был одинок среди симбирских помещиков. Аналогичные взгляды исповедовали члены так называемой «партии новых помещиков». Они считали идеальным периодом русской истории «конец царствования императора Николая I», когда «дворянство представляло собой резко очерченное земледельческое сословие, на коем лежала вся государственная служба, как по местному управлению, так и в войсках и вообще в государственных учреждениях»[34].

Представители симбирского дворянства в одной из записок, посвященных вопросу об «оскудении» своего сословия, утверждали: «История указывает нам, что по мере того, как развивается и укрепляется самодержавие в России, развивается одновременно дворянское служилое сословие»[35]. Такая организация управления, «основанная на сословных началах,— по их мнению,— вполне соответствовала принципу самодержавного строя, ибо только землевладельческо-служилый класс может быть надежной консервативной опорой порядка в самодержавном государстве»[36].

Устремления симбирских помещиков как нельзя лучше в этот период импонировали реакционному правительству России. По свидетельству ряда мемуаристов (В. П. Мещерского, Е. М. Феоктистова), появление в печати статьи А. Д. Пазухина вызвало восторг у министра внутренних дел империи Д. А. Толстого. Очень скоро после этого А. Д. Пазухин был приглашен в правители дел канцелярии

министерства, и именно ему поручается выработка плана проведения контрреформ. В связи с этим Д. А. Толстой говорил Е. М. Феоктистову: «Теперь наступает второй период моей деятельности»[37].

Действительно, в течение ближайших трех лет А. Д. Пазухин облек свои крепостнические замыслы в формы законодательных проектов. Во многом благодаря его деятельности российское дворянство на рубеже 80—90-х гг. XIX в. в значительной степени восстановило прежде утраченные права над личностью крестьянина. Проекты А. Д. Пазухина, его симбирских и несимбирских единомышленников получили свое конкретное воплощение в положениях о земских начальниках (1889 г.)[38], о земских учреждениях (1890 г.), в новом городовом положении (1892 г.) и в ряде других правительственных мероприятий.

В результате дворянство на местах, в лице своих предводителей, земских гласных, председателей земских управ и особенно земских начальников, приобрело исключительную роль в уездной жизни. Сосредоточив в своих руках функции административной и судебной власти, будучи не стесненными более рамками «формализма» в отношениях с крестьянским населением, земские начальники свободно обращались с суммами средств волостных правлений и крестьянских обществ, не делая различий между этими деньгами и собственными средствами. Переделы земли, семейные разделы крестьян, приговоры сельских и волостных сходов, решения волостных судов, продовольственное дело, взимание денежных сборов — все это отныне находилось в ведении земских начальников и уездного предводителя дворянства.

Но и после осуществления цикла контрреформ помещики Симбирской губернии не успокоились. Продолжая писать «скорбные страницы современной жизни всего нашего дворянства», доказывая неминуемое его исчезновение, если существующее положение вещей не изменится, они предостерегали самодержавие от дальнейшего разрушения «того патриархального строя, коим жила и крепла святая Русь». В противном случае, ближайшее будущее представлялось им весьма мрачно: «обезземеленное дворянство будет рассеяно по земле русской, не составляя более сильного, крепкого, сплоченного сословия»[39].

В этом своем прогнозе они не ошиблись. Россия вступала в эпоху империализма.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 261.

[2] К. Маркс писал о «поднявшемся... вое» крепостников, убоявшихся, что предстоящая отмена крепостного права нанесет ущерб их интересам и правам.— См.: Архив Маркса и Энгельса, т. XII. М., 1952, с. 112.

[3] Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле.— Русская старина, 1882, октябрь, т. XXXVI, с. 147.

[4] На заре крестьянской свободы. Материалы для характеристики общества (1857—1861 гг.).— Русская старина, 1898, № 1, с. 80—81, 84.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 519, 520.

[6] Неофициальные известия «Симбирских губернских ведомостей», 1858, 21 июня, № 25.

[7] Корнилов А. А. Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—1859 гг.— Русское богатство, 1904, кн. II, февраль, с. 224.

[8] Симбирские губернские ведомости, 1858, 29 марта, № 13.

[9] Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле.— Русская старина, 1884, кн. II, февраль, с. 257—258.

[10] Корнилов А. А. Указ соч., с. 62.

[11] Более подробно о деятельности Симбирского губернского дворянского комитета, сущности разработанных в нем проектов крестьянской реформы см.: Ромашин И. С. Крестьянская реформа 1861 года в Симбирской губернии.— Ученые записки УГПИ, серия историч., т. XXI, вып. 5. Ульяновск, 1969; Кильмяшкин А. Е. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в губернских комитетах (Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний).— Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1971, вып. 40.

[12] «Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»,— писал В. И. Ленин.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

[13] См.: Захарова Л. Г. Редакционные комиссии 1859—1860 гг.: учреждение, деятельность (К истории «кризиса верхов»).— История СССР, 1983, № 3, с. 60; Соловьев Я. А. Крестьянское дело в 1856—1859 гг. Отрывок из заметок сенатора, тайного советника Я. А. Соловьева.— Русская старина, 1880, кн. II, февраль, с. 336.

[14] Русская старина, 1883, № 2, февраль, с. 600—601.

[15] Ромашин И. С. Указ соч., с. 19.

[16] Русская старина, 1883, № 2, февраль, с. 600—601.

[17] Материалы Редакционных комиссий, т. 1. Приложение к журналу № 1. СПб, 1860, с. 51.

[18] Князь Б. А. Черкасский, один из самых видных экспертов Редакционных комиссий, писал, что «большинство симбирского комитета стремилось стать монополистами ценного товара — чернозема, а потому желали обезземеленья крестьян».— См.: Корнилов А. А. Указ соч., с. 57.

[19] См.: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861.— Изд. МГУ, 1984, с. 184.

[20] Освобождение крестьян в царствовании императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Сост. Н. П. Семенов. Т. II. СПб., 1890, с. 939.

[21] В свете изложенного становится более понятной мысль К. Маркса о том, что созыв «нотаблей» (депутатов от дворянства) в Петербурге являлся показателем наличия в России «кризиса «верхов». Маркс с нетерпением ожидал этого события, рассчитывая на углубление возникших между самодержавием и дворянством противоречий.

[22] Русская старина, 1883, № 2, февраль, с. 602.

[23] Там же.

[24] Там же, с. 603.

[25] См.: Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917 гг.).— Саратов, изд. СГУ, 1982, с. 32; Письма из провинции. Банкротство хозяев.— Образование, 1905, январь, № 1, с. 61—62.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

[27] Кохановская комиссия была создана при министре внутренних дел Игнатьеве в 1881 г., в период второй русской революционной ситуации.

[28] Иславин М. В. Обзор трудов статс-секретаря Коханова Особой комиссии, ч. 1. СПб., 1908, с. 52, 58, 78—80.

[29] Позднее она была издана отдельной брошюрой.— См.: Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

[30] Пазухин А. Указ соч., с. 8.

[31] Там же.

[32] Там же, с. 13, 15, 21.

[33] Там же, с. 60.

[34] Письма из провинции. Банкротство хозяев, с. 61.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 249–250. См. также: Мещерский В. П. Мои воспоминания, т. III. СПб., 1912, с. 232.

[38] Составители положения 12 июля 1889 г. откровенно указывали, что цель их прямо противоположна цели реформ 1860-х гг.— См.: Русские ведомости, 1904, № 298.

[39] Письма из провинции. Банкротство хозяев, с. 60—61.

С. Б. Петров

Автор «Симбирского цикла»

Вильям Каррик оставил заметный след в истории культуры России XIX века.

Он был выдающимся фотографом-художником, одним из основателей фотоискусства в нашей стране. Каррик создал грандиозную фотогалерею «Русские типы», составной частью которой является «Симбирский цикл», и большую серию фотопортретов знаменитых русских людей. Его имя неотделимо от культурной жизни Петербурга 50—70-х гг. XIX в.

Семья шотландских купцов Карриков поселилась в России в XVIII в. Дед Вильяма Каррика в 90-х гг. 18-го столетия был известен на лондонской бирже как «купец из Петербурга». Его сын, также купец, Эндрью Каррик в 1825 г., приехав из Петербурга в Эдинбург, познакомился с очень красивой 15-летней девочкой Джесси. Вскоре он сделал ей предложение и они обвенчались, а 31 декабря 1827 г. у них родился первенец — Вильям.

Если верить семейным преданиям, то буквально через несколько недель после этого события Эндрью Каррик перевез семью из Эдинбурга в русский город Кронштадт, где Каррики прожили почти 16 лет до переезда в Петербург и где у них родилось еще двое детей — Джордж Лайон и Джесси-Мэри.

У маленького Вильяма рано обнаружились способности к живописи и изучению языков. После окончания в 1844 г. пансиона Фишвик он поступил в Петербургскую Академию художеств в класс архитектуры. Архитектурой Вильям интересовался мало и большую часть времени проводил в классе рисунка у замечательного художника профессора Александра Брюллова — родного брата Карла Брюллова.

Девять лет, проведенные Карриком в Академии, были годами безмятежного счастья. Семья его жила в достатке, имела широкие знакомства в кругах творческой интеллигенции. Сам Вильям был очень красив, отличался веселым нравом, знал несколько языков и везде был желанным гостем.

Небезызвестным человеком являлся Каррик в музыкальных и театральных кругах. Обладатель красивого баритона, он в юности нередко пел на вечерах у великой княгини Елены Павловны, родной сестры царя Александра I, где ему аккомпанировал молодой Антон Рубинштейн — будущий знаменитый композитор.

6 мая 1853 г. Каррик подал в Совет Академии художеств прошение: «Не имея возможности по домашним обстоятельствам далее продолжать академический курс и желая при открывшемся мне случае отправиться за границу для усовершенствования в архитектуре, я всепокорнейше прошу Совет Императорской Академии художеств удостоить меня звания художника по архитектуре по представляемым при сем исполненным мною в классе архитектуры программам и свидетельству, данному мне от г. профессора Р. А. Желязовича».

Просьба Каррика была удовлетворена: общим собранием Академии художеств он был «удостоен звания неклассного художника с правом производить строения».

Возможно, причиной выхода Вильяма из Академии и отъезда за границу явились не «домашние обстоятельства» (в семье в это время было все благополучно), а растущая оппозиционность Каррика к царскому режиму и опасность за это поплатиться.

В 1853—1857 гг. Каррик жил в Италии, в Риме, вместе с другом скульптором П. П. Забелло — знакомым А. И. Герцена, впоследствии автором его бюстов и надгробия в Ницце. Здесь Каррик активно занимался акварельной живописью, создал альбом характерных «итальянских типов». К сожалению, итальянский период жизни Вильяма Каррика остается для нас пока еще «белым пятном». Известно лишь, что он был дружен с русской колонией в Риме, хорошо овладел итальянским языком и очень увлекался итальянской оперой и народными песнями.

В Россию Вильям вернулся в связи с тяжелой болезнью отца и разорением фирмы Карриков.

Крымская война между Англией и Россией и связанная с нею блокада портов совершенно подорвали торговые дела отца. К тому же в Шлиссельбурге пожаром были уничтожены склады готовой продукции, которую Эндрью Каррик намеревался экспортировать в Европу. Все семейные заботы тяжелой ношей легли на плечи Вильяма. Ему надо было найти источник существования.

Поначалу он принялся за акварельные портреты. Но в то время даже самые лучшие художники-акварелисты не могли добыть своими работами необходимых средств для себя и семьи.

В конце 50-х гг. XIX в. в России развернулись горячие дискуссии о фотографии. Быстро поняв, какие широкие возможности открывает новая муза, молодой художник сменил кисть на фотоаппаратуру.

Летом 1857 г. Вильям вместе с младшим братом Джорджем отправился в Эдинбург. Джордж намеревался поступить на медицинский факультет местного университета, а Вильям — овладеть ремеслом фотографа. Оба брата достигли своих целей.

Фотоделу Вильям учился у фотографа Туна. В Эдинбурге Каррик познакомился также с фототехником Мак-Грегором, ставшим впоследствии его компаньоном и большим другом.

Жизненные планы будущего знаменитого фотографа-художника едва не были разрушены в том году из-за смелого и весьма рискованного поступка.

22 июня 1857 г. в Лондоне вышел первый выпуск герценовского «Колокола», а в декабре агенты III отделения арестовали в Петербурге Павла Мухина за чтение в Новотроицком трактире этого революционного издания. 28 января 1858 г. «Ведомости С.-Петербургской полиции» под рубрикой «Особые известия» сообщили следующее: «До сведения правительства дошло, что проживающий в С.-Петербурге отставной надворный советник Мухин читал в одном из здешних трактиров находившимся там людям изданные за границей сочинения преступного содержания. Произведенным исследованием и собственным сознанием Мухина сведение это подтвердилось, а потому он выдержан под стражею и выслан из С.-Петербурга в одну из отдаленных губерний под строгий полицейский надзор».

Первый выпуск «Колокола», за чтение которого был арестован П. Мухин, привез в Россию Вильям Каррик. Материалы исследования, произведенного по этому делу III отделением, хранятся ныне в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (фонд 109)[1].

Из документов следует, что В. Каррик передал первые три выпуска «Колокола» своему знакомому по Петербургской Академии художеств Федору Ивановичу Захарову, а тот первый выпуск — художнику Василию Ивановичу Исакову. Последний же дал его читать Павлу Мухину.

На вопрос, заданный Ф. И. Захарову 4 января 1858 г. в III отделении: «От кого получили Вы журнал «Колокол», для чего он дан Вам; сколько номеров и экземпляров каждого номера получили Вы и когда именно?», он отвечал: «От художника Вильяма Каррика, великобританского подданного; он предложил мне этот журнал для прочтения; я получил от него три номера (№ 1, 2, 3) по одному экземпляру, это было месяца полтора назад».

Далее Ф. И. Захарова спросили: «Давно ли Вы знакомы с Карриком?». Ответ: «Более 10 лет. Познакомился я с ним в Академии художеств и до сих пор сохранил с ним весьма хорошие отношения. Я сблизился с ним на весьма хороших, добрых качествах его и родители его очень хорошие и почтенные люди. Он живет у родителей и занимается живописью»[2].

Последовал вопрос: «Вы говорили, что он ездил за границу — когда он возвратился сюда и не известна ли Вам цель его поездки?».

Ответ: «Он приехал из-за границы, кажется, в конце сентября; ездил же туда, как говорили, за матерью, которая отправилась туда прежде»[3].

Вильямом Карриком очень заинтересовался Александр II. 5 января 1858 г. императору была доложена «Справка из 3-й экспедиции»: «Великобританский подданный Вильям Каррик имеет от роду около 30 лет, жил с малолетства в С.-Петербурге и воспитывался в Императорской Академии художеств. В 1853 г. отец Каррика, подданный российский, торгующий в Кронштадте канатами и другими корабельными принадлежностями, отправил его для усовершенствования в живописи в Италию, где пробыл он три года. Но, кажется, он не сделал там больших успехов, ибо, как говорят, он намерен совсем оставить художнические занятия и посвятить себя торговле...»[4].

6 января 1858 г. шеф III отделения князь Долгоруков написал, вероятно, А. Е. Тимашеву или Кранцу (впоследствии оберполицмейстеру Москвы): «Благовидным образом, не в виде полицейской меры, пригласите ко мне г. Каррика завтра утром в 10 часов». На полях против этой записи — пометка: «Исполнено. Каррик был у князя 7 января утром»[5].

О чем говорил Долгоруков с Карриком утром 7 января 1858 года, нам пока неизвестно, т.к. в делах III отделения запись этой беседы не обнаружена. Однако В. Каррик репрессирован не был. К слову, А. И. Герцен узнал о расправе над Павлом Мухиным из 51-го номера газеты «Норд» (Брюссель). 1 марта 1858 г. в 10-м выпуске «Колокола» он отозвался на это событие полной гнева заметкой «Не стыдно ли?».

Представленная царю Александру II справка о Вильяме Каррике не была точной. Не торговлей, а фотоискусством решил заняться этот талантливый молодой человек. Уговорив Мак-Грегора переехать в Россию, Каррик вместе с ним в 1859 г. открыл в Петербурге одно из первых в нашей стране фотоателье. Оно расположилось в доме № 19 по улице Малая Морская, невдалеке от знаменитого Исаакиевского собора.

Кто только не побывал в ателье Вильяма! Менделеев и Ге, Крамской и Гаршин, Стасов и... коробейники, извозчики, солдаты. За двадцать лет, с 1858 по 1878 г., Каррик создал большую серию портретов знаменитых русских ученых, литераторов, общественных деятелей, в том числе сделал последнюю фотографию умирающего Н. А. Некрасова.

Одним из первых в России фотограф овладел техникой фоторепродуцирования живописных полотен. Великий химик Дмитрий Менделеев, сам увлекавшийся фотографией, высоко ценил мастерство Вильяма Каррика, часто заказывал у него фоторепродукции полотен художников-передвижников и даже задумал вместе

с ним создать общество пропаганды в народной среде произведений искусства средствами фотографии.

Работы Каррика великий ученый помещал в самодельные альбомы. Они сейчас хранятся в музее-архиве Д. И. Менделеева в Ленинграде.

Тема «Каррик и художники России» заслуживает самого серьезного изучения. В. И. Срезневский писал: «Кто из семьи русских художников не знал Каррика, кто не ценил его всегда ровный веселый нрав?». Сын Вильяма Валерий Каррик в своем дневнике писал: «Вся плеяда тогдашних крупных художников — Крамской, Ге, Шишкин, Коровин, Савицкий — были в той или иной степени близки к отцу». Вильям Каррик был знаком, дружил и работал с большинством российских художников, творивших в 40—70-е гг. XIX в., а особенно — с передвижниками. Их влияние на творчество фотохудожника очевидно.

Но более интересным представляется исследование обратного влияния фотоискусства мастера на творчество художников.

Валерий Каррик в дневнике писал: «Немало пользовались снимками отца художники для вдохновения каким-нибудь пейзажным мотивом или для изображения движений». Друг Каррика Н. М. Соковнин был более категоричен: «Многие его картины с натуры вошли целиком в произведения художников...» Чтобы исследовать этот вопрос, необходимо разыскать всю коллекцию фотографий Вильяма Каррика.

Второе направление сотрудничества фотографа с художниками — это фоторепродуцирование их полотен и фотографирование экспозиций выставок передвижников. И третье — создание художественных фотопортретов мастеров кисти и резца.

Не случайно в 1876 г. В. Каррику было присвоено звание «Фотограф Академии художеств» и предоставлена мастерская в здании Академии.

Вильям Каррик, как уже говорилось, был очень красив. Высокий, стройный, с длинными каштановыми волосами и окладистой бородой, он являлся желанной моделью для художников. Ленинградский искусствовед Ю. Г. Епатко высказал предположение, что Каррик послужил моделью для одной из работ Карла Брюллова в Исаакиевском соборе. В настоящее время сотрудники Русского музея в Ленинграде ведут поиск портретов фотографа-художника.

Каррик постоянно совершенствовал свое мастерство. Так, в 60-х гг. он овладел новой техникой фотографирования групп на открытом воздухе. Много раз обходил фотограф со своей камерой петербургские улицы и предместья в поисках интересных лиц

и сценок городской жизни. Так постепенно сложилась коллекция «петербургских типов», состоящая из 300 фотографий.

В начале 60-х гг. у Вильяма Каррика появилась семья — сначала «нелегальная». Его возлюбленной, а через несколько лет и официальной женой стала знаменитая русская «нигилистка» Александра Маркелова — деятельница революционно-демократического движения, детская писательница и переводчица, одна из первых в России журналисток.

В течение пяти-шести лет Вильям скрывал от матери, что у него есть семья. Для этого, по его мнению, были основания. А. Маркелова имела ребенка от первого брака (его Вильям усыновил), была «нигилисткой» и атеисткой, не имела никакого приданого и зарабатывала деньги литературным трудом. Только после рождения второго сына (Валерия) Вильям познакомил мать со своей семьей.

Материально Каррику жилось в 60-е гг. очень непросто. Он должен был содержать мать, сестру, брата-студента, а затем еще и троих детей. Несмотря на трудности, он решил главное внимание в своем творчестве уделить созданию фотогалереи «Русские типы», т. е. фотографировать простолюдинов, которые ничего не могли заплатить. География путешествий Вильяма постепенно расширялась. Он ездил в Карелию, Новгородскую, Тульскую губернии, в Финляндию.

В 1871 и в 1875 гг. Вильям Каррик совершил две экспедиции по Волге от Нижнего Новгорода до Симбирска. В первой экспедиции его сопровождал Мак-Грегор. Сделав несколько непродолжительных остановок в различных приволжских городах и селах, друзья-фотографы прибыли в Симбирскую губернию, где провели более месяца, обосновавшись в имении друга Вильяма Н. М. Соковнина, в Сенгилеевском уезде.

Представитель старинного русского дворянского рода, Соковнин был одним из приятелей Т. Г. Шевченко, активным участником симбирского демократического кружка, объединявшего несколько десятков прогрессивно настроенных молодых людей, находившихся под сильным идейным влиянием Чернышевского и Добролюбова. Эти молодые люди распространяли «Колокол», писали обличительные статьи, вели борьбу за просвещение народа.

Н. М. Соковнин оставил о Каррике воспоминания, полный текст которых пока еще не разыскан. «Не многие знают, — писал Соковнин, — с какой любовью Каррик-шотландец воспроизводил типы русской жизни, какой драгоценный вклад сделал он в русскую этнографию... его тянуло внутрь России, на Волгу... и несколько лет тому назад, в 1871 году, уступая приглашениям, он приехал к нам в Симбирскую губернию со своим товарищем Мак-Грегором...

Совершенно новая природа, ширь и красота места, непочатый

угол материала — придали им обоим юношеские силы. Они работали с солнечного восхода до заката, без устали, без отдыха, часто производя до 25 негативов в день...»[6].

За время первого пребывания в Симбирской губернии Каррик сделал более 200 фотографий крестьян во время пахоты, покосов, на ярмарках и деревенских праздниках. Фотографировать тогда было нелегко. Вследствие слабой чувствительности фотопластинок снимать можно было только при ярком солнечном освещении с выдержкой в несколько минут. Так как моментальность снимка исключалась, Каррику приходилось выступать в роли режиссера. Он много часов терпеливо работал с крестьянами, впервые видевшими фотографа. Просил их надевать национальные костюмы, компоновал сцены из народного быта. На его фотографиях запечатлены представители народов Поволжья — русские, татары, чуваши, мордва в традиционных нарядах у своих деревянных, крытых соломой жилищ. Много интересных снимков было сделано на реках Волге и Суре.

«Я взял свои симбирские снимки, — писал Каррик сестре Джесси-Мэри в сентябре 1871 г., — чтобы показать их старому Брюллову (архитектору и художнику, брату знаменитого Карла Брюллова — С. П.), и как он восхищался ими!».

Летом 1875 г. Каррик вновь поехал в Симбирскую губернию, но уже без Мак-Грегора, умершего в 1872 г.

Сохранилось письмо Вильяма к матери, датированное 1 августа 1875 г. с обратным адресом: Симбирская губерния, хутор Нагорный, Николаю Михайловичу Соковнину. «Прошли по тем местам, которыми мы с Мак-Грегором любовались летом 1871 года, душа полна воспоминаниями... Вчера... отправились в соседнюю деревню, где я снял 12 удачных снимков. Домой вернулись к полудню и до обеда успели сделать еще шесть негативов. Снимали крестьян на жнивье...» В эту поездку Вильям сделал еще несколько сот интересных фотографий, посетив ряд уездов нашего края.

Галерея Каррика «Русские типы», состоящая из 800—1000 фотографий, была тепло встречена общественностью России и Западной Европы. На международной выставке 1876 года в Лондоне работы фотографа-этнографа произвели сенсацию. В газетах и специальных фотографических журналах о работах Каррика отзывались как о замечательных произведениях.

Высоко оценил мастерство фотографа критик В. В. Стасов: «Это собрание отличается не только превосходным техническим выполнением, но и большим разнообразием материала и замечательной художественностью в выборе фигур и поз нашего городского и сельского простонародья».

Скончался фотограф-художник 11 ноября 1878 г. от воспаления

легких. Из переписки Каррика известно, что он собирался совершить еще одну поездку в Симбирскую губернию летом 1879 г.

Для советских людей «Симбирский цикл» Вильяма Каррика особенно дорог, т. к. его поездки в губернию совпадают по времени с жизнью в Симбирске семьи Ульяновых.

На снимках В. Каррика запечатлен простой люд, та среда, в которой протекала жизнь Ульяновых. Уместен вопрос: знали ли в семье Ульяновых о В. Каррике? Отметим, что с семьей Соковниных в дружеских отношениях находился В. Н. Назарьев — друг и соратник И. Н. Ульянова (сообщил краевед А. М. Авдонин). Так что есть основания предполагать, что И. Н. Ульянов мог слышать о Каррике либо от Назарьева, либо от сфотографированных петербургским мастером крестьян. Он мог также видеть симбирские снимки Каррика в петербургских географических журналах.

Историки, этнографы, писатели, художники, кинематографисты благодаря работам Каррика имеют возможность портретно точно восстановить облик сотен людей — современников и земляков Ленина. Фотографии В. Каррика уже не раз использовались в телефильмах Центрального и Ленинградского телевидения, демонстрировались на фотовыставках в Москве, Эдинбурге, использовались в музеях. Их ждет большое будущее.

Более десяти лет автор этих строк ведет поиски фотографий В. Каррика. На сегодняшний день удалось установить следующее. Самая большая коллекция его работ (около 200 фотографий) хранится в Лондоне у Фелисити Эшби, родственницы фотографа-художника, и будет по завещанию передана в Русский архив города Лидса (Англия). Несколько десятков фотографий есть у лондонского коллекционера и торговца фотографиями Соммера Эриха. В СССР более 70 работ Каррика хранятся в отделе эстампов ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Большая коллекция снимков может обнаружиться в Женеве, где умер Л. В. Варнерке, купивший ее у самого В. Каррика в 1876 году. Сын фотографа художник-карикатурист Валерий Каррик распродал в Петербурге через магазины Дациаро и Аванцио «шкаф с негативами» своего отца. Таким образом, в нашей стране можно найти еще немало фотографий замечательного фотографа-художника — создателя уникального «Симбирского цикла».

[1] В распоряжение автора копии этих материалов предоставил профессор Саратовского университета И. В. Порох.

[2] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., оп. 5, 1857, ед. хр. 382, л. 25—26 об.

[3] Там же, л. 26 об.

[4] Там же, л. 31.

[5] Там же, л. 38.

[6] Записки Императорского русского технического общества, 1879, вып. 3.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Гаршин В. М. Полн. собр. соч. т. III. Письма. М.— Л., 1934.
[2] Епатко Ю. Столичный фотограф. — Нева, 1986, № 8.
[3] Записки Императорского русского технического общества, 1879, вып. 3.
[4] Запорожченко В. На снимках — Симбирск. — Правда, 1980, 13 февраля.
[5] Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л., 1984.
[6] Литературное наследство, т. 71. М., 1963.
[7] Морозов С. Русская художественная фотография. М., 1961. Морозов С. Творческая фотография. М., 1985.
[8] Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.
[9] Петров С. Возвращение «Симбирского цикла». — Ульяновская правда, 1980, 8 января.
[10] Порох И. Первый пострадавший. — Прометей, т. 3, М., 1967.
[11] Хорев М. Первые фотолетописцы Волги. — Волга, 1985, № 9.
[12] Художник. Академия художеств в 1859—1864 гг. — Русская старина, 1880, октябрь.
[13] Эшби Ф. Фотограф с Малой Морской. — Юность, 1976, № 7. Эшби Ф. Из «Симбирского цикла» Вильяма Каррика. — Советское фото, 1978, № 12.
Эшби Ф. Новое о Каррике. — Советское фото, 1985, № 4.

Л. Н. Шестакова

В. Н. Назарьев — организатор и руководитель Ново-Никулинского народного училища

Почти семнадцать лет жизни посвятил развитию народного образования Симбирской губернии И. Н. Ульянов. В эти годы в крае строились новые школьные здания, больше крестьянских детей стали посещать школы, были открыты училища для нерусских ребят, вводилась в преподавание современная методика. И. Н. Ульянов воспитал целую плеяду замечательных народных учителей. Всю эту гигантскую работу он провел благодаря беззаветному служению делу народного образования, а также, безусловно, тому, что ему удалось сплотить вокруг себя небольшую группу преданных помощников, разделявших его взгляды на народную школу. Среди них был и Валериан Никанорович Назарьев.

В. Н. Назарьев родился в марте 1829 года в селе Аникеевка Карсунского уезда Симбирской губернии в богатой помещичьей семье. Учился в Казанском пансионе, а затем в Казанском университете. В 1848 году он поступил на военную службу. К этому времени относится начало его литературной деятельности. Назарьев пищет повесть «Бакенбарды», в которой обличает крепостнические настроения офицерства.

Осенью 1858 года он по приглашению Панаева приехал в Петербург и был принят в редакции «Современника». Знакомство с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым оказало огромное влияние на Назарьева и резко изменило его судьбу. Он сам неоднократно писал об этом и в письмах, и в автобиографической повести «История моего несчастия»: «...невозможно вообразить себе более резкого контраста. Я ужаснулся своего невежества, своей отсталости и первый раз в жизни серьезно подумал о будущем...»[1]. «...люди, с которыми я столкнулся в редакции «Современника» (Добролюбов, Некрасов, Панаев, Чернышевский) — это были уже настоящие революционеры, которых не удовлетворила бы никакая конституция... Не было границ моим увлечениям и вернувшись в свой медвежий угол, я уже не в силах был примириться с медведями и волками — и с этого времени на долгое время остался чужим и совершенно не подходящим к помещикам и их нравам»[2].

В 1863 году Назарьев вышел в отставку и после непродолжительного пребывания в Петербурге вернулся в Симбирскую губернию.

Недалеко от села Ново-Никулино он построил хутор Назарьевку, где поселился, лишь иногда приезжая в Симбирск.

Живя в Назарьевке, он много времени отдавал литературной и общественной деятельности. Произведения Назарьева печатались в лучших журналах того времени — «Современнике» и «Отечественных записках». Сотрудничал он и в поволжских органах — «Самарской газете», «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете», «Волжском вестнике», журнале «Городской и сельский учитель». В 1882 году его пьеса «Золотые сердца» была поставлена в московском Малом театре[3], а в ноябре 1883 года она с большим успехом шла на сцене Симбирского театра[4].

В. Н. Назарьев неоднократно избирался мировым судьей, был членом комитета Карамзинской библиотеки, Симбирской ученой архивной комиссии, почетным членом Общества вспомоществования учителей и учительниц, членом попечительского совета коммерческого училища и Симбирского уездного училищного совета.

В исторических и литературных работах педагогическая деятельность В. Н. Назарьева практически не освещена. Правда, существует более десяти статей и беглых заметок справочного характера, но среди них нет ни одной, специально посвященной Назарьеву как деятелю народного образования. Есть упоминания о Назарьеве в большинстве работ об И. Н. Ульянове. Но в этих работах деятельность В. Н. Назарьева отражена крайне поверхностно и зачастую необъективно. Он показан как барин-сибарит, от скуки занявшийся народным образованием, как человек, для которого важно не само дело образования крестьян, а возможность выделиться на этом поприще, блеснуть речью о нуждах сельской школы[5]. Его представляют образованным помещиком-филантропом, который хоть и построил в своем имении хорошо оборудованную школу (благо, что денежных средств у него было достаточно), но не тратил на народное образование ни своих сил, ни времени[6].

Между тем деятельность В. Н. Назарьева в области народного образования была многогранна. Он организовал народные чтения при Крестниковской школе, был попечителем Тагайской и Крестниковской народных школ, организатором и руководителем Ново-Никулинского сельского народного училища. В начале 70-х годов прошлого века он начал собирать материалы для задуманного им учебника по родиноведению и отечествовладению. Эта работа получила высокую оценку видного деятеля народного образования Н. А. Корфа, с которым Назарьев переписывался. Корф писал в письме к Валериану Никаноровичу: «Издать что-либо подобное крайне необходимо, и программа Ваша задумана чрезвычайно рационально... Вы обладаете блестящим пером, и так знаете народ, что Вам и книга в руки»[7].

Его увлечение народным образованием было так серьезно, что Назарьев специально поехал в Петербург для того, чтобы изучить опыт учительской семинарии и образцовой столичной школы. Будучи членом Симбирского уездного училищного совета, он инспектировал школы, писал об этих проверках отчеты, которые печатались в симбирских газетах, проводил проверочные испытания учащихся, разрабатывал предложения для улучшения сельской школы.

Данная статья посвящена лишь одной стороне деятельности В. Н. Назарьева в области народного образования — организации им Ново-Никулинской сельской народной школы и руководству ей.

Еще в середине 60-х годов, только что вернувшись в Симбирскую губернию, Назарьев, несмотря на то, что здесь «на каждого говорившего о сельской школе смотрели как на блаженного или опасного человека, и положение его становилось в одно и то же время мучительно тяжелым и невообразимо комичным»[8], собрал восемь крестьянских мальчиков и стал их учить. Валериан Никанорович вспоминал, что для него это было время поисков методических приемов обучения. Дало ли обучение существенные результаты, сказать трудно. Назарьев не упоминает об этом. Но то, что ребятам было интересно учиться у него, что им нравилось находиться в его доме — это несомненно. Назарьев писал: «Мои воспитанники в непродолжительное время сделались членами семьи моей... и только на ночь уходили домой»[9].

Затем В. Н. Назарьев переехал в Симбирский уезд и в селе Ново-Никулино, которое, по его словам, было «самого патриархального первозданного вида»[10], решил создать школу. Она была открыта в доме местного священника в 1868 году. В ней начали заниматься 10 учеников. К весне 1869 года ребята уже умели читать и писать.

За это время Назарьев построил без всяких сборов с крестьян помещение для школы. Это было деревянное двухэтажное здание: одна очень большая классная комната — 53 кв. м, десять окон, голландская печь, прихожая. При училище был двор и надворные постройки[11]. Примерная стоимость дома составляла 1000 рублей.

В училище в 1869—1870 гг. обучалось 20 учеников, в 1871-м — 30, 1872-м — 40, 1875-м — 53, 1877-м — 53, 1878-м — 45, 1887-м — 40[12]. Пятеро мальчиков из беднейших семей содержались полностью на средства В. Н. Назарьева[13].

Но открытие и существование школы было связано с большими трудностями. Крестьяне отнеслись к ее созданию крайне отрицательно. Назарьева очень удивляло такое отношение сельского общества к школе. Он писал об этом в письме к П. В. Анненкову и подчеркивал, что недоброжелательность проявлялась «невзирая на то, что содержание школы ничего не стоило обществу». С горечью

и недоумением Назарьев замечал, что образовалась целая партия противников грамотности, состоявшая из так называемых «мироедов», ополчившихся на успехи школы не только с равнодушием, но и с какой-то свойственной русскому человеку насмешкой»[14].

Для того чтобы наглядно доказать крестьянам пользу грамотности, Назарьев назначил каждому сельскому обществу мальчика, который должен был писать крестьянам письма, давал ребятам домой книги, чтобы они читали вечером в семье, ученики вели домашние приходно-расходные книги. И, видимо, ему удалось преодолеть недоверие и недоброжелательность крестьян к школе, раз число учеников не сокращалось и за восемь первых лет существования школы выросло более чем в два раза. Кроме того, ее стали посещать не только мальчики, но и девочки.

Сначала училище существовало лишь на деньги В. Н. Назарьева и на 30 рублей от церковного попечительства. С 1872 года Симбирское земство стало давать на его содержание 180 рублей, но в 1875 году снизило свою помощь до 160 рублей[15]. Был составлен капитал, принадлежащий школе, который уже в 1872 году достиг 500 рублей. С капитала же, пожертвованного Назарьевым, доход в 1886 году составил 115 рублей[16].

Классная комната Ново-Никулинского училища была обставлена 20-ю столами нового образца с откидными крышками, рассчитанными на двух учеников каждый. Училище было снабжено почти всеми лучшими учебными пособиями: имелись «волшебный фонарь», подвижной зоологический атлас, атлас типов народов, были составлены коллекции насекомых, почв, металлов, растений и предметов из ржи и льна[17]. Была в школе и хорошая по тому времени библиотека, где в 1887 году насчитывалось 40 книг для учителей и 86 — для учеников, 45 учебных пособий. В 1888 году было приобретено еще 20 книг[18].

Ново-Никулинская школа резко отличалась от школ того времени, в которых «...с трудом можно дышать от духоты и тесноты», где «...иначе не могут выходить к доске, как пролезая под столами, похожими скорее на орудия пыток, нежели на классную мебель»[19]. В годы деятельности в Симбирской губернии И. Н. Ульянова положение со школьными зданиями, мебелью, учебниками и учебными пособиями значительно улучшилось. Но в своих отчетах Илья Николаевич выделял Ново-Никулинскую школу, считая ее одной из лучших в Симбирском уезде.

На преподавательскую деятельность в училище В. Н. Назарьев подбирал хороших, способных преподавателей.

Шесть лет работал в Ново-Никулинском училище Сергей Максимович Шилдаев. До 1869 года он учился живописи в Москве. Приехав навестить своих родителей, стал заходить к Назарьеву, и тот,

давая Шилдаеву читать педагогическую литературу, ведя с ним разговоры о школе, заинтересовал его делом народного образования. Уже осенью 1869 года Шилдаев выдержал экзамен на звание народного учителя. Он дважды принимал участие в съездах народных учителей, которые проводил в Симбирске И. Н. Ульянов, и был командирован земством на съезд народных учителей в Москву. По словам Назарьева, Шилдаев вскоре после начала своей педагогической деятельности стал лучшим преподавателем в уезде. Валериан Никанорович писал о нем: «Такой мягкости в обращении с детьми, такой нравственной чистоты и неутомимого стремления к знаниям я еще не встречал»[20]. Уже в 1871 году в отчете И. Н. Ульянова говорилось о Шилдаеве, что он ведет дело с умением и редким усердием, вполне сознает важность обязанностей народного учителя[21]. В отчетах за 1872, 1873, 1874 годы Илья Николаевич снова отмечает учителя за усердие и знание дела[22]. В октябре 1874 года Ново-Никулинское училище посетил инспектор народных училищ В. Г. Зимницкий. В своем отчете он писал: «Как законоучитель... так и учитель г. Шилдаев весьма способны в деле преподавания, усердны и опытны. Оба довольно много читают из того, что относится к делу народного образования и пишется в педагогических журналах и отдельных книгах. Вот почему учебную часть я нашел в Никулинском училище в наилучшем виде»[23].

Шилдаев применял в своем преподавании передовую методику, в частности, звуковой метод обучения, и делал это не без влияния В. Н. Назарьева. Недаром уже через два года со дня организации школы дети правильно и красиво писали, читали, считали на счетах, ясно излагали на бумаге прочитанный рассказ.

В 1876—77 учебном году в Ново-Никулинском училище преподавал Н. Я. Лукьянов, которого И. Н. Ульянов считал одним из самых способных выпускников Симбирских педагогических курсов. Назарьев был высокого мнения о результатах работы Н. Лукьянова и в 1895 году писал: «У меня до настоящего времени хранятся письменные работы учеников Ново-Никулинской школы при учителе Лукьянове... не оставляющие желать ничего лучшего»[24]. В 1877 году Лукьянов приехал в Симбирск и вскоре стал одним из домашних учителей в семье Ульяновых. Он был назначен заведующим 4-м Симбирским приходским училищем, где под его руководством в 1881— 1883 годах работала А. И. Ульянова.

В учителях В. Н. Назарьев особенно ценил любовь к своему делу, старание. Таких учителей он и стремился привлекать в свою школу. Так, об учителе Корчагине Назарьев писал, что «он весь поглощен исполнением своего долга и на нем как нельзя более отразилось воспитательное значение и характер Казанской учительской семина-

рии, воспитанники которой хотя и страдают отсутствием бойкости и находчивости, в то же время чужды всякой вычурности и по своей простоте и усердию представляют самый желанный и надежный тип сельского учителя настоящего времени»[25]. А через год, отмечая успехи Ново-Никулинской школы, он подчеркивал: «...справедливость требует сказать, что успехи ее оказались если не выдающимися, то во всяком случае превосходящими успехи Анненковской, Покровской, Репьевской, Крестниковской и Нагаткинской школ. В особенности же благодаря усердию учителя Корчагина Ново-Никулинская школа отличается по чтению и правописанию»[26].

Назарьев сам с удовольствием давал уроки в училище. Его любимым предметом был русский язык. Один из бывших учеников после смерти В. Н. Назарьева в письме в редакцию газеты «Биржевые ведомости» вспоминал: «Лишь только бывало завидим мы знакомый шарабанчик... как с позволения учителя выбегаем навстречу любимому барину, лепимся к его экипажу, кто сзади, кто сбоку, а порезвее взбираются на сидение, и даже на колени к нему. Наскоро справившись о здоровье детей... всех переспросит, всем даст наставления. Учителя он обыкновенно просит отдохнуть, а сам садится на его место и начинает заниматься. Вдруг ,шутливое и ласковое выражение исчезало и Валериан Никанорович становился серьезным и речь его принимает деловой вид. Он втягивался в интерес урока и весь предавался ему. До того его преподавание было интересно и увлекательно, что мы не замечали, как проходит час и нам жалко было, что так скоро летит время. Но иногда Валериан Никанорович занимался и два часа»[27].

В связи с деятельностью Назарьева как организатора и попечителя Ново-Никулинского училища не совсем ясен вопрос о его взаимоотношениях с учителями, преподававшими в училище. Судя по отзыву бывшего законоучителя Л. Григорьева, который писал в письме к Назарьеву: «...в трудную минуту жизни я постоянно прибегал за советом... и Вы подавали мне добрые, разумные советы»[28],— они были дружественными и теплыми. Но тот факт, что преподаватели училища часто менялись, позволяет предположить и обратное. Не понятно, почему оставили училище Шилдаев, Лукьянов, Корчагин. Если Лукьянов, приехав в Симбирск, оказался в лучших условиях, чем были у него в Ново-Никулине, то, например, Шилдаев сменил Ново-Никулинское училище на значительно худшую сельскую школу, даже потеряв в жаловании.

Возможно, что Назарьев рассматривал училище как часть своего имения, где его мнение как хозяина было непререкаемо. И, естественно, если мнение учителя по вопросам преподавания не сходилось с мнением Назарьева и учитель не желал соглашаться, то был вынужден уходить. Видимо, конфликты носили довольно сильный

характер, если учителя уходили, оставляя выгодное в материальном отношении место. Даже тот факт, что Назарьев давал уроки в своем училище, говорит о том, что он считал его частью своего хозяйства: ведь он не был подготовленным педагогом и к тому же, неожиданно приезжая, своим вмешательством в учебный процесс срывал планы учителя.

Но надо отметить, что эти отрицательные стороны в деятельности Назарьева все-таки не помешали тому, что Ново-Никулинское училище было одним из лучших в Симбирском уезде.

В отчетах И. Н. Ульянова дается высокая оценка и Ново-Никулинскому училищу, и деятельности В. Н. Назарьева. Во многих отчетах Илья Николаевич называл В. Н. Назарьева в числе попечителей и членов училищных советов, которые обращают на себя внимание своим сочувствием делу народного образования и заслуживают особой признательности.

До последних дней жизни В. Н. Назарьев заботился о Ново-Никулинской школе, содержал ее.

Объясняя свой постоянный интерес к образованию народа, он писал: «...наше увлечение не было навеяно духом времени, текущей литературой или модой. Нет. Оно было вызвано двадцатилетним, почти безвыездным пребыванием в деревенской глуши и постоянным наблюдением над крестьянскими детьми, лишенными земского попечения, представленными самим себе и вечному кочеванию по сельской улице с ее голубыми вывесками питейных заведений, кабачными нравами, драками...»[29].

Умер В. Н. Назарьев в феврале 1902 года в Симбирске и был похоронен в Назарьевке.

Спустя 12 лет, 2 декабря 1914 года, Симбирский уездный училищный совет просил директора народных училищ Симбирской губернии возбудить ходатайство о присвоении Ново-Никулинской школе имени В. Н. Назарьева. 12 февраля 1915 года симбирский губернатор сообщил директору народных училищ губернии о том, что не возражает против присвоения школе имени ее основателя[30].

[1] Назарьев В. Н. История моего несчастия. ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, ед. хр. 2, л. 106.

[2] Письмо В. Н. Назарьева зятю, А. К. Штакельбергу от 22 ноября 1901 г. ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, ед. хр. 8, л. 97.

[3] Письмо В. Н. Назарьева Г. К. Назарьевой. ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, ед. хр. 7, л. 13—23.

[4] Письмо В. Н. Назарьева А. К. Штакельбергу. ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, ед. хр. 1, л. 100—104.

[5] См.: Шагинян М. Первая всероссийская. М., Молодая гвардия, 1965.

[6] См.: Кондаков А. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. М., 1964; Григорьев И. Отец. М., 1969.

7 Письмо Н. А. Корфа В. Н. Назарьеву от 26 января — 6 февраля 1873 г. ИРЛИ, ф. 441, оп. 1, ед. хр. 9, л. 4.

8 Письмо В. Н. Назарьева Н. А. Корфу от 2 февраля 1872 г. ИРЛИ, ф. 441, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1—2.

9 Там же.

10 Там же.

11 См.: Ульянов И. Н. Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1879 г. Симбирск, 1881, с. 69.

12 См.: Ведомость об учащихся.— Вестник Симбирского земства, 1888, № 10, с. 64, Назарьев В. Н. Очерк 33-х школ Симбирского уезда за 1876/77 учебный год.— Симбирская земская газета, 1877, 24 апреля; Отчет члена Симбирского уездного училищного совета В. Назарьева за 1877/78 учебный год.— Симбирская земская газета, 1878, 9 апреля; Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 г. Казань, 1873, с. 53; Отчет члена Симбирского уездного училищного совета В. Назарьева.— Симбирские губернские ведомости, 1875, 10 мая; Ведомость о начальных народных училищах и школах Симбирского уезда за 1871 год. ГАУО, ф. 768, оп. 1, ед. хр. 3, л. 27.

13 Ульянов И. Н. Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1873 год. Симбирск, 1874, с. 69.

14 Письмо В. Н. Назарьева к П. В. Анненкову от 3 августа 1881 г. ИРЛИ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 72, л. 24—25.

15 Отчет члена Симбирского уездного училищного совета В. Назарьева.— Симбирские губернские ведомости, 1875, 10 июня.

16 Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1886 г., составленный директором училищ Ишерским.— Вестник Симбирского земства, 1887, № 12, с. 12.

17 Ульянов И. Н. Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1873 г. Симбирск, 1874, с. 64.

18 Ведомость о школьных помещениях, учащихся, об учителях и учительницах, о библиотеках.— Вестник Симбирского земства, 1888, № 10.

19 Назарьев В. Н. Отчет о состоянии 20-ти школ в Симбирском уезде за 1873/74 учебный год. — Симбирские губернские ведомости, 1874, 27 апреля.

20 Письмо В. Н. Назарьева Н. А. Корфу от 2 февраля 1872 г., л. 2.

21 Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1871 г. Казань, 1872, с. 40.

22 Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 г. Симбирск, 1873, с. 21; то же за 1873 г. Симбирск, 1874, с. 29, 65; то же за 1874 г. Симбирск, 1875, с. 25.

23 Зимницкий В. Г. Отчет о состоянии народных училищ Симбирского уезда. См.: Ульянов И.Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1874 г., с. 75.

24 Назарьев В. По школам.— Симбирские губернские ведомости, 1895, 3 июня.

25 Отчет члена Симбирского уездного училищного совета В. Назарьева за 1877/78 учебный год. Симбирская земская газета, 1878, 9 апреля.

26 Назарьев В. Беглый очерк 26-ти школ Симбирского уезда.— Симбирская земская газета, 1879, 22 апреля.

27 ЦГАЛИ, ф. 353, оп. 1, ед. хр. 8, л. 113—114 об.

28 Письмо Л. Григорьева В. Назарьеву от 21 ноября 1873 г. ИРЛИ, ф. 441, ед. хр. 4.

29 Отчет члена Симбирского уездного училищного совета В. Назарьева за 1877/78 учебный год.— Симбирская земская газета, 1878, 16 апреля; ГАУО, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 1552, л. 1—3.

А. Н. Блохинцев

По страницам месяцеслова

Просматривая месяцесловы начала XIX века, можно встретить немало интересного и значимого.

Вот один из них — небольшая по объему книжка в мягком переплете. На заглавной странице напечатано: «Месяцеслов на лето от рождества Христова 1824, которое есть високосное, содержащее в себе 366 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской Империи». Ниже государственный герб — двуглавый орел, а еще ниже — указание, где напечатана эта книга: «В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук». Книга покрыта яркой оранжевой обложкой. Сверху на обложке черными чернилами сделана надпись: «1824 год. Сей календарь принадлежит Дарье Никифоровне Родионовой». А далее следуют местные приметы. На 3-й странице — мастичная печать: «Вешкаймский волостной Совет солдатских и крестьянских дел. Карсунск. уез. Симбирск. губ.» На 1-й странице — другая печать: «Дворец книги имени В. И. Ленина. Симбирский губполитпросвет».

При брошюровании книги в нее вплетено через определенные промежутки по одному листу чистой бумаги, в расчете на то, что владелец месяцеслова будет делать здесь свои пометки или записи. Так и поступила в данном случае Дарья Никифоровна Родионова. На чистых страницах месяцеслова ею сделано множество различных записей: «Почата голова сахару», «Почат 1 фунт чая», опять «Почата голова сахару», «Сивая кривая принесла жеребенка», «Поставлено сена на Мокрой поляне 15 стогов, на Дьячей 10 стогов, а всего 25», «Помочью сжато 77 десятин, свезено 979 телег по 75 снопов», «Убит кормленый бык 12 пуд. 20 фунтов. Сала 2 пуда 4 фунта». А вот короткая сводка уборочных работ: «Набрано поскони в Вешкайме 3620: в Вырыпаевке у гумна 1030 сно: со второго конопляника — 750: в Шарлове — 1625 сно: в Пясне — 730 сно». «Сно» означает «снопов».

Дарья Никифоровна делает эти и другие записи потому, что мужа нет, он умер и она сама ведет хозяйство. Эти чисто хозяйственные заметки перемежаются записями о приезде близких родных, об их отъезде, о своих поездках в Симбирск и другие места. Так, 1 февраля 1824 года она записала: «Приехали в Симбирск я и моя сестра Анна Никифоровна с детьми», а 19 февраля пометила: «Поехала сестра Анна Никифоровна в Москву возвратно».

Но кто такая Дарья Никифоровна Родионова? Она — старшая сестра генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева[1] — бывшего начальника штаба суворовской армии и личного друга А. В. Суворова[2]; он же был сподвижником другого знаменитого полководца — М. И. Кутузова. Дарья Никифоровна — тетка декабриста Василия Петровича Ивашева и двоюродная тетка братьев Тургеневых, родственница многих симбирян, в частности Аржевитиновых, Бекетовых, Татариновых, Толстых, Языковых. Она родилась в 1766 году; в 1790 году в документах числилась секунд-майоршей[3] и была замужем за Иваном Александровичем Родионовым[4]. Дед ее мужа — полковник Иван Александрович Родионов, и отец мужа — отставной капитан артиллерии Александр Иванович Родионов — были убиты пугачевцами в Казани в 1774 году[5]. Муж Дарьи Никифоровны, Иван Александрович, умер в 1819 году, после чего она и ее брат Петр Никифорович Ивашев были определены опекунами ее малолетнего сына Петра[6]. Дарья Никифоровна была владелицей богатого имения в селе Вешкайма Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Вешкаймского района Ульяновской области).

Художник К. А. Макаров написал ее поясной овальный портрет, относящийся к 30-м годам прошлого столетия. Дарья Никифоровна изображена на портрете в богатом и изящном кружевном головном уборе, с таким же воротником и обшлагами на рукавах светлого платья[7].

Она была современницей многих интересных в историческом отношении лиц, близко общалась с некоторыми из них, и поэтому ее заметки на страницах месяцеслова представляют определенный интерес.

Младшая сестра Д. Н. Родионовой — Анна (по крещению Христина) вышла замуж за полковника Михаила Дмитриевича Лихарева — дальнего родственника декабриста Владимира Николаевича Лихарева[8]. Так же, как и Дарья, Анна Никифоровна приходилась теткой декабристу В. П. Ивашеву; семьи Ивашевых и Лихаревых поддерживали теплые родственные отношения. Лихаревы бывали в Симбирске и в ундоровском имении Ивашевых, а Ивашевы, приезжая в Москву, бывали у Лихаревых.

Имение Дарьи Никифоровны в селе Вешкайма находилось недалеко от московского тракта и часто посещалось симбирянами, ехавшими в Москву и Петербург или обратно. От Симбирска оно находилось в 110 верстах, и едущие в Вешкайму обычно делали остановку-отдых в имении Языковых, в одноименном селе, располагавшемся в 65 верстах от Симбирска. В месяцеслове Дарьи Никифоровны есть запись: «25 августа 1824 года поехали в Симбирск, а приехали сюда 27-го, ночевавши у Языковой». Писала она по-

старому — Синбирск, как это было принято в XVII—XVIII веках. А ночевала у матери поэта Н. М. Языкова Екатерины Александровны, урожденной Ермоловой.

В мае 1824 года к Дарье Никифоровне съехались гости. Вероятно, это было связано с днем ее рождения или именин. 24 мая она записала: «приехали Пе: Ни: и Ве: Але: с Елиз: Пе: и Bacihl». Таков своеобразный шифр ее записей, в котором не слова, а слоги, разделенные двоеточием; он встречается довольно часто в ее заметках. В данном случае это означало, что к ней приехали Петр Никифорович и Вера Александровна Ивашевы с дочерью Елизаветой Петровной и сыном Базилем — так звали в семье Василия Петровича Ивашева. Но автор записи допустила ошибку: вместо «Basil» она написала «Bacihl».

Таким образом, вместе с родителями и сестрой к тетушке пожаловал декабрист Василий Петрович Ивашев — друг П. И. Пестеля, основателя и руководителя Южного общества декабристов[9]. Василий Петрович, не будучи обременен службой в качестве адъютанта командующего 2-й Южной армией Витгенштейна, часто пользовался «домовыми» отпусками и с осени 1823 года по октябрь 1824 года находился в Симбирске и в Ундорах, что дало ему возможность навестить свою тетушку.

28 мая Дарья Никифоровна сделала пометку: «поехали наши Ивашевы». Это означало, что Ивашевы возвращались в Симбирск.

Среди ряда заметок хозяйственного характера Дарья Никифоровна сделала запись о том, что 5 сентября 1824 года в Симбирск прибыл император Александр I, а 7 сентября утром он выехал из города.

Через день, 9 сентября, она записала: «приехала Завалишина». Это — Надежда Львовна Завалишина, урожденная Толстая, вторая жена генерала Иринарха Ивановича Завалишина — мачеха декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина. Она приходилась двоюродной сестрой Вере Александровне Ивашевой и родной сестрой Екатерине Львовне Тютчевой — матери известного поэта[10].

Через шесть дней, 15 сентября, Дарья Никифоровна начала сравнительно большую запись: «Была свадьба Елизаветы Петровны Ивашевой с Петром Михайловичем Языковым. Обеды: 16-го — у молодых, 17-го — у Петра Никиф., 18-го — у нас. 23-го я выехала, а 24-го возвратилась в Вешкайму».

Любимая племянница Дарьи Никифоровны, девятнадцатилетняя Лиза, сестра декабриста, стала женой старшего брата поэта Языкова. Впоследствии Лиза, подобно многим замечательным женщинам России, отдала более двадцати лет своей жизни делу оказания помощи брату-декабристу и его товарищам по каторге и ссылке. Летом 1838 года она совершила тайную поездку к брату в Сибирь,

а позже, находясь в Париже, встречалась с А. И. Герценом и рассказала ему о судьбе брата и его жены Камиллы, что нашло отражение на страницах «Былого и дум»[11].

Лиза Языкова была другом Н. В. Гоголя[12], И. С. Тургенева, М. А. Бакунина[13], неоднократно встречалась со своим троюродным братом Ф. И. Тютчевым, вела переписку с М. Н. Волконской, Н. Д. Фонвизиной и другими женами декабристов, находившимися с мужьями на каторге[14]. В своих частых поездках на лечение за границу она была своеобразным почтальоном негласной переписки русских эмигрантов с родиной[15] и доставляла в Россию запретную литературу[16].

Ее муж П. М. Языков вошел в историю русской культуры как ученый-геолог и как собиратель русских народных песен. Он с отличием окончил одно из лучших учебных заведений того времени — горный корпус и собирался приступить к научной работе, но смерть отца заставила его вернуться в Симбирск и заняться хозяйственными делами по управлению имениями семьи. Впоследствии он стал автором около тридцати научных работ, опубликованных в различных журналах. Он собрал обширную палеонтологическую коллекцию и активно участвовал в записи народных песен, вошедших в известное собрание П. В. Киреевского[17]. Это не помешало ему стать основателем и фактическим главой первой в Симбирске общественной Карамзинской библиотеки и одним из инициаторов сооружения памятника историку и писателю Н. М. Карамзину в родном городе. Петр Михайлович встречался с А. С. Пушкиным[18], дружил с Н. В. Гоголем, был знаком со многими деятелями русской культуры, в числе которых Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, Д. П. Ознобишин, П. В. Киреевский, М. П. Погодин, А. С. Хомяков и другие.

Итак, свадьба Лизы и Петра Михайловича состоялась 16 сентября, был свадебный обед у молодых. Он проходил в доме Языковых на Спасской улице Симбирска, где 13 сентября 1833 года Пушкин провел несколько приятных часов в обществе симбирян во время своей поездки в Оренбург[19].

17 сентября был проведен свадебный обед в доме Ивашевых, а 18-го — у Родионовых (ни то, ни другое здание не сохранились), и только через четыре дня тетушка покинула свою новобрачную племянницу.

В одном из ноябрьских листов месяцеслова (не ранее 15 ноября), вероятно, на основании письма от сына Петра — корнета лейб-гвардии Конного полка, Дарья Никифоровна записала: «Было в Петербурге наводнение, на две сажени дома были в воде, многие лишились жизни, а другие спасались на лодках, причем была сильная буря».

Это — запись о катастрофическом наводнении в Петербурге, случившемся 7 ноября 1824 года и описанном Пушкиным в его «Медном всаднике»:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
. . . .
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Несколько позже, в декабре, Дарья Никифоровна отметила: «20-го приехали Языковы, а 22-го уехали». Это значит, что Лиза и Петр Языковы побывали у тетушки в Вешкайме.

А вот другая, подобная первой, книжка — «Месяцеслов на лето от рождества Христова 1825». На заглавном листе внизу под рамкой черными чернилами и тем же почерком написано: «Календарь Дарьи Родионовой».

По-прежнему среди различного рода хозяйственных пометок на чистых листах месяцеслова привлекают внимание небольшие, но значимые для исследователя записи. Так, 2 января 1825 года Дарья Никифоровна пометила: «Повечеру возвратились из Ундор в Симбирск». Это значит, что Дарья Никифоровна вместе с сыном Петром Ивановичем встречала Новый год в семье Ивашевых в Ундорах. Петр Иванович Родионов 23 декабря прибыл из Петербурга на рождественскую побывку, и мамаша, гордясь сыном, возила его в Ундоры, откуда и возвратилась вместе с ним в Симбирск.

18 января она записала: «Поехал Петр Иванович в Петербург и мы провожали его до Промзина, где, помолясь богу с ним, он поехал далее, а мы возвратились домой». То есть Петр Иванович отправился к месту своей службы. Но любопытна такая деталь: «мы провожали его до Промзина». Промзино ныне — Сурское, районный центр Ульяновской области. От Вешкаймы до Промзина по прямой — сорок семь верст, а по проселочным дорогам, вероятно, будет все семьдесят. Но даже при том состоянии дорог и транспорта это не стало большой помехой для семейных проводов сына.

Не отвлекаясь на ряд других записей Дарьи Никифоровны, обратимся к более интересным из них.

11 июля 1825 года Дарья Никифоровна пометила: «приехали Нефедьевы». По всей вероятности, это Александра Ильинична с мужем. Она — двоюродная сестра братьев Тургеневых, пользовавшаяся симпатией своего кузена Александра Тургенева, который даже в Швейцарии и Италии не только писал ей письма, но и присылал подарки оттуда. Нефедьевы приехали из Москвы, где постоянно проживали. А. И. Тургенев с особой теплотой относился

к Александре Ильиничне, называя ее в своих многочисленных письмах «сестрицей»[20].

10 августа помечено: «приехала Анна Семеновна», а 11 августа: «приехали Ник: Ильич и Але: Ильич Татариновы». Кто это такие? Анна Семеновна — жена Николая Ильича Татаринова. Надо полагать, что жена и муж договорились о том, что она едет прямо в Вешкайму, а муж с братом, по окончании их деловой поездки, приедут туда же.

Анна Семеновна Татаринова, урожденная Аржевитинова — дочь Харитины Петровны Тургеневой-Аржевитиновой, двоюродная сестра братьев Тургеневых. Росла и воспитывалась она в Симбирске под руководством Маргариты Тоблер — сестры Георга Тоблера, воспитателя Андрея, Александра и Николая Тургеневых[21]. А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Геттинген 9 марта 1809 года писал: «На днях получил письмо от дяд. Семена Володимировича, который уведомляет меня, что помолвил Анну Семеновну за Николая Ильича Татаринова». А 31 мая того же года А. И. Тургенев сообщал брату: «Анна Семеновна Аржевитинова вышла уже за Татаринова»[22].

Муж Анны Семеновны — Николай Ильич Татаринов — надворный советник, симбирский помещик. По свидетельству П. А. Вяземского, Николай Татаринов был одним из участников заговора против Павла I.

В записках П. А. Вяземского Николай Татаринов упомянут вместе с убийцей Павла I Скарятиным и другими участниками этой драмы — Вяземским и Полторацким[23]. Это говорит о том, что Татаринов играл какую-то роль в дворцовом перевороте 11 марта 1801 года, оставшись потом в тени, и в 1807 году числился всего лишь переводчиком коллегии иностранных дел[24].

В феврале 1810 года у Анны Семеновны родился сын Александр[25], будущий соученик поэта Н. М. Языкова по Дерптскому университету[26], один из симбирских либералов, отец мемуаристки Н. А. Островской[27]. Александр Николаевич Татаринов считался «вольнодумцем» и «прогрессистом» и в царствование Николая I был сослан в Симбирск без права выезда из него[28].

Жену и мужа Татариновых привела в Вешкайму родственная связь с Дарьей Никифоровной. Анна Семеновна приходилась ей двоюродной племянницей. Заодно с ними туда прибыл и брат Николая, вероятно, Алексей (был еще брат Александр).

К этому следует добавить, что Дарью Никифоровну в Вешкайме навещали и братья Тургеневы. А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Геттинген, описывая свою поездку по родным местам, 26 августа 1808 года писал: «...выехал я... в Вешкайму к Родионовым. Тут пробыл я день и познакомился с новыми для меня сестрицами, которые очень милы и воспитаны хорошо, особливо для

деревни... Ехав из Ярыклы в Вешкайму, были мы у Бекетовых, которые тоже нам родственники, и где я видел портрет батюшки»[29]. Добавим, что эту поездку Александр Иванович совершал с братом Сергеем. Как видим, это была поездка двух братьев из «Ярыклы», или Ерыклы — ныне села Тереньгульского района Ульяновской области. Там находилось имение С. В. Аржевитинова — отца Анны Семеновны Татариновой. В Вешкайме братья встретили «сестриц» — видимо, дочерей хозяйки имения. Возможно, что и в последующие свои приезды в Симбирск А. И. Тургенев, а может быть, и его брат Николай, бывали в Вешкайме.

8 ноября 1825 года Дарья Никифоровна записала: «приехал Василий Петрович», то есть приехал ее племянник декабрист Василий Петрович Ивашев. Он, видимо, собирался возвратиться в Тульчин, к месту своей службы, и перед отъездом туда решил навестить свою тетушку. Но прошло немного времени, и 19 ноября Дарья Никифоровна пишет: «скончался в бозе почивший государь император Александр Павлович». Это событие, вероятно, изменило планы декабриста, и он еще два месяца находился дома в Симбирске и в Тульчин более уже не попал. Обстоятельства сложились так, что 16 или 17 декабря 1825 года в Симбирске, в Троицком соборе, в торжественной обстановке Василий Ивашев в числе других офицеров Симбирского гарнизона дал присягу новому императору[30], о чем соответствующим удостоверением свидетельствовал начальник гарнизона полковник Григоровский.

Не успели еще в Симбирске остыть страсти и разговоры об этой процедуре присяги, как 27 декабря Николай I отдал приказ об аресте В. П. Ивашева[31].

Наступил 1826 год, однако нового месяцеслова Дарья Никифоровна почему-то не завела и продолжала делать записи в своем старом календаре.

7 января 1826 года она пометила: «Поехал Пет. Никифор. чрез Пензу в Петербург. Я послала Петру Ивановичу 2000 руб.». Но ни до этой записи, ни после нее ни слова не говорится о том, что 4 января к Ивашевым в Симбирск прибыл их дальний родственник декабрист Д. И. Завалишин. Нет ничего и о том, что 5 января Завалишин был арестован и тут же под конвоем отправлен в Петербург[32]. Естественно, что Ивашевы и вся их родня, в том числе и Дарья Никифоровна, были сильно взволнованы этим, не зная еще, что совсем скоро будет арестован и Василий Ивашев. Отсутствуют сведения и о том, какая причина побудила Петра Никифоровича Ивашева вдруг ехать в Петербург, да еще через Пензу. Об этом можно только догадываться, только предполагать.

Дело в том, что 4 января вместе с Д. И. Завалишиным в Симбирск к Ивашевым прибыла и его мачеха Надежда Львовна с сестрой

декабриста Екатериной Иринарховной. Очень возможно, что Надежда Львовна попросила Петра Никифоровича использовать его знакомства и связи с сановниками в Петербурге и защитить арестованного Завалишина. Именно это и заставило гуманного и всегда доброжелательного П. Н. Ивашева поехать в Петербург и, сделав небольшой крюк, заехать в Пензу по каким-то важным для него делам. Тогда Петр Никифорович еще не знал, что ему в течение всего 1826-го и в начале 1827 года придется обивать пороги петербургских вельмож, чтобы спасти или облегчить тяжкую участь, своего сына декабриста[33]. И еще, находясь в Москве по пути в Петербург, Петр Никифорович 18 января 1826 года в письме в Симбирск к жене Вере Александровне писал: «...целую руки моей кузины Надежды и плачу с нею по поводу ее скорби — скорби, которая тяготеет над множеством здешних фамилий[34]. Из этого видно, как близко к сердцу принимали Ивашевы горе своей кузины, находившейся у них в Симбирске.

И еще одна запись Дарьи Никифоровны: «26 февраля 1826 года. Отправился К: Мих.: Петрович в Петербург с фельдъегерем». Опять условности, сокращения и двоеточия. Эта запись означала, что князь Михаил Петрович Баратаев, губернский предводитель дворянства, был арестован и в сопровождении фельдъегеря увезен в Петербург. Он основал в Симбирске в 1818 году масонскую ложу «Ключ к добродетели», которая в 1822 году, как и все масонские ложи в России, была закрыта правительством[35].

По времени арест Баратаева совпал с арестами декабристов и следствием по их делу, и поэтому в ряде литературных источников ошибочно указывается, что князь был взят по делу декабристов. В действительности же он «был арестован по другому поводу — по показанию бывшего секретаря великой ложи «Астреи» Рейнике, который утверждал, что видел у Баратаева документы карбонаров и был приглашен в их организацию»[36]. Правительство Николая I усматривало политические мотивы в деятельности ордена карбонариев, к которому якобы принадлежал Баратаев. Но донос на него не был подтвержден доказательствами, и он был освобожден из-под ареста с «очистным аттестатом»[37].

Семьи Баратаевых и Ивашевых дружили. О сердечности этих отношений говорят строчки письма П. Н. Ивашева к жене Вере Александровне из Петербурга. 29 марта 1826 года Петр Никифорович писал: «Пошли, мой друг, поздравить княгиню Баратаеву; он освобожден»[38]. Также в хороших отношениях с Баратаевыми находилась и Дарья Никифоровна.

Впоследствии М. П. Баратаев стал ученым-нумизматом, обладателем большой нумизматической коллекции, автором труда по нумизматике, членом Петербургской Академии художеств, а также

членом Парижской и Копенгагенской академий[39], оставаясь попрежнему симбирским помещиком.

Как видим, житейские пометки на страницах месяцесловов касаются вопросов, выходящих далеко за житейские рамки, открывая нам ряд ранее неизвестных, но значимых деталей из жизни далекого прошлого. Оставаясь благодарными автору вышеуказанных пометок и записок, мы испытываем и чувство признательности людям, сумевшим на протяжении более полутора веков сохранить уникальные экземпляры месяцесловов, донеся тем самым до нас эти примечательные пометки и записи. Вместе с тем нельзя не сожалеть, что автор этих пометок была слишком скупа на свои лаконичные памятные записи. Будь она чуточку щедрее в этом — сколько можно было бы узнать нового и интересного!

[1] Архив А. П. Языкова. Симбирск, 1904, с. 595-598, 623.
[2] Зильберштейн И. С. Художник декабрист Н. А. Бестужев. М., 1977, с. 425.
[3] Архив А. П. Языкова, с. 595.
[4] Письмо правнучки декабриста В. П. Ивашева Ел. К. Решко А. Н. Блохинцеву от 12 декабря 1978 г.
[5] Пушкин А. С. Полн. собрание сочинений. М., 1958, т. 8, с. 329.
[6] Госархив Ульяновской области, ф. 274, оп. 1, д. 9, л. 2—3.
[7] Корнилов П. Арзамасская школа живописи. М. — Л., 1947, с. 79.
[8] Письмо правнучатой племянницы декабриста В. Н. Лихарева Т. н. Ознобишиной А. Н. Блохинцеву.
[9] Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 337.
[10] Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Спб, 1887, с. 500.
[11] Герцен А. И. Сочинения в 9-ти томах. М., 1956, т. 4, с. 58.
[12] Гоголь Н. В. Полн. собр. сочинений. М., 1952, т. 12, с.681.
[13] Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л. — М., 1925, с. 89, 213.
[14] Буланова О. Роман декабристов. М., 1925, с. 61.
[15] Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина, с. 286, 295.
[16] Дело петрашевцев. М. — Л., 1951, т. 3, с. 226.
[17] Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрания народных песен. Л., 1971, с. 307.
[18] Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 497.
[19] Ныне дом № 22 на улице Советской. Дом отмечен мемориальной доской в память пребывания в нем Пушкина.
[20] Архив братьев Тургеневых, в. 6, Петроград, 1921, т. 1, с. 450.
[21] Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М. — Л., 1964, с. 30—31. Сестру и брата Тоблеров из Женевы вывез И. П. Тургенев. Г. Тоблер с 1792 года жил у Тургеневых в Симбирске. М. Тоблер — в семье Аржевитиновых (Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М. — Л., 1964, т. 1, с. 225, 795).
[22] Архив братьев Тургеневых, в. 2. Петербург, 1911, с. 383, 391.
[23] Вяземский И. А. Записные книжки. М., 1963, с. 171—172.
[24] Именной список дворянам Симбирской губернии. Симбирск, 1829. Рукопись в Ульяновском Дворце книги им. В. И. Ленина.

[25] Архив братьев Тургеневых, в. 2, с. 411.
[26] Языков Н. М. Полн. собр. сочинений. М. — Л., 1964, с. 620.
[27] Русская литература, 1973, № 2, с. 188.
[28] Литературное наследство. М., 1974, т. 88, кн. 1, с. 220.
[29] Архив братьев Тургеневых, в. 2, с. 362—366.
[30] Восстание декабристов. М., 1962, т. XII, с. 278.
[31] Там же, с. 448. Ивашев был арестован 23 января 1826 г. в Москве.
[32] Блохинцев А. Н. И жизни след оставили своей. Саратов, 1985, с. 67.
[33] Памяти декабристов. Л., 1926, в. 2, с. 3—72.
[34] Там же, с. 9.
[35] Сборник историч. и статистич. материалов о Симбирской губернии. симбирск, 1868, с. 225—230.
[36] Нечкина М. В. Движение декабристов, т.I, с. 446.
[37] Там же, с. 446.
[38] Памяти декабристов, в. 2, с. 19.
[39] Сборник истор. и статистич. материалов о Симбирской губернии, с. 220.

А. М. Кормишкин

Начало увлечения Володи Ульянова шахматной игрой

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы умело организовывали досуг детей, стремясь воспитать их физически здоровыми, жизнерадостными и сильными людьми. В семье Ульяновых дети любили долгие прогулки, все умели плавать, хорошо катались на коньках.

Большое значение родители придавали играм детей на открытом воздухе , показывали детям, как надо играть, сами играли с ними. Илья Николаевич и Мария Александровна рассматривали игры детей как своеобразную форму воспитания правильного отношения к окружающему миру. Они следили за тем, чтобы дети в играх практически усваивали нормы и правила поведения, чтобы развивались их волевые качества, расширялась познавательная деятельность.

В числе других увлечений в семье Ульяновых был своего рода культ шахматной игры. Шахматы были так же любимы, как книги, музыка, литературные викторины.

Маленькому Володе нравилось смотреть, как вечерами, в часы досуга, отец и старший брат играют в шахматы. Наблюдательный мальчик рано узнал не только названия шахматных фигурок, но и как их, каждую по-особому, передвигают по квадратной доске.

Когда Володе исполнилось восемь-девять лет, отец наглядно объяснил ему суть игры и предложил сыграть партию, отдав вперед королеву. Мальчик, волнуясь и торжествуя, важно сел за шахматную доску (шахматный столик), быстро расставил фигурки и решительным движением сделал первый ход — королевской пешкой на два квадратика вперед. Сколько ни приходилось ему впоследствии испытывать волнений за шахматной доской — и в юности, и в зрелом возрасте, он никогда не забывал того ни с чем не сравнимого переживания, когда ему, восьми-девятилетнему ребенку, открылся полный неизвестности новый мир, мир борьбы в пределах шестидесяти четырех черно-белых клеток.

Старший брат, Александр, «весь ушел в химию», как говорила мать, и Володя все чаще заменял его в качестве партнера отца по игре в шахматы. А прежнее место Володи, сбоку у столика, прочно занял четырехлетний Митя, который очень радовался, когда отец или брат разрешали ему подержать снятую с доски фигуру.

Вначале отец давал сыну вперед ферзя, но вскоре пришлось ограничиться ладьей, а там и на коня перейти. Через три-четыре года

отец мог дать Володе только пешку и ход, но и при этом соотношении сил он порою с трудом спасался от грозившего ему проигрыша.

А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях писала: «...шахматы любил наш отец, и любовь эта передалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были и выточены им самим на токарном станке, еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск. Мы все выучились играть...»

Владимиру вообще все легко давалось. Он прекрасно учился, проявлял способности к музыке, моментально все запоминал, много читал. Живой, подвижный мальчик, он, быстро сделав уроки, любил повозиться с младшими братьями и сестрами. В это время единственным «спасением» для старших были... шахматы. Старшая сестра впоследствии вспоминала: «Когда отец бывал дома, он приходил обычно на выручку к нам, старшим, уводил Володю к себе в кабинет и проверял его уроки. Обычно Володя знал все. Тогда отец начинал спрашивать его старые латинские слова по всей тетради. Но Володя отвечал их без запинки. И если у отца не было досуга занять его чем-нибудь другим, например шахматами, то тишина в столовой водворялась ненадолго»[1].

Наделенный богатой фантазией, Володя, как и сестра Ольга, был горазд на придумывание разных игр, забав, шуток. Даже шахматы служили иногда предметом такой импровизации. После игры в солдатиков шахматы тоже представлялись Володе своеобразной баталией. Ведь и здесь друг другу противостояли две армии со своими солдатами и офицерами, своей конницей и крепостями и даже своими полководцами. Пусть нет у них громких имен, зато как увлекательно идет сражение! Володя с интересом окунался в этот мир удивительно сложных и загадочных битв.

Илья Николаевич любил устраивать детям такие игры, в которые вовлекалось бы возможно больше участников. В этом проявлялись не только его общительность, но и стремление к воспитанию характера детей в коллективных играх. Может быть, этим объясняется и популярность в семье Ульяновых четверной шахматной игры.

Игра эта, хотя и происходила от обычных шахмат, все же заметно от них отличалась. И прежде всего тем, что на поле сражения противостояли друг другу не две армии шахматных фигур, а четыре, окрашенные в разные цвета. Противоположные стороны являлись союзниками. Следовательно, их замысел и действия должны были быть максимально координированы, хотя советоваться о ходах строго запрещалось. Доска в этой игре была увеличена до 100 или 160 клеток, вместо четырехугольной она имела крестообразную форму, и правила во многом изменялись.

Четверная игра, как отмечал еще Александр Дмитриевич Петров (1794—1867 гг.), первый русский шахматный мастер, композитор,— была чрезвычайно остроумна и разнообразна. Тем не менее она уступала обыкновенной игре и в точности расчета планов, и в красоте композиций, и в спортивном отношении. Главный ее недостаток — она длилась очень долго. Прекрасные воспоминания об этой игре оставила Анна Ильинична: «Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам. Но когда начались регулярные занятия, пришлось, конечно, оставить эту игру, которая обычно очень затягивалась»[2].

Кроме домашних партнеров — Ильи Николаевича, Александра и Анны,— у Володи были шахматные партнеры в гимназии. Часть из них училась вместе с ним в классе, некоторые были чуть старше его. Сохранились воспоминания об этих поединках однокашников Володи Ульянова — М. Ф. Кузнецова и Д. А. Андреева и других бывших гимназистов. Д. Андреев, в частности, рассказывает: «Со второго класса я жил в гимназическом пансионе. В то время ученики Симбирской гимназии делились на приходящих и пансионеров, живущих в интернате. Пансионерами были мальчики, родители которых жили далеко от города, или сироты, как я.

Володя довольно часто приходил к товарищам в пансион. Он приносил книги для чтения, играл в шахматы, а когда меня отпускал надзиратель, мы ходили гулять.

...Живой и подвижный Володя любил всякий спорт, но большую часть досуга тратил на чтение и на шахматы»[3].

В середине 20-х годов вышла в свет интересная книга о семье Ульяновых двух авторов — В. Алексеева и А. Швера, которые отразили увлечение Владимира Ильича шахматами в гимназические годы. Они писали: «Интересы Владимира Ильича в это время были самые разнообразные: он проявлял их ко всему, переходя от ловли птичек к занятиям химией, от игры в снежки к чтению книг, от рыбной ловли к шахматам. Это разнообразие увлечений и интересов Владимира Ильича находило отклик и в кругу его друзей, участников его похождений и увлечений. Своей жизнерадостностью, задором и любознательностью он заражал окружающих и вел их за собой всюду, куда влекло его настроение. Он умел делать интересным и увлекательным для всех каждое маленькое предприятие своих товарищей, каждую мелочь. Он был везде душою общества»[4].

Жизнь семьи Ульяновых протекала скромно, тихо, но не замкнуто. Как у отца с матерью, так и у детей часто бывали друзья и знакомые, сослуживцы, гимназисты. «Каких-либо балов или званых вечеров

Ульяновы не устраивали: гости к ним всегда приходили запросто и всегда встречали радушный прием. Веселые вечеринки устраивали только для детей, особенно на рождество, когда бывала елка. Взрослые, после игр детей, в которых они тоже принимали участие, играли в шахматы...»[5].

Интересные воспоминания об игре Владимира Ульянова в шахматы оставил его младший брат Дмитрий Ильич: «Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом, Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими,— сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно»[6].

Увлечение Володи Ульянова шахматами не мешало его школьным занятиям. Даже в каникулярное время утренние часы всегда посвящались учебе, и только вечерами он садился за шахматную доску с братом Александром или другими членами семьи.

Однажды Саша принес домой только что вышедшее руководство по шахматам, и просмотрев его, отдал Володе. Тот внимательно изучил сложную книжку, разыгрывая за шахматной доской приводившиеся в ней дебюты, концовки. Особенно заинтересовали его окончания партий — эндшпили.

Сведения о том, в каком возрасте Володя Ульянов стал довольно сильным шахматистом, находим в воспоминаниях родных и близких Владимира Ильича и в работах историков шахмат, писателей, журналистов, ученых.

В 14—15 лет Владимир все чаще стал выигрывать у отца. Началась пора шахматных триумфов. Вот что пишет об этом Надежда Константиновна Крупская: «Сначала отец нас обыгрывал,— рассказывал Владимир Ильич,— потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз — мы наверху жили — встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел»[7].

Прошло несколько дней. Отец пригласил Володю сыграть с ним партию в шахматы. Илья Николаевич ставил коварные ловушки, но Володя все время был настороже. В конце концов он добился материального преимущества. Над трудной позицией отец просидел довольно долго. Он торжествовал, заставив сына признать наконец игру ничьей.

Илья Николаевич познакомил Володю с одним из сильнейших симбирских шахматистов — Н. Д. Ильиным.

Первые сведения об Ильине автор этой статьи получил у кандидата медицинских наук, кандидата в мастера по шахматам, первого официального чемпиона города Ульяновска Виктора Никола-

евича Введенского (1908—1975 гг.). Он же рекомендовал искать интересующие данные по этой теме в фондах ордена Ленина средней школы № 1 имени В. И. Ленина.

До приезда Ульяновых в Симбирск Н. Д. Ильин работал в этом городе. Немного позднее из Казани прибыл его брат — П. Д. Ильин. Оба они были сильными шахматистами, оба занимались шахматной композицией. Кто из них был сильнее, определить сегодня сложно, и если об Н. Д. Ильине было немало написано в свое время статей и брошюр, то дарование его брата раскрыто еще не полностью.

Интересен вопрос: встречался ли за шахматной доской Владимир Ульянов с Н. Д. Ильиным? Вот что рассказывает по этому поводу его младший брат: «Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885/86 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с *NN* и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске...)[8].

Автор этих строк вел поиск по данной теме в разных городах нашей страны, встречался со многими старожилами Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Ульяновска, Уфы, Горького, Челябинска, Калининграда, Калинина, Тамбова, Новосибирска, Саратова, Волгограда, Нахичевани, Баку и других городов. Более 30 лет исследовательской работы позволяют с уверенностью сказать, что «некий Ильин», о котором пишет в своих воспоминаниях Д. И. Ульянов,— это и есть Н. Д. Ильин.

В журнале «Всемирная иллюстрация», который издавался в России с января 1869 по 1898 год, имелся шахматный раздел, где печатались наиболее интересные партии ведущих русских и иностранных шахматистов, а также задачи и этюды. Определенное место отводилось и шахматистам разных городов России. В данном журнале мы находим партии и задачи «г. Ильина» из Симбирска. Что касается ряда его задач, то они были в основном с ошибками и побочными решениями и большого значения не имели, по сравнению с партиями.

Ильин — издатель шахматной книги, которая вышла в Симбирске в 1875 году. Видимо, он по каким-то причинам не хотел афишировать свое авторство; быть может, эта попытка математического анализа шахматной игры была сделана коллективно с его постоянным партнером по шахматам И. Н. Ульяновым. Вот что говорит об этом Н. Н. Ильин (его воспоминания хранятся в фондах Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина): «...Илья Николаевич часто ходил к моему отцу, и они подолгу играли в шахматы. Илья Николаевич с моим дядей...» и т. д.[9]

В гимназические годы шахматная игра пленяла необычно живого, богато одаренного Владимира Ульянова своеобразной романтикой шахматных сражений, приносящих ему так много радости и в случае победоносно проведенной атаки, и в случае успешного осуществления обороны. Шахматы тоже способствовали воспитанию волевого характера Владимира Ильича, дисциплины мысли и труда. В этот период юноша, по утверждению родных и близких, с большим увлечением знакомился с современной шахматной литературой, нередко участвовал в различных турнирах, сочетая все это с отличной учебой.

Кроме очных игр, Владимир принимал участие и в заочных состязаниях, играл по переписке. В 1886—1887 годах состоялся матч между шахматистами городов Казани и Симбирска. Не исключено, что Владимир Ульянов принял в нем активное участие.

Игра велась между шахматными клубами обоих городов. В Казани ею руководил комитет в составе Л. А. Берга, Н. Н. Ворожцова, П. П. Перцова. Переписку со стороны Симбирска вел сильнейший шахматист города Н. Д. Ильин (автором совсем недавно выяснено, что вторым членом симбирского комитета был его брат П. Д. Ильин, который только что переехал из Казани, а вот третий член комитета до сих пор неизвестен). Одновременно игрались две партии. Одна из них закончилась мирно, т.е. вничью, а другая была выиграна симбирскими шахматистами. Симбирские любители шахмат, выигравшие матч, пожелали остаться неизвестными. Между тем партия, в которой они одержали победу, была довольно интересной и содержательной. Там сочетались атака и контригра, жертвовалось качество и т.д.

Уже в детские годы Владимир Ильич Ульянов всегда серьезно относился к тому предмету, которым интересовался. Это сказалось и на его отношении к шахматам. Они были для него не только игрой, но и своего рода «гимнастикой ума». Вот почему Владимир Ильич никогда не любил легких партий. Всегда предпочитал играть с равными или даже более сильными противниками. Играя со слабейшими, он, чтобы уравновесить игру, давал вперед какую-либо фигуру. Если же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться»[10].

«...У него главный интерес в шахматах,— вспоминал Дмитрий Ильич,— состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые»[11]. Вопрос так называемого шахматного «самолюбия» для Ленина не существовал.

Такое отношение к шахматам Владимир Ильич Ульянов сумел в себе выработать, повторяем, когда он был еще подростком-гимназистом.

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. М., Детская литература, 1979, с. 12.
[2] Там же.
[3] Андреев Д. М. В гимназические годы.— Костер. М., 1957, № 4, с. 9—10.
[4] Алексеев В., Швер А. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887 гг.) М.—Л., 1925, с. 42.
[5] Там же.
[6] Ульянов Д. И. Шахматы.— Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1984, с. 97.
[7] Крупская Н. К. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти тт., т. 1.М., 1984, с. 229—230.
[8] Ульянов Д. И. Шахматы, с. 98.
[9] См: Трофимов Ж. А. Ульяновы. Саратов, 1978, с. 120.
[10] Ульянов Д. И. Шахматы, с. 97.
[11] Там же, с. 98.
[12] Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М.—Л., 1938, с. 344.

М. Я. Татарский

Поэт Вольф Эрлих — наш земляк

Поэт Вольф Иосифович Эрлих родился в мае 1902 года в Часовне — эта слобода располагалась на Нижней террасе Симбирска, в заволжской части города.

Отец Вольфа в дореволюционное время содержал аптеку и, как врач, занимался частной практикой. Во время империалистической войны Иосиф Лазаревич Эрлих был призван в армию, заведовал фронтовым госпиталем и имел офицерский чин. Его жена — мать поэта Анна Моисеевна — была фармацевтом. Аптечные дела вела в основном она, хотя муж ей активно помогал. После Октябрьской революции в течение нескольких лет Иосиф Лазаревич был главным врачом в больнице патронного завода (ныне — завод им. Володарского)[1].

Вспоминая свои детские годы, Вольф Эрлих в стихотворении «Послесловие» писал:

Отец, над белой ступкой стоя,
Мурлыкал, лысиной блестя:
«Ах, буря мглою небо кроет,
Ах, вихри снежные крутя...»
А там петуший позаранок,
Над рощей — вихри воронья.
Вот так, среди аптечных банок
Росла и пела грусть моя.

Примерно в 1919 году семья Эрлихов переехала в правобережную часть города и поселилась на Завьяловской площади (в настоящее время бульвар Пластова), а через некоторое время — на Старо-Казанской улице, дом № 7 (ныне — улица Красноармейская). Семья в эти годы состояла уже из четырех человек: в 1906 году появилась сестра Вольфа — Мира. Она живет сейчас в Ленинграде на ул. Можайской, 13. Мире Иосифовне уже более 80 лет, ее фамилия — Толкачева. С автором настоящей статьи она ведет переписку, сообщила много данных о семье и о своем брате.

Отец поэта после переезда в город работал в лаборатории областной больницы и преподавал в медицинском техникуме. Мать трудилась в аптеке на ул. Гончарова (в настоящее время аптека № 1). В 1931 году Иосиф Лазаревич умер. После его смерти мать

и сестра Вольфа переехали в Ленинград. Мать умерла в 1955 году.

Вольф учился в 1-й мужской гимназии и после ее окончания по настоянию отца поступил на медицинский факультет Казанского университета. Однако равнодушие к медицине и увлечение поэзией заставили его перевестись в 1921 году в Петроград на второй курс университета, где он занимался этнографией, лингвистикой и, конечно, литературой.

Раскрытию поэтического таланта Вольфа Эрлиха способствовала учительница литературы и русского языка Елизавета Николаевна Ласточкина. В 1-й мужской гимназии, где учился Эрлих, по ее инициативе и с ее помощью выходил литературный журнал, в котором Эрлих помещал свои первые стихи.

В областной газете «Ульяновская правда» (30 апреля 1964 г.) в статье «Две встречи с поэтом» А. Макаров пишет о Е. Н. Ласточкиной как о руководительнице литературного кружка школьников уже в советское время, в конце 20-х годов. Интересно то, что Елизавета Николаевна в 1928 году подключила к своим занятиям и Вольфа Эрлиха. Вот как пишет о своих впечатлениях автор статьи, который, видимо, был в то время школьником и принимал участие в работе литкружка.

«Это произошло в 1928 году. Сейчас трудно уже припомнить — зимой или осенью. В памяти осталось только что-то хорошее, волнующее.

В большом классе Ульяновской школы № 2, где сейчас расположена девятая начальная[2], собрались члены школьного литкружка. Предполагалось обсуждение очередного номера школьного литературного журнала. Класс был битком набит будущими поэтами и прозаиками и их друзьями. Юные поэты готовились к горячим литературным схваткам.

И вдруг гул начал спадать, и вскоре стало совсем тихо.

К столу подошла руководительница кружка, учительница литературы Елизавета Николаевна Ласточкина. Рядом с ней стоял молодой человек низкого роста, черный, худощавый.

— Ребята, сегодня у нас в гостях, — сказала учительница, — ленинградский поэт Вольф Эрлих. Он наш земляк, родился в Симбирске, в семье врача, учился в Симбирской гимназии. . .

Может, необычное имя — Вольф Эрлих, или непривычное название сборника «Волчье солнце», из которого он читал стихи, сделали памятной эту встречу. А может то, что это был первый в моей жизни живой поэт... не знаю. Помню только общую атмосферу возбуждения и молодости, помню человека, взволнованно читавшего свои стихи».

Уехав из родного города, Эрлих не раз вспоминал его. В стихотворении «Городок» сквозит некоторая ирония, и в то же время оно наполнено нежностью:

В глухие сугробы,
В сырой холодок
По самые плечи
Увяз городок.
Как белая немочь
Сутулый, опалый,
Он создан царем
Еще был для опалы.
В нем — два лихача
И десяток калек;
Петух пропоет,
Пробредет человек.
Снует воробьиное
Серое горе.
И галки во фраках
Висят на соборе...

В Петрограде Эрлих вошел в среду молодых поэтов, принимал активное участие в бурных дискуссиях и спорах того времени. Встретившись в первый раз с Есениным, он буквально влюбился в его поэзию, стал с ним сближаться. Это закончилось нежной дружбой. Эрлих обожал Есенина, Есенин любил Эрлиха и называл его «милый мальчик».

Есенин был главой литературного течения — имажинизма, и Эрлих тоже считал себя имажинистом. В Ленинграде образовалась небольшая группа «воинствующих имажинистов», в которую он входил. Идея этого течения состояла в том, что в поэзии главное — образ, а не содержание. Впоследствии сам Есенин отошел от имажинизма. Вслед за ним порвали с этим течением Эрлих и его ленинградские друзья — поэты Шмерельсон, Ричиотти и Полоцкий.

Дружба Эрлиха с Есениным продолжалась около двух лет. Они часто встречались. Есенин бывал в Ленинграде, Эрлих приезжал к нему в Москву. Сергей Александрович говорил с Вольфом откровенно, серьезно, искренне о литературе, о жизни. Впоследствии Эрлих написал книгу «Право на песнь», в которой воспроизвел свои встречи и беседы с Есениным. Он приводит его слова: «Хочешь добрый совет получить? Ищи родину! Найдешь — пан! Не найдешь — все псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины».

Их дружба не ограничивалась только литературными интересами. Эрлих выполнял поручения Есенина, связанные с ленинградскими издательствами, гонорарами. Поскольку в Москве этими делами занималась Г. А. Бениславская, между ней и Эрлихом завязалась переписка, перешедшая в дружбу. Галина Артуровна Бениславская жила в Москве с сестрами Есенина Катей и Шурой. Эрлих не раз бывал у них.

В. И. Эрлих.

В конце 1925 года Есенин приехал в Ленинград, намереваясь там обосноваться и редактировать журнал. Тяжелое психическое состояние, меланхолия, вызванная целым рядом жизненных обстоятельств, привели его к самоубийству.

27 декабря в номере гостиницы «Англетер» он вручил Эрлиху сложенный вчетверо лист бумаги со стихами, которые просил прочесть на следующий день. Это были хорошо известные сегодня строки, написанные (буквально!) кровью поэта: «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

Эрлих тяжело переживал смерть Есенина. В своем стихотворении «Колыбельная» он писал:

На Ваганькове березки,
Клен да белый мех,
Что тебе наш ветер жесткий
И колючий снег?

Видно, думал — смерть нарядней,
Чем наш путь земной.
Ты, что день, то ненаглядней,
Лебеденок мой!

Там, в стране чудесно белой,
Тополя шумят...
Спи, мой лебедь, спи, мой смелый,
Спи, мой старший брат!

Трагедия Есенина на этом не закончилась. В 1926 году у его могилы покончила с собой Галина Артуровна Бениславская, близкий друг поэта. Ее памяти Вольф Эрлих посвятил свою книгу о Есенине «Право на песнь».

Как складывалась жизнь Эрлиха после смерти Есенина? Он много пишет. В конце 20-х и в 30-х годах выходят его книги: «Волчье солнце» (изд. «Прибой», 1928), «Софья Перовская» (Ленинград, 1929), «Право на песнь» (Ленинград, 1930), «Арсенал» (Госиздат худож. литературы, 1931), «Порядок битвы» (Ленинград, 1933), «Книга стихов» (Ленинград, 1934), «Необычайное свидание друзей» («Сов. писатель», 1937), «Профессор Задача» и «Шарманщики» — для детей. Кроме того, его стихи печатались в различных журналах.

Живет он в коммуне поэтов и писателей. В нее входили известные в то время ленинградские литераторы: Берг, Штейн, Фроман, Зельцер, Либединский, Полоцкий, позднее — О. Берггольц. Они тесно общались, дружили, вместе питались. Самой молодой из них была

Ольга Берггольц. Сохранилась ее небольшая книжечка для детей с дарственной надписью: «Милому Вольфику от тети Лели». «Тетя Леля» — это, конечно, шутка, так как Берггольц была на десять лет моложе Эрлиха.

Вольф Эрлих живет напряженной жизнью, много ездит по стране, собирает материал, встречается с интересными людьми. Очень близко он подружился с Николаем Семеновичем Тихоновым, с которым бродил по горам Кавказа. Полюбил Армению, ее людей и природу, неоднократно бывал там. На его глазах строилась столица Армении — Эривань (Ереван). Н. С. Тихонов в своем предисловии к книге Эрлиха «Стихи и поэмы» писал: «Он переводил армянских старых поэтов Мкртича Нагаша и Мкртича Аджемяна, кочевал с геологами, жил среди виноградарей Араратской долины, в горных селах, на берегах Древнего Севана».

В его поэзии громко звучат мотивы борьбы. Это боевая поэзия. Несмотря на мелкобуржуазное окружение, он сразу, безоговорочно воспринял революцию, Советскую власть и ненавидел ее врагов. Он был членом партии, настоящим коммунистом.

В стихотворении «Обвинительное заключение» Эрлих рисует образ врага — кулака-бандита:

Зашла твоя хорошая звезда
В семнадцатом (здесь я свидетель),
Большевиков перевязав в Совете,
Ты грабил брошенные поезда.

В Часовне под Симбирском годом позже
Ты, зол как вошь, и как святоша пьян,
Пожертвовал неезженные вожжи,
Чтоб крепче было вешать партизан.

В двадцатом памятном, когда столицы
Глодали воблу с тифом пополам,
При всем народе ты спалил пшеницу,
Чтоб только не отдать большевикам.

В тридцатом — самых первых категорий
Гонялись люди по твоим следам.
Ты, завернув рубаху на селькоре,
Лупил обрезом по срамным местам.

И в тридцать первом, после многих дел,
Ты на суде, как волк — поджарый, серый,
Сжав ребра, уходил от высшей меры.
Но не ушел. И вскоре был расстрел.

Примерно такие же мотивы звучат и в его стихотворении «Смерть» — кстати, из впечатлений об Армении.

Нагорный день. Он желт. Скала одета
В плохой туман и дождь. Но суть не в том.
На камне — председатель сельсовета
С распоротым на совесть животом.

Они не любят бритых. Губы, щеки
Проколоты, и сломана рука.
И вот лежит — большой и кособокий —
Аванского Совета нахака[3]...

Говоря о боевитости поэзии Эрлиха, следует заметить, что он был человеком, как говорится, своего времени. Вряд ли он понимал в полной мере сущность идущих в стране процессов. Вряд ли догадывался о масштабах разворачивающейся трагедии народа — обо всем том, что сегодня мы обозначаем словом «сталинщина». Честный и искренний человек, романтик по своему душевному складу, Эрлих относился к окружающей жизни по-юношески восторженно и во многом наивно. Его мироощущение было типичным для многих людей, живших в 20-е — 30-е годы.

В 1933 году Вольф Эрлих получил командировку[4] на Дальний Восток. Там он собирал материал о последних битвах гражданской войны. Вместе с писателем Бересневым они написали сценарий «Волочаевские дни»[5]. К сожалению, сценарий не был использован.

В поэме «Симбирск» Эрлих рисует становление Советской власти:

Был городок еще продажен
С утра до полдня. А в обед
Над сквозняком оконных скважин,
Расправив плечи, встал Совет.

И он не враз, не постепенно,
А как везде — по праву, стал
Вождем гражданским и военным
И мир по классам разверстал...

Комментируя этот отрывок, можно повторить, что Эрлих был человеком своего времени, и боевой дух его поэзии вполне соответствовал формуле Маяковского «стих — это бомба и знамя». Кстати, будучи по существу мальчишкой лет шестнадцати, он, по всей видимости (прямых указаний нет), принимал участие в боях за освобождение Симбирска в 1918 году. Об этом — стихотворение

«Шестнадцать раз ходили».

Шестнадцать раз ходили
На Каргину деревню,
Шестнадцать раз бежали
Мы с Каргиной деревни.
В семнадцатый пошли.
Вот шли мы, шли и спали.
У нас горох чугунный
Под веками катался.
Чугунными ногами
Мы загребали глину,
И так мы все устали
И ноги затекли,
Что шли мы, шли и спали.
Но мы победы нашей
Не продали, товарищ,
И на ходу мы спали,
И сонными руками
Мы порубили белых,
И, порубив, упали
Мы на траву, на глину,
И спали, спали, спали...

Поэзия Вольфа Эрлиха, естественно, не ограничивается только мотивами борьбы. Она многообразней и богаче. «В его наследии, — пишет Н. С. Тихонов в предисловии к книге «Стихи и поэмы», — мы находим и поэтические размышления, и лирические пейзажи, и стихи памфлетного порядка, сатирические наброски и поэмы. Он хорошо понимал природу и любил жизнь...»

Вот одно из его лирических стихотворений.

Ночь широкая нависла.
В ней — мой шар земной.
Золотые всходят числа
Над его водой.

Пауки прядут на кленах
Теплой ночи нить.
На земле моей зеленой
Так прекрасно жить. . .

В стихотворении «Август» поэт рисует яркую картину позднего лета:

Отяжелел, пригнулся сад.
Плоды нависли врассыпную.
Прокусывает грудь тугую
Зубастый червь, и солнца взгляд
Смуглит им кожу. Ветер веет.
А я любуюсь, не дыша,
Все жду, что к завтрему созреет
Янтарным яблоком душа.

В 1937 году Вольф Эрлих не избежал участи многих невинно пострадавших. Будучи в Армении, где по просьбе местных властей принимал участие в сценарии об армянских иммигрантах, он перед отъездом в Ленинград зашел попрощаться к знакомым, с которыми работал над сценарием. В это время в квартиру явились представители НКВД для ареста хозяев квартиры. Вместе с ними арестовали и Эрлиха. После войны стало известно, что в 1944 году в возрасте 42 лет Вольф Эрлих скончался в заключении от рака печени. В 1955 году он был реабилитирован, а несколько позднее восстановлен в правах члена Союза писателей СССР[6].

Николай Семенович Тихонов, помня о большой дружбе с Эрлихом, организовал посмертное издание его произведений. В 1963 году вышла книга Эрлиха «Стихи и поэмы». В предисловии к ней Тихонов писал: «Если бы Вольф Эрлих дожил до Великой Отечественной войны, то он со своей гражданской поэзией, со своим патриотизмом и жаждой подвига нашел бы место среди поэтов, участвовавших в смертельной борьбе с фашистскими захватчиками. Как командир запаса пограничных войск, он в рядах защитников социалистического отечества был бы храбрым и достойным воином, стихи которого и оружие служили бы Родине...»

[1] По воспоминаниям сестры В. Эрлиха — Миры Иосифовны Толкачевой, и автора, хорошо знавшего семью Эрлихов.

[2] Ныне галерея Арк. Пластова.

[3] Председатель (армянск.). — Примеч. Эрлиха.

[4] От Ленинградской писательской организации.

[5] См.: Тихонов Н. Предисловие к книге В. Эрлиха «Стихи и поэмы».

[6] Там же и по воспоминаниям М. И. Толкачевой.

С. П. Волошин

Бумажная промышленность Симбирской губернии в первое десятилетие Советской власти (1917—1927 гг.)

Среди показателей уровня культурного развития страны один из важных — потребление бумаги на душу населения. Только на базе роста бумажной промышленности можно успешно решать вопросы выпуска газет, журналов, книг. Выработка бумаги — звено книгоиздательского дела.

Расширение производства бумажной промышленности и увеличение выпуска ее продукции — весьма острая проблема дореволюционной России. В первое десятилетие XX в. в бумажной промышленности страны намечается некоторое оживление. Рост производства бумаги — в основном за счет строительства новых фабрик и большого количества импортируемых полуфабрикатов — позволил России значительно повысить потребление бумаги. Уже в 1908 г. оно составило 5,5 фунта, а в 1913 г.— 7 фунтов на человека[1]. В 1908 г. в стране было произведено более 14,8 млн. пудов бумаги[2]. Большое ее количество ввозилось из Финляндии и Эстонии. Все это позволило России выйти в первые ряды книгоиздательских стран мира. По абсолютному уровню производства книг она заняла второе после Германии место[3].

Однако, несмотря на явные успехи в книгоиздательском деле, Россия по производству бумаги по-прежнему отставала от ведущих капиталистических держав. Так, в Соединенных Штатах Америки в 1908 г. было выработано 240 млн. пудов бумаги. Ее экспорт из США составил 1,2 млн. пудов — против 0,12 млн. пудов, продаваемых Россией. И это в то время, когда площадь российских лесов в два с лишним раза превышала лесные запасы США.

Значительно больше производили бумаги и такие страны, как Германия, Канада, Норвегия, Финляндия[4].

С началом империалистической войны положение с бумагой в стране ухудшается. Производство ее неуклонно падает и составляет к концу 1914 г. только 2 млн. 300 тыс. пудов[5]. Уровень потребления бумаги на одного человека к 1917 г. опускается до 4—5,5 фунта. Негативные процессы в бумажной промышленности России продолжают развиваться и в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. Затруднительность товарообмена, сокращение выпуска печатной продукции, скачок цен на бумагу вызвали дальнейшее уменьшение ее потребления — в 1918 г. оно не превышало 4,5 фунта на человека[6].

Аналогичное положение с бумагой в эти годы наблюдается и в Симбирской губернии. На ее территории действовало до Октябрьской революции четыре фабрики: фабрика графа Рибопьера в Алатырском уезде, две фабрики братьев Марьиных и фабрика Щербакова в Карсунском уезде. Наиболее крупной из них была фабрика графа Рибопьера. На ней в 1913—1917 гг. трудилось 120 человек. Высшая годовая выработка достигнута предприятием накануне первой мировой войны — 81 961 пуд. Затем она понижается и к 1917 г. составляет только 14 453 пуда. Весной 1917 г. фабрика дала убыток в 32 602 рубля и 1 июля прекратила работу[7].

Всеми фабриками губернии в 1913 г.— это время наиболее высоких показателей в бумажной промышленности края — было выработано 191 600 пудов различных сортов бумаги: писчей, альбомной, оберточной, картона[8]. Затем производство бумаги в губернии снижается. Особенно низкой отметки оно достигает в 1917 г. Симбирская газета «Экономический путь» отмечала впоследствии: «Производительность этих фабрик, как и всюду за время революции, понижалась соразмерно росту хозяйственной разрухи в других областях. Бумаги вырабатывалось в очень небольшом количестве и распределялось в большинстве по нарядам центра. Губерния или ничего не получала, или получала ничтожное количество, далеко не покрывающее потребности»[9].

В июле 1917 — апреле 1918 г. с перебоями работали все бумажные фабрики губернии[10]. Не хватало топлива, сырья, рабочих рук.

Проблема бумаги в первые дни Советской власти стоит очень остро. В губернии, уездах оживляется издательская деятельность — налаживается выпуск газет, журналов, печатаются десятки наименований листовок, прокламаций, воззваний. Бумаги требуется все больше и больше, а поэтому вопрос о ней решается одновременно с такими, как снабжение населения губернии продовольствием, топливом, одеждой. Вот строки из протоколов заседаний губисполкома. 14 октября 1918 г. был рассмотрен вопрос «О делегировании тов. Швера[11] за газетной бумагой и отпуске ему же 40 000 рублей на таковую нужду»[12]. В ноябре этого же года, несмотря на крайне ограниченные возможности, принимается решение об «отпуске для закупки бумаги и типографских работ средств в сумме 300 000 рублей»[13].

Учитывая катастрофическое положение с бумагой в стране, правительство предпринимает ряд мер по организации ее более правильного распределения. 16 ноября 1918 г. принимается Постановление Совета Народных Комиссаров о распределении бумаги и сокращении газет. Через три дня, 19 ноября — декрет Совнаркома о распределении бумаги. В этих документах отмечалось, что производство бумаги в стране далеко не удовлетворяет спроса на нее,

расширение бумажного производства не может быть осуществлено в ближайшее время. Указывалось на беспочвенность ожидания поступлений из-за рубежа. Ставилась задача — сосредоточить главное внимание на политической агитации, отодвигая временно в сторону другие цели — пропагандистскую, культурно-просветительскую и т. д. Признавалось возможным использовать рулонную бумагу только для выпуска газет. Из общего объема бумаги, имеющейся в стране, только 50 тыс. пудов отпускалось для Петроградской и провинциальной печати[14].

Состояние печати в Симбирской губернии ярко характеризует общее положение дел с бумагой. Из-за нехватки последней в первое время существования Советской власти в Симбирске более или менее прилично была поставлена только одна газета — «Известия Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Вплоть до начала 1919 г. «Известия» практически были единственной регулярной газетой в городе. В уездах, кроме Сызрани и Алатыря, газеты выходили нерегулярно[15].

Партийная организация губернии старалась держать производство бумаги в поле зрения, стремилась поправить положение дел в бумажной промышленности, пустить фабрики. 30 апреля 1919 г. в докладе губисполкома в Главное управление бумажной промышленности ВСНХ отмечалось, что уже «...в конце 1918 года после ухода белых были приняты подготовительные меры к возобновлению их (бумажных фабрик.— С. В.) деятельности»[16]. Это было тем более важно, что крупные фабрики страны, работающие на ввозимых из-за границы полуфабрикатах, бездействовали, и значение небольших местных предприятий, снабжавшихся местным сырьем (в основном тряпьем) и топливом, приобретало особую значимость.

Уже в ноябре 1918 г., раньше намеченного, были пущены фабрики графа Рибопьера и Щербакова. Первая вырабатывала 80 пудов оберточной и пакетной, вторая — 50 пудов газетной бумаги в сутки[17].

На повестку дня встает вопрос о национализации бумажной и полиграфической промышленности. Стало очевидным, что полное освобождение печати из-под власти капитала может произойти только при предоставлении трудящимся «равного права на пользование соответствующей долей запасов бумаги и соответственным количеством типографского труда»[18].

Национализация в бумажной промышленности губернии прошла организованно и полно. К 1919 г. были переданы в руки трудящихся все бумажные фабрики. Для сравнения: в полиграфической промышленности губернии к этому времени число национализированных предприятий составило 80 %, в отраслях пищевой промышленности — только 70 %[19].

9 июля 1919 г. создается комиссия по оценке и приемке писчебу-

мажных фабрик в ведение губсовнархоза[20]. На пленарном заседании отдела металла губсовнархоза признается необходимым «поставить писчебумажное производство на должную высоту и по возможности довести выработку бумажных изделий до доброкачественной выделки и нормального производства»[21]. Организовано управление бумажной промышленности, руководство которым осуществляет писчебумажная секция полиграфического отдела губсовнархоза[22].

Работа по ликвидации бумажного кризиса идет в это время по всей стране. Ведется поиск более совершенных структур управления бумажной промышленностью. Вместо существовавшего с января 1918 г. отдела дерева и бумаги ВСНХ, деятельность которого ограничивалась в основном обследованием бумажной промышленности России, создается Главный комитет по делам бумажной промышленности и торговли (Главбум). Согласно декрету Совета Народных Комиссаров о порядке распределения бумаги и картона от 27 мая 1919 г., в ведение Главбума поступают вся бумага и картон в пределах РСФСР, и «только ему предоставляется право распределять эту бумагу и картон по нормам, утвержденным комиссией использования»[23].

Главбум стремится поставить отрасль на плановую основу. С середины 1919 г. начинается производственное руководство бумажными фабриками — дается плановый месячный заказ всем национализированным предприятиям, несколько позднее вводится и плановое снабжение целлюлозой, древесной массой, тряпьем, бумажными обрезками, другими материалами.

Бумажный кризис вынуждает Главбум выделить 19 лучших фабрик страны и милитаризовать их[24].

Меры по улучшению бумажного дела, предпринимаемые в центре и на местах, позволили упорядочить расход бумаги, несколько оживить ее производство. В результате открываются новые органы печати, издаются брошюры, учебники. Например, в Симбирской губернии в первой половине 1919 г. были организованы еще две газеты — «Пролетарий», орган губкома РКП(б) и губисполкома, и «Экономический путь», орган губернского экономического совещания и губсовнархоза. Начинаются работы по подготовке к выпуску ряда брошюр и учебников[25].

Однако, как писала 25 ноября 1919 г. «Заря»: «...отмечается большой недостаток бумаги»[26]. В докладе губисполкома в Главное управление бумажной промышленности подтверждается этот факт: «По нарядам на Симбирскую губернию установлена ежемесячная норма бумаги в размере около 5000 пудов. Из этого количества почти ничего не получено. Существующая производительность Симбирской губернии не только не превышает указанной нормы, но даже меньше

таковой. Бумага, поступающая с фабрик, идет преимущественно на нужды воинских частей Восточного фронта и обслуживает всю Симбирскую губернию и часть Казанского губсовнархоза»[27].

Запасы бумаги в губернии находятся под жестким контролем: «...вся вырабатываемая бумага распределяется полиграфическим отделом Губсовнархоза каждому уезду по особо разрабатываемому плану в соответствии с числом типографий и других местных потребностей»[28]. Губисполком отказывает в отпуске бумаги даже Госиздательству — «ввиду того, что кризис на бумагу и она распределена по уездам по 30 пудов»[29].

Нехватка бумаги приводит к закрытию в губернии ряда органов печати. Газета «Экономический путь», рассматривая историю возникновения и развития в губернии партийной и советской печати, отмечала: «В конце 1919 года газеты в Симбирске уже пошли на убыль. Полиграфическое и бумажное производство не смогли выдержать той ноши, которую взвалили на них партия, исполком и совнархоз»[30].

Следует, однако, отметить, что общую разруху, вызванную гражданской войной, сравнительно небольшие, работающие на местном сырье и топливе бумажные фабрики губернии перенесли легче, чем предприятия других отраслей. Бумажная секция полиграфического отдела губсовнархоза уже с конца 1920 г. начинает работы по техническому перевооружению фабрик, организует их плановое и ритмичное снабжение топливом, материалами, рабочей силой, вводит отчетность. В 1920 г. в губернии было выработано 2 300 пудов газетной бумаги[31].

Но в целом положение остается тяжелым. К началу 1920 г. в губернии издается только одна газета — «Заря»[32].

Начало 1920 года — самый тяжелый период в истории отечественной бумажной промышленности. Катастрофическое положение с бумагой подтверждается фактами. В стране было выработано всего 120 тыс. пудов бумаги и картона, что меньше, чем вырабатывалось двумя крупными фабриками до революции[33]. Советская Республика располагала фондом бумаги в 2,5 млн. пудов, из которых 2,1 млн. пудов вырабатывались собственными фабриками, а 400 тыс. ввозились из Эстонии. Это в 13 раз меньше российских запасов в 1914 г. Из 2,1 млн. пудов бумаги на все книжное дело России выделялось только 46 тыс. пудов в месяц[34].

Не случайно IX съезд РКП (б), состоявшийся 29 марта — 5 апреля 1920 г., принимает резолюцию «Бумажное и типографское дело», в которой призывает ВСНХ, соответствующие профессиональные союзы и другие заинтересованные учреждения «приложить все усилия к тому, чтобы повысить количество производимой бумаги, улучшить ее качество, внести в типографское дело порядок и тем обеспечить

рабоче-крестьянскую Россию социалистическим печатным словом»[35].

В 1921 г. положение с бумагой в республике вновь ухудшается. К середине года она располагает годовым запасом в 25 раз меньшим, чем царская Россия в 1914 г. — то есть за год запасы сократились вдвое. Для издания книг используются не только типографские сорта бумаги, но любая, вплоть до оберточной[36]. Именно на такой бумаге отпечатаны первые книги, вышедшие в нашей губернии после Октябрьской революции. Сегодня они как реликвии хранятся в отделе краеведческой литературы Дворца книги имени В. И. Ленина. Эти книги — бесценные свидетели той нелегкой поры.

Центром проводятся ряд жестких мер по экономии бумаги. Создается комиссия при РКП(б) по улучшению издательского дела. 26 апреля 1921 г. «Известия» опубликовали беседу с председателем комиссии Л. Д. Троцким. Говоря о проблемах издательского дела, он особое внимание уделяет вопросам экономии бумаги: «Перспективы бумажного и полиграфического дела требуют величайшей экономии и точности учета каждого листа печатной бумаги»[37].

Комиссия приходит к выводу о необходимости сокращения числа газет, при возможном увеличении их тиража. Экземпляры газет, предназначенные для расклейки, предлагается печатать с одной стороны — для получения более четкого оттиска и экономии бумаги.

На бумажных фабриках губернии, сравнительно лучше обеспеченных топливом и сырьем, уже в 1921 г. намечается некоторый рост производства. Отрасль в условиях новой экономической политики, проводимой в соответствии с решениями X съезда РКП(б), переходит на новые методы хозяйствования. Бумажная секция полиграфического отдела губсовнархоза с октября 1921 г. полностью работает на хозрасчете[38]. Газета «Экономический путь» сообщала о бумажной промышленности, начавшей работать в условиях новой экономической политики: «...промышленность подверглась довольно значительной реформе и к настоящему времени дела обстоят примерно так: во-первых, в настоящее время промышленность снята с государственного снабжения и переведена на хозяйственный способ работ, причем в ведении бумсекции губсовнархоза находятся сейчас работающие фабрики № 1 и № 4, с общей производительностью первой до 40 п. в сутки и второй до 80 п. в сутки; № 3 сдана в аренду артели бывших на ней рабочих в количестве 25 человек на условиях сдачи 5% выработки установленных бумсекцией сортов бумаги, производительность ее до 40 п. в сутки, фабрика № 2 после бывшего на ней пожара находится в безнадежном состоянии — закрыта»[39].

Важно заметить, что хотя фабрика № 3 и была сдана в аренду — артель получила название «Якорь» — развитие арендных и кооперативных начал в бумажной промышленности шло плохо. Дела

в «Якоре» обстояли не лучшим образом — фабрика № 3 была хуже других оснащена, не имела водяной силы, требовала большого ремонта — в начале 1924 г. предприятие в крайне запущенном состоянии вошло в состав Симбирского комбината писчебумажной и полиграфической промышленности[40].

Бумажные фабрики губернии в это время испытывают острую нужду в топливе и рабочей силе, но новые экономические отношения позволяют повысить производительность труда, увеличить выпуск продукции. Вырабатываются газетная, писчая, обложечная, альбомная, оберточная бумага. Всего за первое полугодие 1921 г. произведено 3196 пудов бумаги[41].

Создаются материальные предпосылки для расширения издательской деятельности. По данным технического отдела Симбирского отделения Государственного издательства, с 1 апреля по 1 августа 1921 г. в губернии выпущено: 8 брошюр тиражом 27 900 экземпляров, 97 000 листовок, 85 000 плакатов. Среди брошюр: «О продналоге», «Социально-политическое воспитание», «Новые законы по продовольствию» и другие[42].

К 1923 г. производство бумаги фабриками губернии доведено до 200 053 пудов[43]. Растет производительность отдельных фабрик. Выработка на одного работающего составляет по фабрике № 1 — О,49, фабрике № 4 — 0,67 пуда[44].

1923 год — этапный рубеж в истории восстановления бумажного производства губернии. «...с 1923 года оно начинает расти, приближаясь к довоенной черте и перешагивая ее»[45].

Самое пристальное внимание на фабриках уделяется сейчас качеству выпускаемой бумаги. Газета «Экономический путь» писала в январе 1923 г. о том, что «качество выпускаемой на фабрике № 4 бумаги соответствует уровню продукции довоенного времени»[46].

1 июля 1923 г. создается Симбирский комбинат писчебумажной и полиграфической промышленности. В него вошли две писчебумажные фабрики и две типографии — Ульяновская и Сызранская, образованная из ряда мелких предприятий. Среди причин создания комбината — и попытка поддержать полиграфическую промышленность. В объяснительной записке к годовому балансу комбината за 1923—1924 г. сообщается, что «ко времени организации комбината бумажная промышленность губернии, имеющая хотя и малые средства — 36 696 р.11 к. оборотного капитала, все же достаточно развилась и окрепла, тогда как полиграфическая, не обладая оборотным капиталом (оборотный капитал 2 506 р.12 к.), пришла в упадок, вследствие чего ГСНХ и решил для поддержания полиграфичесокй промышленности объединить таковую с писчебумажной под одним управлением комбината ППП»[47].

Уставной капитал комбината ППП составлял 422 017 тыс. золотых рублей[48].

Комбинату разрешалось свободно реализовать свою продукцию но право преимущественной покупки ее принадлежало, при прочих равных условиях, в первую очередь госорганам и государственным объединениям, а затем кооперативным объединениям, если эти государственные и кооперативные органы и объединения выступали в качестве контрагентов.

Задания для обязательного исполнения комбинату могли даваться только СТО или экономвещанием РСФСР[49].

15 процентов производимой бумаги реализовалось внутри губернии[50]. Комбинат ППП продавал продукцию в Нижнем Новгороде, Самаре, Баку, Москве. Причем в Москве имелась контора, в ведении которой находился магазин-склад. В задачи московской конторы входили сбыт продукции комбината, закупка бумаги для своих нужд, снабжение предприятий сырьем, материалами и оборудованием, прием заказов для типографий[51].

Бумажное производство все уверенней решало стоящие перед ним задачи. Росла загрузка фабрик. Так, если в 1922—1923 г. она составила по бумажным фабрикам 32%, то 1923—1924 г. достигла 62%.

Среднемесячная производительность с 1923 по 1925 г. выросла на 33,5%[52]. На одну тонну бумаги расходовалось 31,3 человеко-дня. Однако коллектив комбината планировал снизить в течение 1925—1926 гг. расход рабочей силы на 26,55 человеко-дня[53].

Вводится сдельная оплата труда, что явилось новым стимулом улучшения конечных результатов[54].

Годовая выработка в 1925 г. составила 231 600 пудов, что было значительно выше довоенной выработки. Если до войны на одного человека вырабатывалось в среднем 32,5 кг бумаги, то к концу восстановительного периода — 34 кг[55].

Директор комбината ППП Макаров, обращаясь в 1925 г. к руководителям бумажных фабрик, с полным правом подчеркивал, что «год начался и прошел под знаком производительности труда»[56].

В 1926—1927 гг. ведется работа по реконструкции производства, совершенствуется технологическая цепочка. Успешно решаются вопросы экономии. Например, только за счет утилизации отходов было намечено получать экономию в 2—3 тыс. рублей ежегодно[57].

Разворачивается строительство. На фабрике № 4 (бывшем предприятии графа Рибопьера) строится новое древесно-массное отделение на р. Барыше с водяной турбиной в 250 л.с.[58]. Открываются новые предприятия. Так, одна из суконных фабрик перепрофилируется в фабрику по производству бумаги. Она пущена осенью 1926 г.[59].

Полным ходом ведется разработка первого пятилетнего плана.

Планируется в 1927—1928 гг. довести выработку до 1000 пудов, а в 1929—1930 гг. — до 1500 пудов в сутки[60].

На базе роста производства бумаги, улучшения работы полиграфии расширяется количество наименований и тиражи различных изданий. Только губздравотделом ежегодно издается несколько брошюр. Это в первую очередь просветительская литература: «На борьбу с пьянством», «Курение» и т. д.

Большими тиражами печатаются плакаты, листовки[61].

Увеличилось число газет. К 1926 г. уже издавались ежедневная газета «Пролетарский путь» — тираж 7400 экземпляров — и еженедельная «Красная жатва» — 2500 экземпляров; три раза в месяц выходит «Знамя обороны». Печатается «Бюллетень товарной биржи и рыночных цен».

В этом же году выпускается около 10 брошюр, начинается работа по подготовке к печати сборника «Наше дело»[62].

Таким образом, бумажная промышленность губернии за первое десятилетие Советской власти прошла несколько этапов. Период организационного становления: конец 1917 — середина 1919 г. В это время были пущены стоявшие фабрики, проведена их национализация, созданы местные органы руководства бумажной промышленностью. С середины 1919 по 1921 г. — этап борьбы с разрухой, вызванной гражданской войной. Он характерен работой по сохранению бумажной промышленности и постепенному ее подъему в условиях новой экономической политики. Третий этап — 1922—1925 гг. С 1923 г. отмечается неуклонный подъем отрасли, в 1925 г. бумажная промышленность губернии достигает и перекрывает уровень довоенной выработки. С 1926 г. начинается период реконструкции и расширения производства. Вводятся новые мощности, совершенствуется технология, ведется подготовка к первой пятилетке.

[1] Писчебумажная промышленность: Обзор. — Экономический путь, 1919, № 36, 27 февраля.

[2] Там же.

[3] Назаров А. И. Октябрь и книга. М., Наука, 1968, с. 9.

[4] Писчебумажная промышленность.

[5] Наша бумажная промышленность. Обзор. — Экономический путь, 1921, № 16, 19 ноября.

[6] Писчебумажная промышленность.

[7] То же (продолжение). — Экономический путь, 1919, № 37, 28 февраля.

[8] Бумажную промышленность — на верные рельсы: Обзор. — Пролетарский путь, 1926, № 151, 7 июля.

[9] Наша бумажная промышленность.

[10] Писчебумажная промышленность, 28 февраля.

[11] Швер Александр Владимирович (1898—1940) — журналист, член ВКП (б) с 1916 г. Редактор газет «Известия», «Заря», «Пролетарский путь» (г. Симбирск).

[12] ГАУО, ф. 200, *оп.* 1, д. 2, л. 44.

[13] Там же, оп. 2, д. 26, л. 3.

[14] Декрет Совета Народных Комиссаров о распределении печатной бумаги. 19 ноября 1918 г. — Издательское дело в первые годы Советской власти. Сб. документов. М., Книга, 1972, с. 26—27.

[15] Печать в Симбирской губернии: Обзор. — Экономический путь, 1922, № 99, 5 мая.

[16] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 15, л. 23.

[17] Там же.

[18] Ленин В. И. Проект резолюции о свободе печати. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 51.

[19] Список фабрик и заводов и других промышленных предприятий Симбирской губернии. Симбирск, 1922, с. 12.

[20] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 4, л. 3.

[21] Там же, оп. 1, д. 7, л. 11.

[22] Там же, оп. 1, д. 15, л. 23.

[23] Декрет Совета Народных Комиссаров о порядке распределения бумаги и картона. 27 мая 1919 г. — Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 55.

[24] Краткий обзор деятельности Главного управления государственными предприятиями бумажной промышленности за 1918—1920 гг. Госиздат, 1921, с. 3—5.

[25] Печать в Симбирской губернии.

[26] Симбирская жизнь: Обзор. — Заря, 1919, № 156, 25 ноября.

[27] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 15, л. 24.

[28] Там же, л. 64.

[29] Там же, ф. 200, оп. 2, д. 510, л. 66.

[30] Печать в Симбирской губернии.

[31] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 38, л. 34.

[32] Печать в Симбирской губернии.

[33] Краткий обзор деятельности Главного управления...

[34] Мещеряков Н. О работе Госиздата. — Печать и революция, 1921, кн. 1, с. 9—14.

[35] IX съезд РКП (б). Москва, 1920. — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1. М., 1954, с. 489.

[36] Назаров А. И. Очерки истории советского книгоиздательства. М., Искусство, 1952, с. 103.

[37] Положение нашего издательского дела: Беседа с тов. Троцким. Известия, 1921, № 90, 26 апреля.

[38] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 82, л. 29.

[39] Наша бумажная промышленность.

[40] ГАУО, ф. 293, оп. 1, д. 106, л. 14.

[41] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 40, л. 1.

[42] ГАУО, ф. 190, оп. 1, д. 274, л. 3.

[43] Наша промышленность: Обзор. — Пролетарский путь, 1923, № 27.

[44] ГАУО, ф. 295, оп. 1, д. 82, л. 30.

[45] Бумажную промышленность — на верные рельсы.

[46] Наша промышленность: Обзор. — Экономический путь, 1923, № 7, 11 января.

[47] ГАУО, ф. 293, оп. 1, д. 61, л. 5.

[48] Там же, ф. 295, оп. 1, д. 106, л. 17.

[49] Там же, л. 25.

[50] Там же, л. 78.

[51] Там же, ф. 293, оп. 1, д. 151, л. 2.

[52] Там же, д. 103, л. 18.

[53] Местная жизнь: Подборка. — Пролетарский путь, 1925, № 182, 12 августа.
[54] ГАУО, ф. 293, оп. 1, д. 103, л. 19.
[55] Бумажную промышленность — на верные рельсы.
[56] ГАУО, ф. 293, оп. 1, д. 120, л. 143.
[57] Там же, д. 121, л. 26—27.
[58] Перспективы промышленности нашей губернии на будущий год. — Пролетарский путь, 1925, № 181, 11 августа.
[59] Бумажную промышленность — на верные рельсы.
[60] ГАУО, ф. 293, оп. 1, д. 123, л. 42.
[61] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 1630, л. 239.
[62] ГАУО, ф. 190, оп. 1, д. 1349, л. 3.

Л. Н. Лютов

Председатель губсовнархоза

Осуществляя революционные по своей сути преобразования во всех сферах жизни советского общества, наша партия решающее значение придает кадровой политике. От того, кто руководит делом, зависит успех самого дела.

Среди тех, кто создавал экономический фундамент социалистического общества, был Ефим Яковлевич Малаховский — председатель Симбирского губернского совета народного хозяйства в 1918—1922 гг.

В Симбирск Е. Я. Малаховский приехал в апреле 1917 г. и поступил на должность делопроизводителя в строительную контору при патронном заводе[1]. К этому времени он закончил Киевский коммерческий институт, эвакуированный в Саратов, со степенью кандидата экономических наук[2]. 15 мая 1917 г. он стал коммунистом. 23 мая 1918 г. на заседании губисполкома 26-летний Малаховский был избран председателем ГСНХ[3]. По сути ему предстояло создать совнархоз, т.е. определить структуру аппарата, подобрать кадры, расставить их в соответствии с поставленными задачами и др.

В налаживании работы ГСНХ помощь оказывали партийные и профсоюзные организации, Советы. Для укрепления аппарата ГСНХ и уездных СНХ в них направлялись коммунисты из заводских комитетов[4]. Участвовали в создании совнархозов и профсоюзы. Однако в Симбирской губернии, где профсоюзное движение в 1918 г. было относительно слабым, роль профсоюзов в организации и деятельности совнархоза оценивалась Е.Я.Малаховским невысоко[5].

При создании хозяйственного аппарата в Симбирском ГСНХ последовательно проводилась линия партии на использование буржуазных специалистов, хотя при этом приходилось преодолевать предубеждение и недоверие к ним. О правильном отношении к специалистам шла речь на II Всероссийском съезде СНХ (декабрь 1918 г.), в работе которого принимал участие Е.Я.Малаховский[6]. Этот вопрос затрагивался и на I съезде СНХ Симбирской губернии (март 1919 г.), где председатель ГСНХ, отвечая тем, кто критиковал губсовнархоз за использование буржуазных специалистов, говорил: «Вопрос стоял так: или использовать инженеров, или заводы будут стоять...

Я скажу больше, если можно для пользы хозяйства использовать сатану — мы используем и его и любого другого... Но если си-

дит инженер и ничего не делает, то будь он хоть трижды коммунист, он не должен сидеть и считать, что заведует отделом». При этом за буржуазными специалистами необходим, как отмечал Е. Я. Малаховский, контроль[7].

Вместе с процессом создания СНХ шло определение их задач и функций. Вначале они представлялись весьма широкими. Предполагалось, что ГСНХ охватит всю хозяйственную жизнь губернии[8], но анализ практической работы позволил Е. Я. Малаховскому уже в ноябре 1918 г. сделать вывод, что ГСНХ должен заниматься лишь производством[9].

Свою деятельность ГСНХ пришлось начинать и вести в сложных условиях, которые определяли основные трудности в его работе. Это прежде всего постоянный недостаток финансов, особенно в организационный период. Здесь многое зависело от инициативы и предприимчивости председателя ГСНХ. Так, 9 июля 1918 г., обсуждая вопрос о денежных средствах, коллегия ГСНХ приняла предложение Е. Я. Малаховского продать губернскому комиссариату продовольствия обувь, принадлежащую кустарному отделу ГСНХ[9].

После освобождения Симбирска 12 сентября 1918 г. перед ГСНХ встала неотложная задача взять на учет оставленные владельцами предприятия и пустить их в ход, а также приступить к осуществлению декрета Совнаркома от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности. В целях быстрой и эффективной организации учета и контроля использовались учетные карточки, контрольные книги, анкетные листы, в которых требовалось дать подробные сведения о финансовом положении предприятия, наличии сырья, топлива и другие сведения[11]. Крупные предприятия, а также целые группы однородных небольших предприятий обследовали агенты ГСНХ[12]. Учетом предприятий под руководством ГСНХ активно занимались уездные СНХ. К контролю привлекались исполкомы волостных, сельских и деревенских Советов[13]. Главной особенностью и трудностью этой работы в губернии являлось наличие массы мелких предприятий, на которых организовать учет и контроль было значительно сложнее, чем на крупных.

Одновременно с учетом предприятий шел процесс их восстановления. С этой целью ГСНХ только в начале октября 1918 г. выдал предприятиям около 350 тысяч рублей[14]. Прежде всего восстанавливались предприятия, снабжавшие Красную Армию снаряжением и продовольствием, а также выпускающие сельскохозяйственные орудия. Восстановление происходило в условиях острого недостатка материалов, инструмента, квалифицированных рабочих, денежных средств. В тех случаях, когда восстановление предприятий представлялось невозможным, они или консервировались, или, в более редких случаях, сдавались в аренду.

Те предприятия, которые подвергались национализации, предварительно тщательно обследовались. Так, в первой половине июля 1918 г. ГСНХ в этих целях было произведено обследование завода Пузырева[15]. Тогда же губсовнархоз назначил комиссию из трех человек для приемки чугунолитейного и механического завода братьев Тенишевых[16].

В процессе национализации ГСНХ приходилось вести борьбу против анархо-синдикалистских тенденций. На I губернском съезде СНХ председатель губсовнархоза отмечал, что в первой половине 1918 г. были случаи, когда некоторые заводы переходили в руки рабочих организаций стихийно, и случаи, когда рабочие считали завод свой собственностью. В этой связи «мы опасались, — говорил Е.Я.Малаховский, — что вместо одного Протопопова (владелец суконной фабрики. — Л.Л.) мы посадим 200—300 протопоповых», т.к. когда рабочие стали управлять фабриками, они действовали с убеждением: «фабрика наша, сырья не дадим, деньги не дадим, все принадлежит нам». В целом, как констатировал председатель ГСНХ, с этой тенденцией приходилось вести борьбу и преодолеть ее стоило большого труда[17].

В ходе осуществления декрета от 28 июня 1918 г. необходимо было творчески подходить к его практической реализации. Не просто решался, например, вопрос о национализации крахмало-паточной промышленности губернии. Он обсуждался 15 октября 1918 г. на объединенном заседании ГСНХ, где высказывались полярные точки зрения: от национализации всех предприятий этой промышленности до отказа от национализации вообще. В такой обстановке решающее значение имела четкая, ясная и убежденная позиция председателя ГСНХ. Е.Я.Малаховский разъяснял: «Необходимо взять в ведение совнархоза несколько крупных паточных заводов и пустить их в ход. Для сравнительно небольшого количества заводов, которые мы возьмем, у нас несомненно найдется достаточный кадр специалистов в этой области... Мелкие же заводы оставим в руках кооперативных объединений...»[18]. В результате заседание постановило взять в ведение ГСНХ несколько крупных оборудованных паточных заводов, а мелкие картофелетерочные и паточные заводы организовать в кооперативные товарищества — коммуны и артели[19]. Е.Я.Малаховский подчеркивал также, что «всякая национализация промышленности налагает на нас всю тяжесть ответственности»[20]. Таким образом, к национализации предприятий Симбирской ГСНХ подходил продуманно и взвешенно.

Вся та работа, которая проводилась Симбирским ГСНХ с осени 1918 г. до весны 1919 г., была успешной и высоко оценивалась. Так, на 7 губернском съезде Советов (январь 1919 г.) отмечалось, что «Симбирский губсовнархоз, даже по мнению центра, один из лучших

губсовнархозов Советской Республики»[21]. А на I губернском съезде совнархозов представитель ВСНХ заявил, что у него сложилось «яркое представление о прекрасной работе президиума губсовнархоза, и если бы в таком положении находились и совнархозы других губерний, то лучшего нельзя было бы желать»[22]. В такой оценке деятельности ГСНХ, безусловно, велика заслуга и его председателя — Е. Я. Малаховского.

Работа Е. Я. Малаховского по руководству ГСНХ, национализации промышленности успешно продолжалась и в последующие годы, несмотря на сложное положение губернии. В объяснительной записке в ВСНХ к смете организационных расходов губсовнархоза на второе полугодие 1919 г. он писал, что «едва начавшей оправляться после чехословацкого нашествия в 1918 г. промышленности Симбирской губернии были нанесены новые удары колчаковским наскоком и целым рядом кулацких восстаний в 1-й половине 1919 г. Только чрезвычайным напряжением организационного аппарата удалось создать в короткий, сравнительно, срок мощную деловую организацию, позволяющую капиталистическую промышленность и народное хозяйство энергично перестраивать на новых социалистических началах»[23]. К концу 1920 г. в губернии государству принадлежало 597 предприятий[24].

Одновременно с национализацией промышленности председателю ГСНХ пришлось решать сложную задачу по фактическому овладению предприятиями, т. е. создать и на практике испытать аппарат для управления национализированными предприятиями, выработать методы повышения производительности труда, укрепить трудовую дисциплину.

Для выработки единого подхода к созданию заводоуправлений в губернии большое значение имело совещание уездных СНХ при ГСНХ 12—15 ноября 1918 г. под председательством Е. Я. Малаховского, на котором было принято решение о том, что заводоуправления крупных предприятий должны состоять из трех лиц: из них двое — от УСНХ и один — от заводского комитета[25].

Рабочим, выдвинутым в заводоуправления, аппарат совнархозов, необходимо было быстро освоить сложное дело управления. Организацией различных форм обучения успешно занимался под руководством Е. Я. Малаховского ГСНХ. Так, например, в феврале 1919 г. планировалось открыть курсы для членов правлений и для кандидатов в них. Программа курсов, рассчитанная на полмесяца, охватывала 14 предметов и затрагивала ряд практических вопросов[26]. Использовалась и такая форма, как прохождение практики по овладению навыками управления при заводоуправлении патронного завода[27]. Рабочие проходили практику по управлению и в отделах ГСНХ. Но при этом Е. Я. Малаховскому приходилось бороться против

формального подхода некоторых профсоюзов к обучению рабочих. Стремясь, чтобы как можно больше рабочих получило навыки управления, профсоюзы присылали их в отделы ГСНХ на очень короткий срок, за который они не успевали даже ознакомиться с делами отдела. Поэтому Малаховский предлагал на 3 губернском съезде профсоюзов (январь 1920 г.) принять решение о том, что «представители должны оставаться дольше, чтобы они не превращались только в чиновников»[28].

Е. Я. Малаховский был не только организатором подготовки управленческих кадров, но и непосредственно участвовал в ней как преподаватель. Он являлся одним из лекторов партийной школы, которая занималась подготовкой коммунистов для участия в управлении производством[29].

Привлечение рабочих к управлению предприятиями способствовало воспитанию у них чувства хозяина, а также помогало выявить наиболее способных организаторов, что позволило затем перейти к единоначалию в управлении промышленностью. Необходимость такого перехода вызывалась и тем, что к 1919 г. выявились существенные недостатки коллегиальности — отсутствие персональной ответственности, бесконечная трата времени на обсуждение вопросов и др. Особенно быстрыми темпами единоначалие стало внедряться после IX съезда партии. Однако руководимый Е. Я. Малаховским ГСНХ не стремился форсировать переход к единоначалию. В докладе на 3 городской конференции профсоюзов и фабзавкомов (июнь 1920 г.) Е. Я. Малаховский, разъясняя позицию ГСНХ по этому вопросу, говорил, что «вопрос о коллегиальности и единоначалии есть не вопрос принципа, а практической целесообразности.

...Мы за наиболее рациональный способ управления промышленностью. Где можно — там будет коллегия, где нужно — там будет директор или заведующий...»[30]. Такой подход, при котором главным было достижение реального результата, а не кампания, позволял избежать формализма.

Как председатель ГСНХ Е. Я. Малаховский многое делал для поднятия производительности труда и трудовой дисциплины. По этим вопросам он непосредственно обращался к рабочим. Так, 6 апреля 1919 г. Е. Я. Малаховский выступил на общем собрании профсоюза металлистов Симбирска, которое постановило призвать рабочих «немедленно приступить к проведению самой строгой дисциплины труда для поднятия экономического положения страны»[31]. Е. Я. Малаховский понимал, что укрепить трудовую дисциплину возможно только применяя целый комплекс мер. Такой комплекс был утвержден губисполкомом после выступления на одном из его заседаний, 14 апреля 1920., Е. Я. Малаховского[32]. Этот комплекс включал в себя: освобождение рабочих от общественной деятельности во время

работы на предприятиях; более строгое отношение врачей при освобождении от работы; создание комиссии по борьбе с прогулами; регулярную и публичную работу дисциплинарного суда; выделение дополнительно рабочим продовольственных карточек и др.

Председатель ГСНХ был против того, чтобы укреплять и поддерживать трудовую дисциплину любыми методами. Е.Я.Малаховский разъяснял членам заводоуправления механической фабрики обуви по поводу грубости одного из руководителей, что «грубость недопустима... дисциплина вводится не руганью, а лишь при содействии заводского комитета...»[33].

Для поднятия производительности труда наряду с мерами по укреплению трудовой дисциплины важно было использовать и экономические методы, в частности, сдельно-премиальные формы оплаты труда. Однако некоторые местные работники полагали, что сдельщина нежелательна с точки зрения основных принципов социализма, и воспринимали ее как временную меру[34]. В своем логическом развитии такой взгляд приводил эсеров-максималистов к призыву немедленного отказа от заработной платы вообще и переходу к уравнительному распределению[35]. С подобными взглядами помогала бороться сама жизнь. В апреле 1919 г., когда к Симбирску приближался Колчак, председатель ГСНХ издал приказ о немедленном переводе предприятий ГСНХ на сдельную оплату[36]. В начале 1920 г. формы оплаты труда, стимулирующие рост производительности труда, получают широкое распространение. Так, в марте пожелание о введении для рабочих сдельно-премиальных форм оплаты высказала межведомственная комиссия по борьбе с топливным, транспортным и санитарным кризисом губернии[37], председателем которой был Малаховский. В условиях тяжелейшего для Симбирской губернии 1921 года Е. Я. Малаховский считал, что «всякая выдача от государства лишь за труд» должна применяться в губернии быстрее, чем где-либо[38].

Переход к новым социалистическим принципам и методам управления промышленностью — демократическому централизму, оптимальному сочетанию самостоятельности и ответственности хозяйственных подразделений — на практике проходил не всегда гладко и безболезненно. В первые послереволюционные годы между ГСНХ и местными отделами главков при нем нередко возникали трения и конфликты. Местные отделы главков часто действовали совершенно обособленно от ГСНХ, не учитывая особенностей губернии. Поэтому не случайно, что уже весной 1919 г. ГСНХ приходилось рассматривать вопросы о взаимодействии с ними. В своем докладе на заседании пленума ГСНХ 8 апреля 1919 г. Е. Я. Малаховский указывал на сепаратизм и автономность этих отделов и на нарушение ими нормального экономического

строительства губернии[39]. Кроме того, главки стремились подменить хозяйственные органы на местах, посылая своих представителей, которые указывали ГСНХ, что ему надлежит делать. Имея в виду именно такие действия главков, Е. Я. Малаховский резонно отвечал на I губернском съезде СНХ: «Мы охотно выслушиваем все указания, которые нам дают. Но когда кто-нибудь пробует вне нас делать, тогда нельзя требовать от нас работы и ответственности»[40].

В 1920 г., когда необходимо было приступить к восстановлению народного хозяйства, стал особенно очевидным излишний централизм в управлении экономикой страны, который осуществляется в ущерб развитию инициативы на местах. На 9 губернском съезде Советов (июль 1920 г.) Е. Я. Малаховский страстно говорил: «Уродливое создание главков является неприемлемым по отношению к Советской России. Когда инициатива на местах может поддерживать народное хозяйство, можно бороться с теми бедами, которые постигли Советскую Россию после империалистической и во время гражданской войны»[41]. Отсюда понятно стремление ГСНХ преодолеть издержки чрезмерного централизма путем расширеня прав местных хозяйственных органов. Но это не означало отхода от централизма вообще. Е. Я. Малаховский разъяснял на 3 губернском съезде профсоюзов (январь 1920 г.): «Мы должны иметь центральный орган управления и должна быть центральная власть, которая руководит делами, но не вмешивается в пустяки, нужно давать общие задания, но не заниматься пустяками». Созвучными сегодняшнему дню являются слова: «Нужно дать больше инициативы местным работникам, чтобы центр смог освободиться от пустяков, я уверен, что мы пойдем под этим флагом»[42]. Эти идеи были понятны рабочим — в своей резолюции по докладу Е. Я. Малаховского съезд записал, что работа ГСНХ может протекать плодотворно только при условии «использования местной инициативы, глушимой тем централизмом, который выходит из рамок здоровой централизации общего руководства и управления»[43].

Решительный поворот к усилению роли местных органов хозяйственного управления, расширению самостоятельности предприятий был сделан в 1921 г. в связи с переходом к непу. В этих условиях, как отмечалось в сентябре 1921 г. на заседании президиума Симбирского ГСНХ «должны выявлять как можно больше инициативы и самостоятельности», а «предприятия, остающиеся в руках государства, должны перейти на хозяйственный способ работы»[44]. Уже с 1 октября 1921 г. президиум ГСНХ переводит на хозяйственный расчет две писчебумажные фабрики и Центральный завод в Симбирске (бывший механический з-д Пузырева. — Л. Л.)[45]. В постановлении по заводу предполагалось «предоставить Центральному заводу больше самостоятельности и инициативы. Как оборотный ка-

питал выделить Центральному заводу 16 миллионов руб. Впредь финансирование Центрального завода Губсовнархозом прекратить».

К весне 1922 г. в губернии на хозрасчет были переведены все предприятия полиграфического производства, швейной и силикатной промышленности, кожевенные, а также предприятия губкустпрома и губсельпрома[46].

К концу гражданской войны стало ясно, что для построения социализма и его дальнейшего развития при наличии общественной собственности на средства производства необходимо использовать товарно-денежные отношения. Выражением этого понимания явилась новая экономическая политика, которая даже в условиях хозяйственной разрухи, осложненной в Симбирской губернии неурожаем, позволяла решать казалось бы неразрешимые задачи. Е. Я. Малаховский в своих тезисах к докладу о новой экономической политике на 5 губернском съезде профсоюзов и совнархозов (июль 1921 г.) отмечал: «Применение новой экономической политики в нашей губернии должно идти быстрее, чем где-либо, ибо при всех прочих условиях выгоднее сдача некоторых хозяйственных функций кооперации, артелям и частным лицам, чем полная бездеятельность»[47]. При сдаче в аренду Е. Я. Малаховский требовал соблюдения интересов государства — сдавать прежде всего «неиспользованные старые предприятия, предприятия обременительные и более приспособленные для частного капитала», а средства, которые дает аренда, использовать для крупной промышленности[48]. Прежде чем приступить к сдаче в аренду, ГСНХ тщательно отбирал предприятия. Так, в докладе Е. Я. Малаховского о работе ГСНХ на заседании губисполкома 15 сентября 1921 г. говорилось, что к сдаче в аренду по деревообрабатывающей промышленности намечено 45 заводов, а 15 решено оставить в ведении ГСНХ, по металлообрабатывающей — остаются два завода (Центральный в Симбирске и завод в Алатыре), а три завода и четыре мастерские предполагалось сдать в аренду[49]. Арендная кампания в губернии началась в августе и проходила в основном во второй половине 1921 г. За это время, как отмечалось Е. Я. Малаховским, в губернии было сдано в аренду более 300 предприятий[50]. В среднем на одном предприятии, сданном в аренду, трудилось четыре человека[51]. Таким образом, как говорил Е. Я. Малаховский, «все ненужное, хромающее, невыгодное отбрасывается», и в ведении ГСНХ к началу 1922 г. осталось около 70 «более или менее солидных предприятий, имеющих надежду выдержать искус нэпом»[52].

Кроме огромной работы, которую проводил Е. Я. Малаховский как председатель ГСНХ и заместитель председателя губернского экономического совещания (с августа 1921 г.), он много сил и энергии

отдавал общественно-политической деятельности. Е. Я. Малаховский являлся членом совета Симбирского университета, на открытии которого 3 февраля 1919 г. он говорил о его перспективах[53]; был членом комиссии по сооружению в Симбирске памятника К.Марксу. По инициативе Е.Я.Малаховского ГСНХ стал выпускать газету «Экономический путь», редактором которой являлся также он. Ефим Яковлевич часто выступал со статьями на страницах этой и других губернских газет по различным вопросам хозяйственного строительства. Как член губкома партии он выступал на конференциях, собраниях, читал лекции, вел занятия в партийной школе.

Вся многогранная и плодотворная деятельность Ефима Яковлевича Малаховского на посту председателя ГСНХ свидетельствует о том, что уже в первые годы Советской власти партия большевиков в практической работе выявляла наиболее способных организаторов, «людей с трезвым умом и практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации»[54]. Опыт работы и подход к делу таких организаторов производства, как Е.Я.Малаховский, является ценным и в настоящее время.

[1] Комиссары огненных лет. Саратов, 1977, с. 80—81.
[2] Там же, с. 80; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р—103 оп. 1, д. 28, л.10.
[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.) — Ульяновск, 1957, с. 234.
[4] ГАУО, ф. Р—200, оп. 2, д. 22, л.70.
[5] Экономический путь, 1919, 25 марта.
[6] ГАУО, ф. Р—103, оп. 1, д. 16, л. 95—
[7] Экономический путь, 1919, 16 марта.
[8] Первая Симбирская губернская рабочая конференция. — Симбирск, 1918, с. 43.
[9] ГАУО, ф. Р—103, оп. 1, д. 16, л.131 об.
[10] Там же, л. 24.
[11] Там же, д. 32, л. 110.
[12] Там же, д. 14, л. 337.
[13] Там же, д. 32, л. 32 об.
[14] Там же, д. 14, л. 109, 122, 126, 129.
[15] Там же, л. 80.
[16] Там же, д. 16, л. 20 об.
[17] Экономический путь, 1919, 16 марта.
[18] ГАУО, ф. Р—103, оп. 1, д. 16, л. 50.
[19] Там же, л. 51 об.
[20] Там же, л. 51.
[21] Пролетарий (Симбирск), 1919, 19 января.
[22] Экономический путь, 1919, 11 марта.
[23] ГАУО, ф. Р—103, оп. 1, д. 857, л. 1.
[24] Труды ЦСУ, т. 3, вып. 5, М., 1923, с. 134—135.
[25] ГАУО, ф.Р—103, оп. 1, д. 11, л. 34.

[26] Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1919, 9 февраля.
[27] ГАУО, ф.Р—696, оп. 1, д. 72, л. 69.
[28] Там же, д.181, л. 26, об.
[29] Коммунист, 1919, № 5, с. 12.
[30] ГАУО, ф.Р — 696, оп. 1, д. 79, л. 10.
[31] Там же, д. 8, л. 54.
[32] Там же, ф.Р — 200, оп. 2, д. 513, л. 26 — 27.
[33] Там же, ф.Р — 103, оп. 1, д. 35, л. 345.
[34] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, с. 217 — 218.
[35] Социалист-революционер максималист (Симбирск), 1918, 7—9 ноября.
[36] ГАУО, ф.Р — 103, оп. 1, д. 9, л. 145.
[37] Там же, ф.Р — 200, оп. 2, д. 263, л. 232.
[38] Там же, ф.Р — 103, оп. 1, д. 37, л. 67 об.
[39] Там же, д. 14, л. 119-а.
[40] Экономический путь, 1919, 25 марта.
[41] ГАУО, ф.Р — 200, оп. 2, д. 568, л. 24 об.
[42] ГАУО, ф.Р — 696, оп. 1, д. 181, л. 26.
[43] Там же, л. 53.
[44] ГАУО, ф.Р — 103, оп. 1, д. 51, л. 67 об.
[45] Там же, л. 80 об., 83.
[46] Там же, д. 52, л. 188 — 188 об.
[47] Там же, д. 37, л. 67 об.
[48] ГАУО, ф.Р — 696, оп. 1, д. 332, л. 22.
[49] ГАУО, ф.Р — 200, оп. 2, д. 777, л. 16 — 17.
[50] Там же, д. 1193, л. 19.
[51] ГАУО, ф.Р — 103, оп. 1, д. 30, л. 18.
[52] ГАУО, ф.Р — 200, оп. 2, д. 1193, л. 19.
[53] Пролетарий, 1919, 6 февраля.
[54] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

Л. М. Константинова

Комсомольские мобилизации на фронты гражданской войны в Поволжье 1919—1920 гг.

В Поволжье, как и всюду по стране, мобилизации комсомольцев на фронты гражданской войны явились ярким свидетельством идейной зрелости, мужества и отваги молодого поколения рабочих и крестьян. В обстановке, когда защита завоеваний Октября приобрела первостепенное значение, мобилизации дали Красной Армии тысячи молодых бойцов.

Первая всероссийская комсомольская мобилизация была объявлена в апреле 1919 г., когда судьбы Родины и революции решались на Восточном фронте, сдерживавшем наступление 300-тысячной армии адмирала Колчака. 16 апреля 1919 г., на четвертый день после публикации «Тезисов ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта», написанных В. И. Лениным[1], газета «Правда» опубликовала воззвание ЦК РКСМ «Российский Коммунистический Союз Молодежи и положение на Восточном фронте»[2]. Составленное под непосредственным воздействием ленинского документа, оно призвало комсомольские организации мобилизовать на Восточный фронт 20 процентов своего состава[3].

В Поволжье данная мобилизация совпала с самым началом массового строительства организаций РКСМ, способствуя ускорению этого процесса. Характерно, что в целом ряде случаев молодые рабочие и крестьяне рассматривали свое вступление в РКСМ как реальную возможность «научиться владеть оружием, чтобы уничтожить Колчака»[4].

Важно отметить, что комсомольская мобилизация в поволжском регионе, ставшем прифронтовым районом, а частично и театром военных действий, довольно широко освещалась органом ЦК РКП(б) газетой «Правда». Так, 23 апреля 1919 г. она сообщила о добровольном вступлении в ряды Коммунистического полка, формировавшегося в Пензе, более 100 членов местной организации учащихся-коммунистов, реорганизованной вскоре в коммунистический союз молодежи[5]. 26 апреля «Правда» писала об отправке на Восточный фронт «отряда коммунистической молодежи из Саратова»[6]. 30 апреля она поместила информацию о вступлении в полк «Красная звезда» «половины состава» Пугачевской комсомольской организации Самарской губернии[7], в мае — о «вступлении в полном составе» в ряды Красной Армии Сызранского коммунистического союза молодежи Симбирской губернии[8].

По примеру «Правды» ход комсомольской мобилизации, раскрывая ее значение, освещала и местная партийная печать. «В самый тяжелый для пролетариата момент, период колчаковского наступления, — писала, например, симбирская газета «Заря», — молодежь поняла то, что происходит вокруг нее, и горячо откликнулась на клич рабоче-крестьянского правительства»[9].

Несмотря на то, что в Симбирске комсомольская организация оформилась всего лишь за три дня до объявления ЦК РКСМ всероссийской мобилизации, она сумела развернуть активную агитацию за вступление своих членов в ряды Красной Армии и влить в нее надежное пополнение. В состав Симбирской рабочей бригады на фронт ушло не менее 100 комсомольцев города[10], в том числе учащихся 1-й пролетарской школы им. К. Маркса, из которых самому старшему, В.Варейкису, было 17, младшему — А.Криппе — 5 лет[11]. На сто человек в ходе мобилизации сократился численный состав организации РКСМ Суконно-Слободского района Казани[12]. 39 активистов в апреле 1919г. направили на Восточный фронт комсомольские организации Саратова[13]. «100 человек самых активных работников» дала Красной Армии организация РКСМ Самары[14].

В целом по первой всероссийской комсомольской мобилизации организации РКСМ Поволжья направили на Восточный фронт свыше 800 своих членов[15], причем в большинстве своем — воспитанников комсомольских организаций губернских центров, поскольку в уездах комсомольское строительство только разворачивалось. Последнее обстоятельство привело к тому, что данная мобилизация, в отличие от двух последующих, сопровождалась в Поволжье уходом на фронт значительного числа несоюзного юношества, еще неуспевшего связать свою судьбу с РКСМ. Например, только по Симбирской губернии на борьбу с Колчаком ушло 250 студентов Симбирского пролетарского университета[16]. Бойцами Красной Армии стали и 58 рабочих Языковской суконной фабрики, возраст которых не превышал 23 лет, причем самые молодые рабочие — 17-летние Б.Коршенков, А. Пономарев, А. Шаров, М. Шишканов — ушли на фронт добровольцами[17]. Тогда же решение «мобилизовать на фронт 50 процентов рабочих и служащих в возрасте от 18 до 40 лет включительно» было принято на Екатериновской суконной фабрике, где молодых рабочих в возрасте от 17 до 23 лет насчитывалось более 100 человек[18].

Начало новой комсомольской мобилизации на фронт положил II съезд РКСМ, собравшийся в момент, когда завоеваниям социалистической революции угрожала рвавшаяся к Москве армия генерала Деникина. В день открытия съезда, 5 октября 1919 г., «Правда» писала: «Смелость, отвага, молодые силы союза нужны теперь на Южном фронте...»[19]. В ответ на призыв партии съезд принял

решение о проведении 30-процентной мобилизации на фронт «членов союза 16 лет»[29].

Осуществление этой мобилизации в Поволжье также имело свои особенности. Она проходила в обстановке, когда здесь в основном уже сформировались губернские организации РКСМ. К осени 1919 г. их численный состав превысил 8 тыс. человек[21] и продолжал увеличиваться как за счет оформления новых организаций РКСМ, преимущественно в волостях и селах губернии, так и вследствие численного роста комсомольских организаций губернских центров и уездных городов региона. Все это не замедлило сказаться на новой комсомольской мобилизации, придав ей более массовый характер. Уже 8 октября, объявив организацию на военном положении, к мобилизации приступил Самарский губком РКСМ[22]. Тогда же на военное положение перешли комсомольские организации Саратовской губернии, поставившие рассматривать выход из своих рядов дезертирством[23]. 14 октября на совместном заседании с представителями губернского и городского комитетов РКСМ вопрос о мобилизации комсомольцев на фронт рассмотрел Пензенский губком РКП(б)[24]. Поскольку распоряжением Реввоенсовета республики Пензенская губерния была отнесена к числу укрепрайонов[25], он поддержал инициативу комсомольских органов о проведении поголовной мобилизации членов РКСМ[26]. В тот же день, 14 октября 1919 г., решение о мобилизации приняли на своем митинге комсомольцы Симбирска[27]. 15 октября все они зарегистрировались в образованной накануне военно-мобилизационной комиссии, или мобилизационной тройке (называлась с учетом численного своего состава). В ряды Красной Армии в целом по губернии влилось тогда около 500 членов РКСМ[28]. Свыше 700 молодых бойцов направили на фронт комсомольские организации Саратовской губернии[29]. Всего в ходе II всероссийской комсомольской мобилизации организации РКСМ Поволжья дали Красной Армии более 2760 своих воспитанников[30].

Третья всероссийская комсомольская мобилизация на фронт была объявлена ЦК РКСМ в мае 1920 г., когда против Советской республики выступили буржуазно-помещичья Польша и окопавшаяся в Крыму армия генерала Врангеля. В отличие от двух предыдущих, новая мобилизация должна была осуществляться только на добровольных началах и не носить массового характера. 13 мая 1920 г. в своей телеграмме на месте ЦК РКСМ разъяснял: «Массовой мобилизации членов не проводить, добровольцев отправлять вместе с коммунистами...»[31]. Однако, несмотря на установки ЦК, комсомольские организации снова активизировали военно-мобилизационную работу. Как и в 1919 г., они стремились поддержать Красную Армию прежде всего отправкой лучших своих сил на фронт.

Характерной особенностью данной мобилизации в Поволжье, наряду с ее массовостью, стало наиболее активное участие в ней сельских организаций РКСМ. Так, еще в мае 1920 г. орган Симбирского губкома РКП(б) газета «Заря» сообщала: «Военная тройка уже откомандировала на фронт 127 членов. Прибывают ежедневно. Главное, прибывают из деревенских организаций Коммунистического Союза Молодежи»[32]. Массовый патриотический подъем, охвативший все уездные организации РКСМ губернии, дал основание Симбирскому губкому комсомола при подведении итогов военно-мобилизационной работы весной 1920 г. отметить, что к мобилизации комсомольцев на Западный фронт ему «прибегнуть фактически не пришлось, ибо наблюдался массовый наплыв добровольцев»[33]. В общей сложности бойцами воинских частей и соединений Западного фронта стали 360 членов РКСМ Симбирской губернии[34].

С исключительной активностью мобилизация на борьбу с белополяками и врангелевцами проходила в других губерниях Поволжья: 357 членов РКСМ выехало из Саратовской губернии[35], 551 — из организаций РКСМ Самарской губернии[36], 954 своих воспитанников дала Красной Армии Пензенская губернская организация РКСМ[37], более 200 комсомольцев направили на врангелевский фронт комсомольские организации Царицынской губернии[38].

Массовый характер участия в мобилизации на Западный и Южный фронты комсомольских организаций поволжских сел и деревень объясняется, с одной стороны, тем влиянием, которое оказывала рост классового самосознания крестьянской молодежи политика партии в деревне, закрепленная VIII съездом РКП(б). С другой стороны, их активность была непосредственным результатом массово-политической и организационной работы среди молодежи, развернувшейся в регионе с образованием на местах уездных комитетов РКСМ и широким строительством волостных и сельских комсомольских ячеек. Весной — летом 1920 г. в комсомольских организациях Поволжья насчитывалось уже около 50 тысяч членов РКСМ[39]. В итоге, несмотря на добровольный характер третьей всероссийской комсомольской мобилизации, организации РКСМ Поволжья направили на борьбу с белополяками и Врангелем, по имеющимся неполным данным, 2600 своих воспитанников. Кроме того, более 440 человек были командированы ими тогда же по призыву ЦК РКСМ в различные военные учебные заведения[40].

Таким образом, третья всероссийская мобилизация членов РКСМ, сопровождавшаяся активным участием комсомола в пополнении военных учебных заведений республики, для комсомольских организаций Поволжья оказалась наиболее массовой. В целом, в результате всех трех всероссийских комсомольских мобилизаций на фронты гражданской войны организации РКСМ Поволжья дали Красной

Армии свыше 6600 своих воспитанников, заявив о себе как о надежном ее резерве в суровые годы становления и упрочения Советского государства.

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 271—274.
[2] Правда, 1919, 16 апреля.
[3] Там же.
[4] Коммунист, орган Астраханского губкома РКП(б), 1919, 25 мая.
[5] Правда, 1919, 23 апреля; Партийный архив Пензенской области (ПАПО), ф. 38, оп. 1, д. 2, л. 13.
[6] Правда, 1919, 26 апреля.
[7] Правда, 1919, 30 апреля.
[8] Правда, 1919, 25 мая.
[9] Заря, орган Симбирского губкома РКП(б), 1919, 19 сентября.
[10] Второй Всероссийский съезд РКСМ. Стенографический отчет. Петроград, 1920, с. 36.
[11] Юный пролетарий, орган Симбирского губкома РКСМ, 1920, № 20, с. 18.
[12] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1252, оп. 1, д. 296, л. 1.
[13] Саратовские известия, орган Саратовского губисполкома и губкома РКП(б), 1919, 9 августа.
[14] Второй Всероссийский съезд РКСМ, с. 37.
[15] Подсчеты автора.
[16] ПАУО, ф. 57, оп. 2, д. 234, л, 6—7.
[17] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р—93, оп. 1, д. 16, л. 470—481.
[18] ГАУО, ф. Р—97, оп. 1, д. 17, л. 24; д. 14, л. 36—48.
[19] Правда, 1919, 5 октября.
[20] Второй Всероссийский съезд РКСМ, с. 155.
[21] Подсчеты автора.
[22] Партийный архив Куйбышевской области (ПАКО), ф. 53, оп. 1, д. 2, л. 8.
[23] Вместе с партией. Сб. документов по истории Саратовской организации ВЛКСМ (1917—1970). Саратов, 1976, с. 26.
[24] ПАПО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 94.
[25] Сытов Л. Пензенская организация РКП(б) в период военной интервенции и гражданской войны (лето 1918—1920 гг.), Пенза, 1963, с. 42.
[26] ПАПО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 94.
[27] Заря, 1919, 15 октября.
[28] Комсомольская юность. Сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958, с. 7.
[29] Саратовские известия, 1920, 24 февраля.
[30] Подсчеты автора.
[31] Беляков П. Комсомол на фронтах. — М., Молодая гвардия, 1928, с. 143 (приложения).
[32] Заря, 1920, 19 мая.
[33] ПАУО, ф. 43, оп. 1, д. 10, л. 8.
[34] Там же, л. 73.
[35] ЦГАОР, ф. 1252, оп. 1, д. 337, л. 106; Симбирские известия, 1920, 22 мая.
[36] Котов Г.Г. Рожденный революцией союз, Куйбышев, 1981, с. 57.
[37] ПАПО, ф. 38, оп. 1, д. 712, л. 4.
[38] ЦГАОР, ф. 1252, оп. 1, д. 346, л. 25; Партийный архив Волгоградской области, ф. 6, оп. 1, д. 41, л. 2; На линии огня. Волгоград, 1970, с.42.
[39] Подсчеты автора.
[40] Подсчеты автора.

В. В. Казюхин

Складывание системы рабочего контроля в промышленности Среднего Поволжья в 1917—1918 гг.

В 1917 г. после свержения царизма лозунг рабочего контроля стал центральным требованием большевистской экономической программы в социалистической революции. Выдвинутый В. И. Лениным в «Апрельских тезисах», этот лозунг получил активную поддержку пролетарских масс. Значение рабочего контроля состояло в том, что он способствовал мобилизации сил пролетариата в его борьбе за власть.

После победы власти Советов содержание рабочего контроля и его масштабы существенно менялись. Необходимо было создать новый рабочий контроль — инструмент социалистических преобразований в экономике. В этой связи предстояло перестроить все контрольные органы в единый государственный механизм.

Руководством для советских и рабочих организаций в решении этой задачи стал ленинский декрет о рабочем контроле. «Положением о рабочем контроле»[1], принятом ВЦИК 14 (27) ноября 1917 г., предусматривалось создание в масштабе страны системы рабочего контроля, в которой деятельность низовых контрольных органов объединялась бы Всероссийским советом рабочего контроля (ВСРК), губернскими, городскими, районными советами рабочего контроля (СРК), подчиняющимися Советам рабочих депутатов как органам государственной власти. Рабочий контроль становился массовой формой государственного контроля за деятельностью частнокапиталистических предприятий. В. И. Ленин указывал, что, согласно закону о рабочем контроле, «фабрично-заводские комитеты составляют государственное учреждение»[2].

Исследователи истории рабочего контроля в Среднем Поволжье (Самарская, Симбирская, Пензенская губернии) только упоминали о системе рабочего контроля в данном регионе, не учитывая при этом особенностей ее складывания. Изучение данного вопроса и становится целью предлагаемой статьи.

В отличие от многих индустриальных центров страны, и прежде всего Петрограда, где система рабочего контроля сложилась в основном еще до Октябрьской революции, на Средней Волге этот процесс начинался лишь после установления здесь Советской власти. Сказывалась известная отсталость Среднего Поволжья в промышленном отношении.

В конце 1917 г. советский государственный аппарат управления на

местах только еще создавался, поэтому к организации нового рабочего контроля по инициативе большевиков приступили профсоюзы и фабзавкомы, возникшие в доктябрьский период[3]. В этой работе на Средней Волге ведущую роль играли профсоюзы и фабзавкомы Самары, где сложилась сильная большевистская организация. Уже 9 ноября 1917 г. Самарский Совет профсоюзов конституировал себя как «центральный орган, руководящий всеми экономическими движениями в пределах губернии»[4]. Совет профсоюзов опирался на профессиональные союзы, возглавляемые большевиками: металлистов, строителей и другие.

В Самаре губернский Совет фабзавкомов (так назывался здесь до 28 апреля 1918 г. Совет рабочего контроля) был основан 17 ноября 1917 г. на первой общегородской конференции фабзавкомов, связанной по инициативе ревкома и совета профсоюзов[5]. Совет ФЗК находился под руководством большевиков Ю.К.Милонова, Г.Д.Курулова, З.И.Кабцана и других.

В Симбирске из-за того, что Центральный совет профсоюзов находился в руках меньшевиков, не желавших признавать законы Советской власти, подготовка к созданию Совета рабочего контроля шла медленно: СРК здесь оформился только 29 марта 1918 г. на первой губернской рабочей конференции. В Пензе, наряду с СРК, образовавшимся 27 января 1918 г., 1 апреля того же года при губернском совете профсоюзов была сформирована еще одна комиссия рабочего контроля.

Одновременно с помощью советских и профсоюзных организаций началось строительство низовых звеньев системы рабочего контроля. Это выразилось, во-первых, в массовом создании на фабриках и заводах специальных комиссий для контроля за производственным процессом, во-вторых, в подборе кадров для органов рабочего контроля, в-третьих, в выработке инструкций, которыми народные контролеры руководствовались бы в их практической работе.

Самарский Совет ФЗК сравнительно быстро развернул деятельность по созданию контрольных комиссий на предприятиях всех отраслей промышленности губернии. Уже 19 ноября 1917 г. он опубликовал в газетах циркулярное письмо всем фабзавкомам, где предлагал им «выделить контрольные комиссии и начать работу» по немедленному проведению в жизнь закона о рабочем контроле[6]. Открывшаяся 15 ноября 1918 г. в Самаре вторая общегородская конференция фабзавкомов констатировала, что «основная работа» Совета ФЗК — это «организация контрольных комиссий во всех предприятиях»[7].

На суконных фабриках Симбирской и Пензенской губерний до возникновения здесь местных СРК функцию организации специальных органов рабочего контроля взял на себя Поволжский профсоюз

текстильщиков. 17 ноября 1917 г. правление профсоюза обратилось ко всем фабричным комитетам с циркулярным письмом, в котором им предлагалось немедленно организовать на предприятиях контрольные комиссии для вмешательства в управление производством[8].

В промышленности Средней Волги работа по созданию специальных органов контроля проходила более эффективно на тех крупных и средних предприятиях, где трудилось много кадровых рабочих, имелись крепкие большевистские организации, действовали длительное время фабзавкомы, накопившие некоторый опыт борьбы за сохранение производства. Так, на Самарском трубочном заводе (23 тыс. рабочих и служащих) 25 ноября 1917 г. заводской комитет пятью голосами против одного «признал необходимым установление рабочего контроля над производством». Стремясь сосредоточить дело контроля в руках одного органа, завком признал «недопустимым» существование отдельного комитета служащих и упразднил его[9]. Решения завкома были утверждены на общезаводском собрании рабочих и служащих. 13 декабря в переизбранный президиум исполкома рабочего комитета трубочного завода вошли большевики: П.С.Борисов — председатель, Г.Д.Курулов и Я.Я.Бауэр — товарищи председателя, И.Г.Бирн — секретарь, И.А.Крайнов — казначей[10].

На крупных симбирских и пензенских суконных фабриках контрольные комиссии были образованы сразу же после получения циркулярного письма правления профсоюза текстильщиков — уже в ноябре: на Измайловской — 22-го, на Гурьевской и Игнатовской — 24-го, на Екатериновской — 25-го, на Языковской — 27-го, на Тепловской, Лесно-Матюнинской, Липовской — 28-го[11]. В целом же работа на симбирских и пензенских суконных фабриках была завершена лишь к весне 1918 года. Например, на Усть-Уренской фабрике контрольная комиссия была образована 12 февраля. На Базарно-Сызганской фабрике, судя по письму от 27 февраля заведующего фабрикой правлению профсоюза текстильщиков, «контрольная комиссия только что избрана и к своим обязанностям еще не приступила[12]».

Случаи, когда на некоторых предприятиях контрольные комиссии возникали сравнительно поздно, не означали отсутствия на них рабочего контроля. Так, контрольная комиссия Самарского металлического завода (свыше 200 рабочих и служащих) была образована на общем собрании, созванном рабочим комитетом 19 декабря 1917 г. Но характерно то, что избранные единогласно ее членами К. И. Резгаль, И. А. Решетов и А. А. Бандин прежде входили в состав завкома и уже зарекомендовали себя в глазах рабочих активистами рабочего движения: еще в июне, как члены завкома, они не допустили закрытия завода, чего добивался его владелец[13].

Выборы в контрольные комиссии проводились на суконных фабриках общими собраниями как открытым, так и тайным голосованием, по усмотрению самих рабочих и служащих. Например, на Лесно-Матюнинской фабрике (около 300 человек) «избрание производилось тайной подачей голосов записками. Из шести кандидатов, выдвинутых в эту комиссию, большинство голосов получили Михаил Бычков (25 гол.), Александр Архангельский (16 гол.), Федор Крючков (14 гол.)[14]». На Измайловской фабрике (около 1300 человек) «выборы проводились открытым голосованием». В комиссию здесь были избраны А. В. Мясников, А. П. Сметанкин, П. М. Коровин[15], а также их заместители. В протоколе общего собрания от 12 февраля 1918 года Усть-Уренской фабрики (свыше 400 человек) отмечалось: «. . .мы, рабочие и служащие, из среды своей открытым голосованием избрали в контрольную комиссию председателем Д. П. Воронова, товарищем председателя Н. И. Христофорова и секретарем М. С. Бычкова»[16].

И при тайном и при открытом голосовании пролетарский демократизм соблюдался благодаря высокой активности рабочих масс, их кровной заинтересованности в подборе достойных людей, которым народ поручал важное дело сбережения и налаживания производства.

Число членов контрольной комиссии зависело от объема производства и количества рабочих. На Языковской суконной фабрике (свыше 1000 человек) контрольная комиссия состояла из пяти членов: И. А. Золина, П. А. Павлова, Е. Г. Маленкина, И. Г. Конова, И. У. Миронова; на Екатериновской (около 900 человек) — тоже из пяти членов: Н. М. Евдокимова, П. В. Старостина, С. Шамшетдинова, А. М. Тихонова, А. С. Сурякова; на Тепловской суконной фабрике (свыше 600 человек) — из трех членов: В. Д. Лебедева, И. Ф. Пономарева, П. Ф. Ермолаева[17]. На Симбирском патронном заводе, где трудилось свыше 1000 рабочих и служащих, контрольная комиссия была избрана на общем собрании 18 января 1918 г. в количестве 9 человек[18].

В состав комиссий, судя по профессиональной принадлежности их членов, входили представители каждого из наиболее важных в производственном отношении отделов и цехов предприятий. Так, на Гурьевской суконной фабрике (свыше 1700 человек) в состав контрольной комиссии вошли от ткачей — С. Трунов, от аппаратчиков — В. Слепцов, от механиков — Г. Королев, от мойки — Х. Манеев, от мелких отделов — А. Колгунов[19].

Примечательно, что в состав контрольных комиссий избирали, как правило, самых квалифицированных рабочих и служащих. На Игнатовской суконной фабрике в комиссию были направлены слесарь-машинист П. И. Аникин, валяльный мастер Ф. П. Ларин,

ткацкий подмастерье Г. Ф. Калачков, конторщик расчетного стола С. Ф. Милков[20]. Такой подбор кадров свидетельствовал о стремлении рабочих поставить под свой контроль главные стороны производства, а следовательно, подойти к осуществлению всеобъемлющего контроля за действиями владельца предприятия и его администрации и непосредственному вмешательству в самый процесс производства.

Созданные органы рабочего контроля приступили к широкой пропаганде принципов контроля, к разработке конкретных указаний по его организации, стремясь сделать их ясными и понятными не только каждому рабочему активисту, но и всей рабочей массе. В. И. Ленин писал, что учет и контроль «должны осуществляться сначала рабочими организациями, затем поголовно всем населением»[21].

Закрепление права осуществлять контроль над производством за рабочими организациями происходило путем разработки на основе декрета о рабочем контроле инструкций, конкретизировавших права и обязанности органов рабочего контроля на местах. Руководящим документом для активистов рабочего контроля на заводах и фабриках Средней Волги стала инструкция, разработанная Самарским Советом ФЗК. В ней указывалось, что контрольным комиссиям предоставляется право брать на учет и под контроль все имущество частнокапиталистических предприятий. Контрольные комиссии получили также право привлекать для работы по контролю представителей технического персонала, особенно для контроля за коммерческой и финансовой сторонами производства. Данная инструкция определила и организационные связи органов рабочего контроля: в частности, контрольная комиссия могла делиться на секции, ей вменялось в обязанность еженедельно письменно информировать о своей деятельности фабзавком, который со своей стороны дважды в месяц должен был отчитываться перед Советом рабочего контроля[22]. Таким образом, складывалась стройная система рабочего контроля. Это обеспечивало централизованное руководство делом контроля, подготавливало переход от рабочего контроля к рабочему управлению предприятиями.

В Симбирске и Пензе такую же работу местные СРК развернули несколько позже. В Симбирске на первой губернской рабочей конференции 29 марта 1918 г. был утвержден устав фабзавкомов, обязывавший их проводить рабочий контроль. В Пензе подобный устав фабзавкомов был принят губернской конференцией фабзавкомов 15 мая 1918 г. Затем Симбирский СРК издал инструкцию, в которой органам рабочего контроля на местах предписывалось взять на учет и под контроль все имущество предприятий[23].

Советы рабочего контроля не только разрабатывали инструкции,

но и посылали на места своих представителей, которые инструктировали активистов движения за контроль над производством. Рабочие стремились проводить контроль в жизнь, но зачастую не представляли как это делать. Самарский Совет ФЗК в обращении к фабзавкомам отмечал, что «за последнее время в Совет ФЗК поступает масса заявлений от рабочих комитетов о посылке представителей для инструктирования рабочих комитетов и контрольных комиссий». По мере развития контроля вширь и вглубь увеличивалась потребность в квалифицированном инструктаже. Посылка на места инструкторов становилась регулярной. Совет ФЗК начал приглашать для этого специалистов, услуги которых приходилось оплачивать. В связи с этим с 1 января 1918 г. были увеличены до 50 копеек в месяц отчисления «с предпринимателей за каждого работающего в предприятии» на возмещение расходов Совета ФЗК по осуществлению рабочего контроля[24].

Губернские Советы народного контроля действовали в тесном контакте с профсоюзами и другими организациями. Симбирский СРК «делегировал во все уезды на предприятия своих членов» для организации контрольных комиссий при профсоюзах, инструктирования рабочих и разрешения конфликтов между владельцами и рабочими[25].

Правление Поволжского профсоюза текстильщиков систематически направляло своих членов и специальных инструкторов на суконные фабрики с целью обмена опытом и оказания помощи в организации рабочего контроля[26].

В первые месяцы 1918 г. система рабочего контроля на Средней Волге непрерывно совершенствовалась: уточнялась ее организационная схема, более четко определялся круг вопросов, подлежащих контролю, расширялось выдвижение передовых рабочих в органы рабочего контроля. Примечательно то, что рабочие на фабриках и заводах, исходя из своего революционного опыта, сами решительно и смело определяли права и обязанности органов рабочего контроля.

В. И. Ленин придавал большое значение развитию инициативы рабочих масс. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности. Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[27].

Выработка инструкций стала одним из ярких проявлений творчества масс. В начале декабря 1917 г. рабочие и служащие торгово-промышленных предприятий Средне-Волжского союза кооперативов, избрав на общем собрании контрольную комиссию «из

лиц, стоящих за власть Советов», одновременно поручили ей выработку «необходимой инструкции». Вскоре задание было выполнено, и комиссия приступила к работе, руководствуясь своей инструкцией[28]. Контрольные комиссии вырабатывали инструкции и для решения отдельных задач контроля. Например, комиссия мельницы Башкирова (Самара) «выработала инструкцию по охране предприятия». 26 января 1918 г. фабзавком утвердил ее[29].

Факты выработки самими рабочими нормативных документов свидетельствуют о поисках ими новых методов руководства предприятиями, о стремлении определить юридические нормы деятельности органов рабочего контроля. Так, на Екатериновской суконной фабрике инструкция, выработанная общим собранием 9 декабря 1917 г., нацеливала рабочих на проведение всеобъемлющего распорядительного контроля: она обязывала контрольную комиссию вести строгий учет всех производственных материалов, готовой продукции и продовольствия, а контору — уведомлять комиссию «обо всех прибывающих продуктах»[30]. Судя по инструкции, органами рабочего контроля на фабрике являлись общее собрание рабочих и служащих, фабричный комитет и контрольная комиссия, причем решение общего собрания было определяющим. Так, в инструкции говорилось, что на контрольную комиссию возложены «обязанности всего нашего рабочего народа и всего нашего общего собрания». Заведующий фабрикой обязан был выполнять требования контрольной комиссии, в случае же сопротивления его полагалось «немедленно арестовать»[31].

Правление Поволжского профсоюза текстильщиков поддерживало народное правотворчество, которое закрепляло успехи борьбы за рабочий контроль. На своих заседаниях 10 и 11 января 1918 г. оно одобрило, например, инструкцию екатериновских рабочих, но внесло поправку в пункт об аресте заведующего фабрикой: для этого нужно было получить согласие двух третей общефабричного собрания и утверждение правления профсоюза[32].

Весной 1918 г. процесс складывания системы рабочего контроля в Среднем Поволжье в основном завершился на губернском уровне и в низовых звеньях на крупных и средних предприятиях в ведущих отраслях промышленности — металлообрабатывающей и суконной. В то же время на средних и мелких предприятиях ряда отраслей промышленности Средней Волги процесс образования органов рабочего контроля продолжался. Если с октября 1917 по март 1918 г. фабзавкомы были созданы на 149 предприятиях (что составляло 27% к числу предприятий, имевших их к осени 1918 г.), то после марта 1918 г. — на 275 предприятиях (50%), а специальные органы рабочего контроля с октября 1917 по март 1918 г. создаются

на 50 предприятиях (или 29,9% к числу предприятий, имевших их к осени 1918 г.), после марта 1918 г. — на 97 (58,1%)[33].

Хотя темпы складывания системы рабочего контроля в Среднем Поволжье после победы Октября ускорились, но все же развитие ее не достигло уровня индустриальных районов страны: к осени 1918 г. из восьми экономических районов Европейской России Средняя Волга заняла пятое место по числу предприятий с фабзавкомами (551 предприятие, или 36,6% к числу всех предприятий района) и шестое место по числу предприятий со специальными органами рабочего контроля (167 предприятий, или 12,9%)[34].

Упрочение рабочего контроля в ведущих отраслях промышленности Средней Волги положительно сказывалось на политической активности рабочих и служащих всех промышленных предприятий. Не случайно поэтому на многих средних и мелких предприятиях, не имевших фабзавкомов или контрольных комиссий, необходимые функции рабочего контроля тем не менее выполнялись массами рабочих и служащих посредством своих общих собраний.

Таким образом, уже весной 1918 г. в Среднем Поволжье была в основном создана система рабочего контроля, обладавшая функциональным и организационным единством, с помощью которой Советская власть могла решить экономические и политические задачи социалистической революции, в особенности добиться установления всеобъемлющего распорядительного контроля над отдельными предприятиями и целыми отраслями промышленности, подготовить их к национализации.

[1] Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов. 1917—1920 гг. М., 1954, с. 74—76.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 63.

[3] В Среднем Поволжье фабзавкомы на крупных предприятиях возникли в марте—мае 1917 г., профсоюзы — в марте—июне, губернские центральные советы (бюро) профсоюзов: в Самаре — 22 марта, в Пензе — 11 августа, в Симбирске — 21 ноября.

[4] Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО), ф. 328, оп. 2, д. 44, л. 251.

[5] Приволжская правда. Самара, 1917, 16, и 19 ноября.

[6] Приволжская правда, 1917, 19 ноября.

[7] Солдат, рабочий и крестьянин, Самара, 1918, 24 января.

[8] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 249, оп. 1, д. 47, л. 52.

[9] ГАКО, ф. 328, оп. 2, д. 37, л. 473.

[10] Блюменталь И. И. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий), т. 1, Самара, 1927, с. 342.

[11] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д. 23, л. 1; д. 30, л. 198; д. 47, л. 52.

[12] Там же, д. 57, л. 1; д. 30, л. 198.

[13] ГАКО, ф. 902, оп. 2, д. 12, л. 12.

[14] ГАУО, ф. 249, оп. 1, д.49, л. 9.

[15] Там же, д. 4, л. 8.

[16] Там же, д. 57, л. 1.
[17] ГАУО, ф. 97, оп. 1, д. 2, л. 54 об.; ф. 249, оп. 1, д. 5, л. 3; д. 47, л. 52.
[18] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 49, л. 4.
[19] ГАУО, ф. 247, оп. 1, д. 6, л. 20.
[20] Там же, д. 2, л. 8.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 75.
[22] ГАКО, ф. 328, оп. 2, д. 37, л. 513.
[23] Первая Симбирская губернская рабочая конференция. Симбирск, с. 27; Краеведческие записки, вып. 1., Пенза, 1963, с. 199—201.
[24] Солдат, рабочий и крестьянин, 1918, 12 января.
[25] ГАУО, ф. 103, оп. 1, д. 21, л. 201.
[26] СМ: ГАУО, ф. 249, оп.1, д. 46, л. 3; д. 8, л. 32; д. 24, л. 187.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.
[28] Солдат, рабочий и крестьянин, 1917, 19 декабря.
[29] ГАКО, ф. 411, оп. 1, д. 5, л. 17.
[30] ГАУО, ф. 97, оп. 1, д. 2, л. 66.
[31] Там же, л. 67.
[32] ГАУО, ф. 97, оп. 1, д. 7, л. 1.
[33] Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М. 1966, с. 54, табл. 7.
[34] Там же, с. 49, табл. 3.

В. Г. Винокуров

Тыловые лечебные учреждения Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны

Огромный вклад в дело победы советского народа над фашистской Германией внесли медицинские работники фронта и тыла. Благодаря их мужеству, отваге и героизму была оказана медицинская помощь небывалому числу раненых и больных. Возвратились в строй 73,3 % солдат и офицеров.

В первые же дни Великой Отечественной войны перед медицинскими работниками встали чрезвычайно сложные задачи по организации лечения раненых и больных воинов Красной Армии. В выполнении этой ответственной работы большую роль сыграла широкая сеть эвакогоспиталей, созданных в тыловых районах страны. Они действовали и в Ульяновской области.

Развертывание эвакогоспиталей в Ульяновске началось с 25 июня 1941 г. Сначала было организовано четыре таких учреждения.

Под эвакогоспитали отводились лучшие здания. В основном это были здания средних школ — в них разместилось три госпиталя; четвертый занял помещение общежития педагогического института. Во всех зданиях был выполнен очень большой объем сантехнических работ, проложена дополнительная водопроводная сеть холодного и горячего водоснабжения.

Подготовка зданий и размещение в них эвакогоспиталей в условиях военного времени были связаны с большими трудностями. Сроки устанавливались предельно сжатые. Необходимо было выполнить большой объем вспомогательных работ по окраске окон, дверей, мытью полов, расстановке кроватей, специального оборудования.

Местные партийные и советские органы призвали женщин и общественные организации, комсомол включиться в благородное дело заботы о раненых бойцах, защитниках Родины. Этот призыв нашел широкий отклик. На помощь пришли домохозяйки города, жены военнослужащих, железнодорожников (жили они тогда в «Губзу»— сейчас здание фармучилища), студенты. Все принимали активное участие в подготовке эвакогоспиталей к приему раненых, затем в уходе за ними, в культурно-массовом и бытовом обслуживании[1]. Создавался уют в палатах. Для раненых приносили ковры, цветы, занавеси и другие вещи.

В первый год Великой Отечественной войны местные эвакогоспи-

тали имели общехирургический профиль и работали с максимальной нагрузкой, принимая раненых на седьмой—двадцатый день после ранения. В период битвы за Сталинград они работали как эвакогоспитали ближайшего тыла. Ульяновск был в то время одним из перевалочных пунктов на пути эвакуации раненых с берегов Волги в глубь страны на восток. Раненые поступали непосредственно с передовых позиций с карточкой передового района и получали необходимую обработку. Большинство ран было тяжело инфицировано, преимущественно без надлежащей иммобилизации или в совершенно деформированных гипсовых повязках. В этот период раненые находились в эвакогоспиталях Ульяновска от двух до десяти дней.

Получив необходимую хирургическую обработку, иммобилизацию, раненые отправлялись в глубокий тыл. Задерживались только те, кому эвакуация была противопоказана вследствие тяжести ранений, а также легкораненые. Последние быстро возвращались в строй.

По трое суток не выходили из операционных хирурги. Врачи работали почти без передышки. Мужество раненых было непередаваемо. Оперировали зачастую, из-за отсутствия электрического освещения, при свете коптилок, бинты стирали песком и глиной[2].

С началом победоносного наступления нашей армии и откатыванием фронта все дальше ульяновские эвакогоспитали стали глубоко тыловыми, и движение раненых прекратилось. Процент эвакуации резко упал, а впоследствии совсем прекратился.

Лечебная работа в эвакогоспиталях строилась по принципу применения всего комплекса лечебных мероприятий с использованием всех известных в то время новейших и наиболее эффективных средств — таких, как сульфаниламидные препараты, новейшие антибиотики (пенициллин, грамицидин) и др.

Все госпитали были полностью обеспечены медикаментами, медицинскими инструментами, перевязочными материалами, специальной аппаратурой.

Большая потребность в перевязочном материале во время войны поставила задачу наиболее экономного его расходования. Эвакогоспитали Ульяновской области с целью экономии ваты пользовались сосновыми и еловыми опилками, предложенными во время Великой Отечественной войны главным хирургом эвакогоспиталей Саратовской области профессором С. Р. Миротворцевым. Опилки подсушивали, просеивали через металлические сита и помещали в мешочки, стерилизовали и накладывали на раны[3]. По своим гигроскопическим и антисептическим свойствам опилки превосходили марлю. С этими же целями использовали мох. Применение древесных опилок, карпина (старый полотняный материал, расщепленный булавкой) как заменителей перевязочного материала позволили сэкономить сотни

тонн ваты. Опыт профессора Миротворцева был описан на Первом пленуме госпитального совета при Наркомздраве СССР в Москве (май 1942 г.) и распространен на все эвакогоспитали страны[4].

Первое сентября 1942 г. вошло в историю здравоохранения Ульяновска. В этот день начались занятия в медицинском институте, эвакуированном в Ульяновск из Воронежа. Сразу жизнь медицинских учреждений пошла по новому пути. Увеличилось количество студентов. Межрайонная больница (ныне областная больница № 1) была реорганизована в клиническую[5]. Количество коек в ней увеличилось вдвое — до 415[6]. Во главе каждого отделения встали профессора. Клиническими стали и некоторые эвакогоспитали.

Когда эвакуация раненых прекратилась, работа эвакогоспиталей стабилизировалась. В зимний период, в связи с трудными условиями фронтовой обстановки, значительно возрос поток терапевтических больных, поэтому были организованы терапевтические отделения в крупных эвакогоспиталях. Начался период придания эвакогоспиталям определенного профиля. За четыре года войны через эвакогоспитали Ульяновской области прошло 4483 терапевтических больных.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 19 января 1943 года была образована Ульяновская область. Открылись более широкие возможности для дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства, для усиления помощи фронту и ускорения окончательной победы над врагом. Партийное и советское руководство стало ближе к массам.

С образованием Ульяновской области в нее было передано Куйбышевским облздравотделом двенадцать эвакогоспиталей системы НКЗ с количеством развернутых штатных коек — 3 900 и дополнительно к ним — 1 100. На 1 июля 1943 года было занято 2652 койки[7].

Результаты лечения были высокими. Например, в специализированном эвакогоспитале глазного профиля (начальник Коновалова) исключительно большая работа проводилась профессором Е. А. Хургиной и доктором медицины Г. П. Суровым. Группа инженеров одного из заводов во главе с инженером И. С. Мазо изготовила мощный электромагнит для удаления внутриглазных инородных тел. Сотням раненых здесь было возвращено зрение[8].

Эвакогоспитали Ульяновска (их было в 1942 году шесть)[9] давали лучшие показатели в лечебной работе по сравнению с другими местными госпиталями. До 80-ти (а в некоторых госпиталях до 92-х) процентов раненых, лечившихся в Ульяновске, возвращалось на фронт. Это являлось особой заслугой медицинской службы области.

В Мелекессе действовало два эвакогоспиталя без точного разграничения профиля. В каждом из них имелось около 300 хирургических коек, остальные были заняты другими категориями больных.

Третий небольшой эвакогоспиталь в Мелекессе на 200 общехирургических коек был расформирован в 1944 году.

Эвакогоспитали, расположенные в г. Инзе, с. Сосновке, Измайлове и Канадее, имели каждый по 250 коек и работали в трудных условиях из-за отдаленности от станций железной дороги. Кроме того, они часто испытывали затруднения в снабжении водой и электроэнергией. Это накладывало отпечаток на всю их хирургическую работу.

При эвакогоспиталях имелись подсобные хозяйства, в которых насчитывалось 132 лошади, полученных по нарядам из Богдашкинского района. Засевалось 312 га земли. Над каждым эвакогоспиталем шефствовали коллективы промышленных предприятий, колхозы и совхозы.

Переливание крови во всех эвакогоспиталях занимало большое место. За годы войны в некоторых эвакогоспиталях было сделано от 1 200 до 2 070 переливаний. Донорами являлись и многие работники эвакогоспиталей. Обычно переливалось до 200 куб. см крови на одну трансфузию.

Широко применялось лечение открытых ран солнечными лучами. Были оборудованы специальные аэросолярии. Особенно часто использовали этот метод в тех эвакогоспиталях, на территории которых имелись скверы, садики (например, эвакогоспиталь, расположенный в Ульяновске по ул. К. Либкнехта, около «колючего садика»— бывшая 1-я железнодорожная школа).

Лечебная физкультура была неотъемлемой частью хирургии. Она широко внедрялась в эвакогоспиталях, стала важным звеном в цепи всех лечебных мероприятий. Ведущие хирурги эвакогоспиталей руководили не только собственно хирургической работой, но и лечебной физкультурой. Для каждого эвакогоспиталя стало обязательным иметь наряду с операционной кабинет лечебной физкультуры.

Во всех эвакогоспиталях широко применялось торфо-, глино-, парафино- и водолечение. Внедрение парафинолечения значительно снизило процент контрактур. После применения парафинотерапии в сочетании с лечебной физкультурой в часть выписывались с удовлетворительным исходом почти все раненые. Особенно эффективным зарекомендовало себя торфолечение.

Во всех эвакогоспиталях широко применялись лечебное питание и витаминотерапия. Практиковалась выдача печеного картофеля. Раненые получали витамин С в виде настоев плодов шиповника и хвои сосны. Галеновая лаборатория Ульяновского аптекоуправления выпускала жидкий витамин С и снабжала им эвакогоспитали. В 1945 году было получено 26 тонн витаминного напитка[10].

На местном мясокомбинате был освоен выпуск для эвакогоспиталей гематогена.

Учитывая большие потребности эвакогоспиталей и лечебных учреждений в предметах по уходу за ранеными и больными, Ульяновское областное аптекоуправление организовало их выпуск. Только за 1944 год было изготовлено свыше 11 тысяч различных предметов по уходу за ранеными (костыли подмышечные, судна подкладные, мочеприемники, кружки Эсмарха, стетоскопы, тазики почкообразные и др.). В результате вопрос снабжения этими предметами местных эвакогоспиталей и лечебных учреждений был решен полностью[11]. Часть этих предметов отправлялась по нарядам в другие области.

За годы Великой Отечественной войны через эвакогоспитали Ульяновской области прошло около 130 тысяч раненых и больных воинов Красной Армии. В большинстве случаев это были тяжелораненые, с ранениями нижних конечностей, грудной клетки, с огнестрельными повреждениями тазобедренных суставов и гнойными кокситами. Большинство из них было в тяжелом септическом состоянии. Им оказывалась срочная помощь по каждому профилю ранений и заболеваний.

В годы войны возглавляла и координировала работу эвакогоспиталей врач-коммунист Анна Ивановна Щербакова. Перед ней, совсем молодым лейтенантом медицинской службы, отчитывались начальники эвакогоспиталей. Сейчас Анне Ивановне 83 года. Заслуженный врач РСФСР, персональный пенсионер республиканского значения, она до сих пор готова спешить на помощь нуждающимся. У нее щедрое сердце и прекрасная память. Всем тем, что помнит и знает, она без устали делится с людьми[12].

После победоносного окончания Великой Отечественной войны Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяли инвалидам и участникам войны. На базе бывших эвакогоспиталей были открыты госпитали инвалидов войны.

С течением времени потребность в существовании госпиталей снижалась, и они начали постепенно свертываться. Например, госпиталь на 200 коек, располагавшийся по ул. К. Либкнехта, был расформирован в июне 1946 года. Его помещение было передано сельхозинституту[13]. Госпиталь, находившийся по ул. Радищева, 107, был закрыт в декабре 1946 года. Его здания были переданы городскому отделу народного образования и облздравотделу. Канадейский госпиталь расформирован в марте 1946 года.

В настоящее время в Ульяновске функционирует один госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны (ул. Кузнецова). Органы здравоохранения, местные партийные и советские организации

проявляют повседневную заботу о находящихся на лечении ветеранах.

[1] Игнатьева Н. Не забыть мне этих женщин. — Ульяновская правда, 1985, 2 августа.

[2] Смирнова Т. День памяти.— Ульяновская правда, 1986, 29 апреля.

[3] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 2302, оп. 4, ед. хр. 1, л. 74.

[4] Миротворцев С. Р. Страницы жизни. Медиздат, М., 1956, с. 156.

[5] ГАУО, ф. 1189, оп. 5, ед. хр. 7, л. 1.

[6] Сборник научных работ врачей Ульяновской области, Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1967, с. 9.

[7] Ульяновская область в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Саратов, 1974, с. 239.

[8] Сборник научных работ, с. 46.

[9] ГАУО. Ф. 1189, оп. 5, ед. хр. 7, л. 1.

[10] Винокуров Г. А. Заготовка и использование лекарственных растений в годы Великой Отечественной войны. — Здравоохранение РСФСР, 1985, № 4, с. 8.

[11] Винокуров Г. А. Аптечная служба в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ульяновской, Куйбышевской, Саратовской областей и Татарской АССР). — Здравоохранение РСФСР, 1975, № 5, с. 15.

[12] См.: Ульяновская правда, 1986, 29 апреля.

[13] На этом здании установлена мемориальная доска.

Г. М. Буров
доктор исторических наук

Неолитическая стоянка Лебяжье II близ Димитровграда

Неолит Ульяновского Поволжья характеризуется тремя представительными поселениями: Луговое III, Лебяжье I и II. Все они уже известны в научной литературе и нашли отражение в обобщающих работах[1], но очень интересные и во многом оригинальные материалы последнего памятника до сих пор не опубликованы. Предлагаемая заметка призвана восполнить этот пробел.

Стоянка Лебяжье II стала известна в 1973 г., после обмеления Черемшанского залива Куйбышевского водохранилища, когда местными жителями в 7 км. к западу от с. Лебяжье Мелекесского района возле затопленного Переселенческого участка II, были собраны джучидские монеты (Лебяжский клад), кремень и керамика каменного века, поступившие в Ульяновский областной краеведческий музей. В том же году это место по поручению музея было обследовано мною. Оно находилось в долине р. Б. Черемшан, на широком песчаном мысе поймы, который омывался двумя подковообразными старицами и возвышался над их уровнем на 3 м. Здесь, на участке поперечником 40 м. были распространены артефакты, оставшиеся от разрушенного культурного слоя. Немного подъемного материала (22 кремня) собрано и в 400 м к юго-западу, на южном берегу одного из указанных озер.

Специфика памятника состоит в широком применении мягких пород камня и кварцита, нередко заменявшего кремень, дефицит которого явно испытывало неолитическое население Ульяновского Поволжья; в обилии призматических пластин и керамики. Всего собрано 314 каменных предметов (60 — мягкая порода), в том числе 23 нуклеуса для снятия пластин (включая обломки), 137 пластин, часть которых обработана вторично, 77 отщепов, 31 осколок, 7 мелких кремней, 13 отщепов с участками краевой ретуши, 2 сломанных ножа или наконечника дротиков из отщепов (рис. 1, *27*), нож, наконечник стрелы, 11 скребков, резчик из осколка (рис. 1, *19*), ретушер, 9 рубящих орудий из мягкой породы (включая сломанные и незаконченные).

Нуклеусы — мелких размеров и в основном с неправильными гранями. Только три из них (рис.1, *1, 2, 10*), в частности конусовидный экземпляр (рис. 1, *2*), относятся к числу микролитических. Собрались почти исключительно неудавшиеся нуклеусы, а полученные из

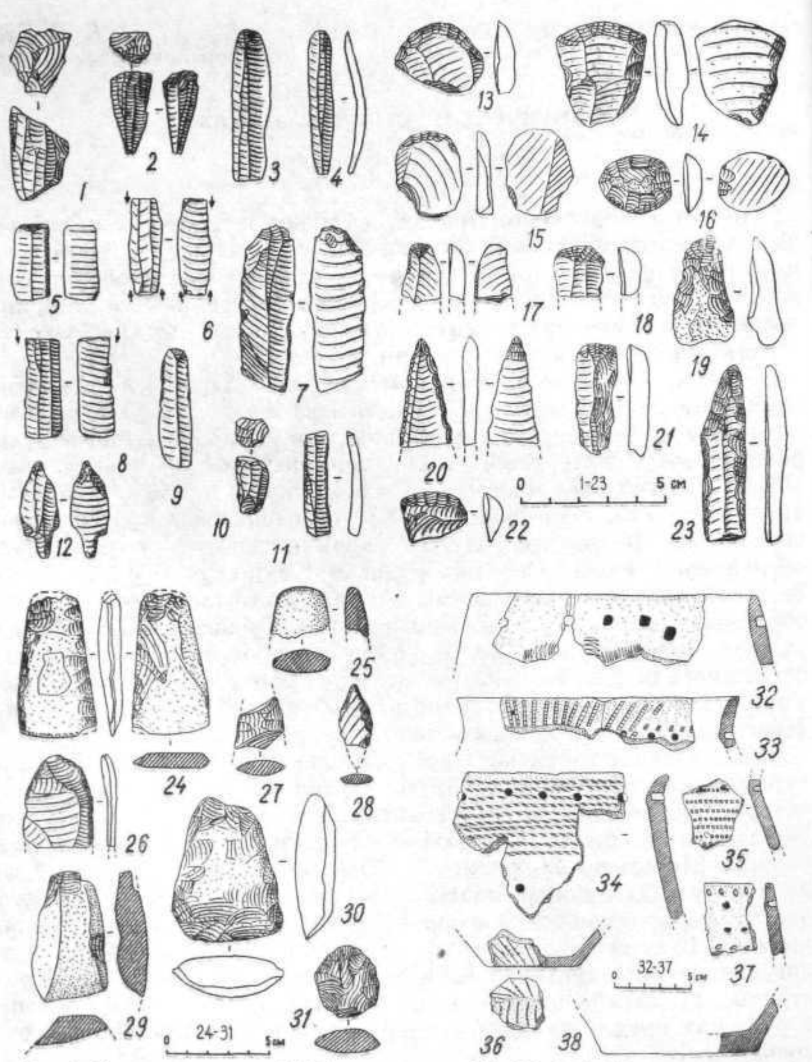

Рис. 1. **Каменные орудия (1-31) и керамика (31-38).** 1, 2, 10 — нуклеусы для снятия пластин; 3, 4 — пластины без вторичной обработки; 5, 7, 9, 11 — пластины с ретушью; 6, 8 — резцы; 12, 28 — наконечники стрел; 13—18, 21, 22 — скребки; 19, 23 — резчики; 20 — сверло или проколка; 24, 25, 29, 30 — рубящие орудия; 26 — нож; 27 — фрагмент изделия с плоской ретушью; 31 — ретушер. 5, 28 — кварцит; 24, 25, 29, 30 — мягкая порода; остальные каменные предметы — из кремня.

доброкачественного сырья были расщеплены, как правило, полностью.

Пластины (рис. 1, *3, 4*) составляют 58% общего количества пластин и отщепов (включая орудия из тех и других, но не учитывая мелкие отщепы и чешуйки). Однако огранены пластины хуже, чем на соседней стоянке Лебяжье I, и отличаются в целом более крупными размерами: изделия шириной 1,0—1,5 см резко преобладают над пластинками шириной 0,5—1,0 см, и довольно много более крупных. 17 пластин изготовлены из кремневой корки. Среди орудий из пластин — 21 вкладыш или нож с краем, притупленным ретушью (рис. 1, *7, 9, 11*); кварцитовое сечение с ретушью на конце (рис. 1, *5*); 6 концевых скребков (рис. 1, *17, 18, 21*); резчик (рис. 1, *23*), проколка или сверло (рис. 1, *20*); 5 угловых резцов (рис. 1, *6, 8*) и свидероидный наконечник стрелы с краевой, преимущественно вентральной, ретушью (рис. 1, *12*).

Большинство скребков на отщепах (7) относится к типу с сильно выпуклым рабочим краем (рис. 1, *13, 15, 16*); из них один — миндалевидной формы с краями, полностью обработанными ретушью (рис. 1, *16*). Остальные четыре орудия имеют слабо выпуклую кромку (рис. 1, *14*). Поперечник — 2,2—2,9 см. Нож (рис. 1, *26*) представляет собой удлиненный отщеп с краевой ретушью почти по всему периметру. Ретушер (рис. 1, *31*) — овальной формы, с двусторонней плоской ретушью. Наконечник стрелы — кварцитовый, лавролистный (рис. 1, *28*).

Из рубящих орудий целы два тесла, из которых одно принадлежит к распространенным в Среднем Поволжье инструментам трапециевидной формы, с желобчатым рабочим краем, отшлифованным особенно тщательно со стороны спинки (рис. 1, *30*). Второе тесло, тоже в форме вытянутой трапеции и также шлифованное, имеет плоский, очень острый рабочий край (рис. 1, *24*). Третье шлифованное тесло подвергалось, по-видимому, обновлению после поломки, но лезвие получилось скошенным, и работа не была завершена. Из остальных орудий от трех сохранились только фрагменты; четвертое, мелкое, было частично отшлифовано (а у прочих, более крупных, очевидно, обрабатывалась вся поверхность); пятое тесло (рис. 1, *25*) имело линзовидное сечение, шестое (рис. 1, *29*) было граненым.

В Лебяжьем II собрано 160 обломков посуды из глины с примесью шамота, со стенками средней толщины, обычно хорошо сглаженными или лощеными, но без штриховки на поверхности. Наряду с круглыми (рис. *2, 9*), отмечены два плоских днища без закраин (рис. 1, *36, 38*), из которых одно орнаментировано (рис. 1, *36*). По венчикам выделены 15 сосудов, а всего — 94. У двух их них торец плоский, но венчик кверху утончается (рис. 1, *37*; 2, *8*), а у остальных венчики заострены, причем в шести случаях так, что скос образован только

с внутренней стороны (рис. 1, *32, 33*). Четыре сосуда — с отогнутым венчиком (рис. 1, *33, 34*; 2, *4*), два снабжены воротничком (рис. 2, *3, 6*), а один представляет собой чашу (рис. 2, 7).

Распространенным орнаментальным мотивом служат крупные, почти конические ямки, расположенные зонами в один, реже в два (рис. *1,37; 2,4, 10, 18*) ряда. Под венчиком они прослежены во всех случаях, на тулове (рис. *1,34; 2, 11, 12, 17, 18*) — в 43. Однако господствуют мотивы гребенчатого орнамента, нанесенного штампом средней ширины с прямыми зубцами (33 случая) и косыми (17). Прямозубчатый орнамент 23 раза представлен горизонтальными рядами штрихов (рис. *1,33; 2,2, 15*). Встречены также (каждый мотив трижды): горизонтальные линии (рис. *1,35; 2, 3, 6*), горизонтальная же «шагающая гребенка» (рис. *2,7, 19*) и косые кресты (рис. *2,10*), дважды отмеченные на внутренней поверхности венчика (рис. *1,33*). Десятки фрагментов принадлежат, вероятно, одному сосуду с орнаментом в виде плетенки (рис. *2,1*).

Косозубчатый орнамент — это прежде всего горизонтальные ряды косых штрихов (девять случаев; рис *2, 5, 16, 17, 20*) и горизонтальные линии (четыре; рис. *2, 5, 13*). В двух случаях имеется узор типа плетенки (рис. *2, 12, 16*), в одном — широкий зигзаг с углами, которые заполнены углублениями (рис. *2,4*). Почти два десятка черепков происходят, по-видимому, от одного сосуда с двойными крестами (рис. *2,9*).

На двух сосудах (рис. *1,32; 2,14*) нанесен гладкий остроугольный зигзаг, переходящий на одном из них (рис. *1,32*) в «отступающую лопаточку». Группа черепков характеризует сосуд с простым веревочным узором — десятью горизонтальными линиями в верхней части (рис. *1,34*). Четырежды встречен ямчатый узор — небольшие поверхностные углубления, размещенные горизонтальными рядами (рис. *1,37; 2,18*). Отступающие же наколы известны только на одном сосуде; это — ряды косых линий (рис. *1,36*).

На одном и том же сосуде ямочный орнамент сочетается с гребенчатым, гладким, веревочным или ямчатым, которые обычно исключают друг друга как равнозначные. Отход от данного правила зафиксирован только один раз (рис. *2,4*). В большинстве случаев узоры покрывают всю поверхность, но встречаются сосуды с разреженным орнаментом (рис. *1, 32, 34; 2, 7, 8, 11, 13, 14, 18*) и даже, очевидно, без декора: на двух венчиках и пяти стенках отмечены только ямки (рис. *2,8, 11*), а один крупный фрагмент небольшого сосуда и 50 стенок лишены орнамента. Зато у двух сосудов встречены узоры изнутри.

Стоянка обнаруживает близость к памятникам обсерваторско-лебединского типа в Среднем Поволжье и связь с восточноуральской,

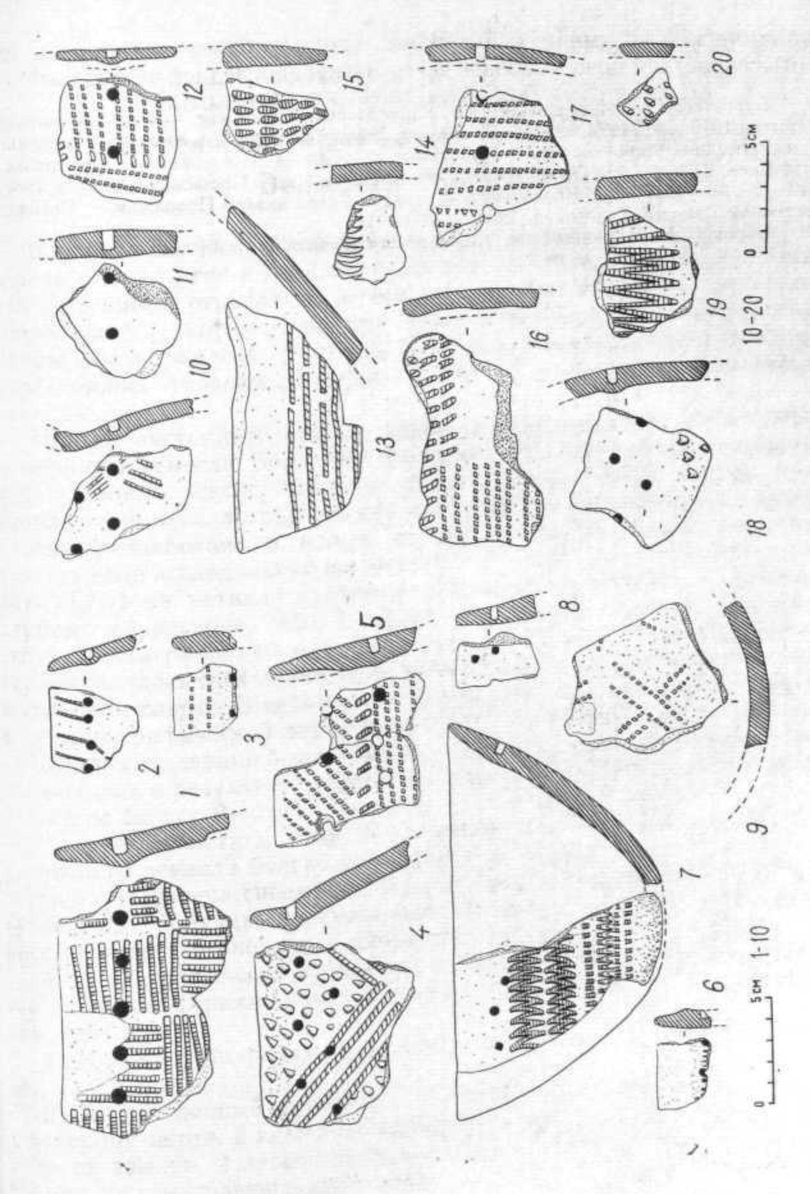

Рис. 2. **Керамика (1-20).**

балахнинской и ямной культурами, что позволяет датировать ее III тысячелетием до н. э., скорее всего его предпоследней четвертью[2].

[1] Буров Г. М. Исследования в Ульяновском Поволжье. — Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 134—135; Он же. Ранний неолит в Ульяновском Поволжье и на соседних территориях. — Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 7—9; Он же. Каменный век Ульяновского Поволжья. Саратов, 1980, с. 24—25, 36—79; Он же. Неолитические стоянки Ульяновского Поволжья. — Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980, с. 100—101.

[2] Буров Г. М. Каменный век Ульяновского Поволжья, с. 48—56.

Ю. А. Семыкин, Е. П. Казаков

Технология кузнечного производства на сельских памятниках домонгольской Волжской Болгарии

В основе хозяйственной деятельности волжских болгар лежали черная металлургия и металлообработка. Это было обусловлено тем, что ведущими отраслями экономики страны являлись пашенное земледелие и скотоводство при вспомогательной роли различных промыслов и ремесел. Развитие пашенного земледелия во многом определялось уровнем развития черной металлургии и кузнечного ремесла.

Целью настоящей статьи является рассмотрение технологии кузнечного ремесла Волжской Болгарии на памятниках сельского типа домонгольского периода. Для решения этой задачи был использован металлографический метод, применение которого в археологии разработано в нашей стране Б. А. Колчиным[1]. Микроструктурные исследования проводились в археологической лаборатории УГПИ на металлографическом микроскопе МИМ-7 и бинокулярном микроскопе МБС-9. Микротвердость различных микроструктур измерялась на микротвердомере ПМТ-3. Травление шлифов осуществлялось трех- и пятипроцентным растворами азотной кислоты в этиловом спирте. В целом методика не отличалась от применяемой в металлографической лаборатории ИА АН СССР.

Для исследования была отобрана коллекция железных предметов, полученных в результате сборов на памятниках Волжской Болгарии на левом берегу Волги в ТАССР в зоне водохранилища.

Следует отметить, что в направлении изучения технологии кузнечного ремесла болгар уже получены определенные результаты, частично выявлена специфика технологического арсенала городских кузнецов[2]. Продукция же кузнечного ремесла с сельских памятников рассматривается впервые в плане исследования ее технологии.

Металлографически изученная коллекция состоит из 64 предметов. По категориям инвентаря они распределились следующим образом:

1. Ножи хозяйственные и специального назначения (34 экз., табл. 2);

2. Хозяйственный инвентарь (1 рыболовный крючок, 1 гвоздь, 1 ведерная петля, 2 ключа от цилиндрических замков, 3 пружинных узла от замков, 2 детали от замков, 1 железная скоба, 1 пряжка, 1 крючок для подвешивания мяса, 1 гирька от весов, 1 ножницы, 1 пробойник и 1 звено цепи; табл. 3);

Табл. 1. Технология изготовления кузнечной продукции с памятников Волжской Болгарии домонгольского периода.

Памятники	Дата	Технология / Категории										
Мурзихинское с-ще.	X–XIII в.в.	ножи	3	2	6	1		2				6
У Измерское селище	2-я пол. X–1-я пол. XI в.в.	ножи		1			1	1		2	1	5
		наконечники стрел		2								
		пробойники						1				
		тесла								1		
		рыболовные крючки	1									
		гвозди			1							
		железные крюки		1								
		ведерные петли	1									
		ключи от замков		1								
		детали от замков		2								
I Старокуйбышевское с-ще	X–XIII в.в.	ножи	1						3	1		4
		наконечники копий		1								
		ножницы		1								
IV Старокуйбышевское с-ще.	XII – нач. XIII в.в.	ножи							2			
		пряжки	1									
Старокуйбышевское городище	XII – нач. XIII в.в.	конские удила			2							
Семеновское селище	2-я пол. X – 1-я пол. XI в.в.	ножи	2		1							
		пуансоны	1			1						
		наконечники стрел	2									
		топоры	1			1						
		надфели		2		1						1
		скобы										
		скобели							1			
		звенья от цепей			1							
		пробои	1									
		гирьки		1								
		пружины от замков	1			2						1
		ключи от замков		1								
Муромский городок	X–XIII в.в.	ножи			1				2			3
Всего:			15	16	10	6	1	4	8	4	1	20

Условные обозначения к таблицам 1, 2, 3:
▽ - железо; ▽ - сталь; ▽ - закалённая сталь.

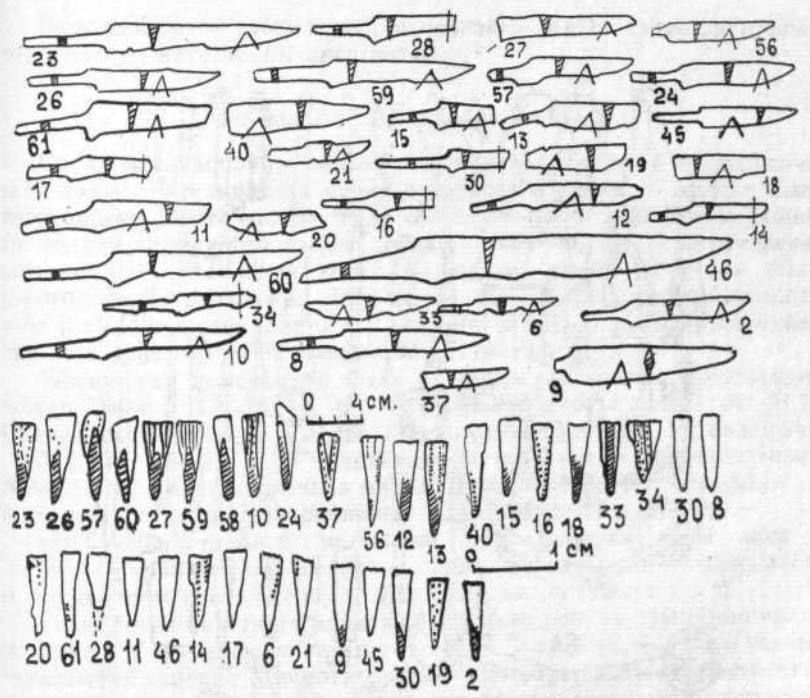

Табл. 2. Ножи с домонгольских памятников Волжской Болгарии и технологические схемы их изготовления.

наварка стальной пластины на железную основу.

3. Различный ремесленный инструментарий (1 кузнечно-слесарный пробойник, 1 пуансон, 1 скобель, 1 тесло, 1 надфель, 1 фрагмент топора; табл. 3);

4. Конское снаряжение (2 экземпляра конских удил; табл. 3);

5. Предметы вооружения (4 наконечника стрел и 1 наконечник копья; табл. 3).

Ограниченный объем статьи не позволяет останавливаться на типологической характеристике инвентаря, поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь технологии изготовления продукции.

Всего в результате анализов в пределах нашей коллекции было выявлено 8 технологических схем: 1) простое кричное железо и неравномерно науглероженная сталь; 2) цементные изделия; 3) цельностальные изделия; 4) пакетный металл; 5) трехслойный пакет; 6) вварка стальной лезы в железную основу; 7) боковая наварка стальной пластины на железную основу; 8) V-образная

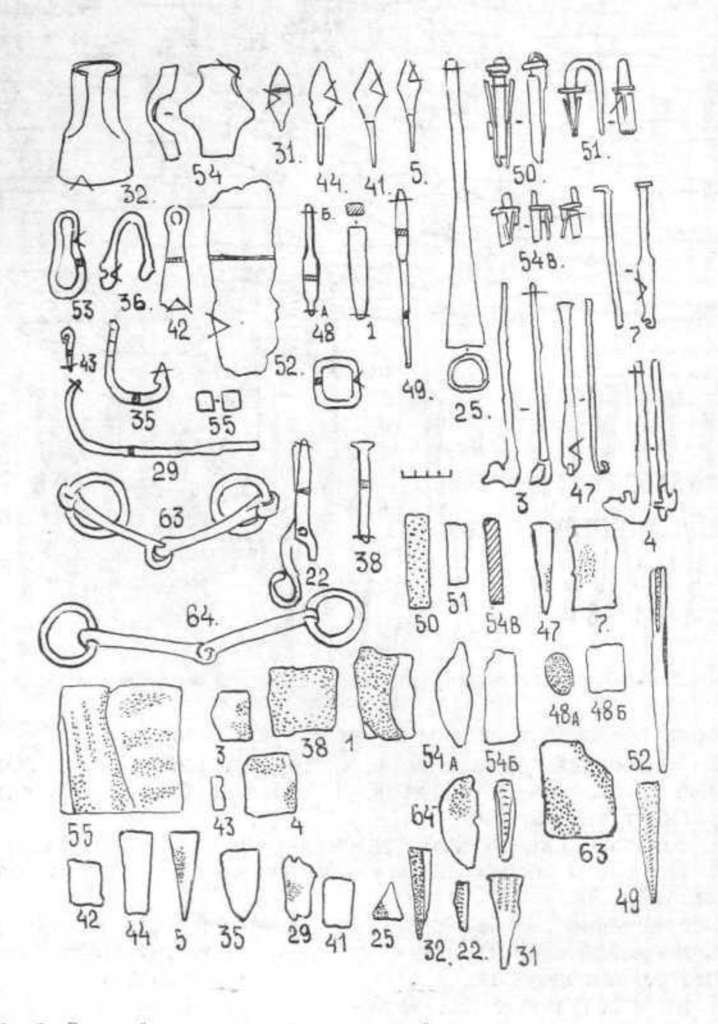

Табл. 3. Бытовой инвентарь, инструментарий, оружие, конское снаряжение с памятников домонгольской Волжской Болгарии и технологические схемы их изготовления.

Целесообразно рассмотреть выявленные технологические приемы отдельно по категориям предметов.

Технология изготовления ножей[3]

Среди исследованных ножей были выявлены все 8 технологических схем[4]. В технологии ковки из простого кричного железа было изготовлено шесть ножей: №№ 8, 11, 17 (Мурзихинское селище), № 28 (I Старокуйбышевское селище), №№ 45, 46 (I Семеновское селище). В технологии ковки из мягкой сырцовой стали были изготовлены три ножа: №№ 20 и 21 (Мурзихинское селище) и № 6 (V Измерское селище). Суммарно от общего количества ножей два этих вида простой технологии составляют 26,4 %.

Технология цементации была выявлена на восьми экземплярах ножей: №№ 9, 12, 13, 15, 16, 18 (Мурзихинское селище), № 40 (I Семеновское селище) и № 56 (Муромский городок). Из них ножи №№ 9, 12, 15, 18 и 56 сохранили на себе следы закалки. Ножи №№ 9 и 12 были закалены в мягкой закалочной среде, остальные — в резкой. Всего цементированных ножей оказалось 23,5 %.

Из цельностальной заготовки был откован один нож — № 19 (Мурзихинское селище). Нож закалке не подвергался. В процентном соотношении эта технология составила 2,9 %.

Технология пакетного металла была выявлена на одном экземпляре ножа с V Измерского селища — № 34. Нож был закален в резкой закалочной среде. Микротвердость мартенситовой микроструктуры = 946 кг/мм^2. В процентном отношении эта технология составила 2,9 %.

Технология пакетного металла была обнаружена на трех экземплярах ножей: № 33 (V Измерское селище), №№ 10 и 14 (Мурзихинское селище). Ножи №№ 10 и 14 были закалены в резкой закалочной среде, а нож № 33 — в мягкой. Микротвердость мартенситовой микроструктуры на ножах № 10 и 14 = 464—514—642 кг/мм^2. Микротвердость сорбита на ноже № 33 = 322—350 кг/мм^2.

Технология вварки стальной лезы в железную основу отмечена на пяти экземплярах ножей: №№ 23, 26, 27 (I Старокуйбышевское селище), и №№ 59,60 (V Старокуйбышевское селище). Ножи №№ 23, 26 и 27 были подвергнуты мягкой закалке. Микротвердость сорбита на них составляет 254—420 кг/мм^2. Ножи №№ 59 и 60 были закалены в холодной воде. Микротвердость мартенсита = 642—724 кг/мм^2.

Технология боковой наварки была обнаружена на четырех ножах: № 24 (I Старокуйбышевское селище), №№ 2 и 30 (V Измерское

селище) и № 61 (V Старокуйбышевское селище). Эта технология составляет 10,17 % от общего количества ножей. Все четыре ножа находятся в закаленном состоянии. Из них № 24 закален в мягкой среде, остальные — в резкой среде. Особенно высокая микротвердость встречена на ноже № 30 — 1290 кг/мм=.

Технология V-образной наварки была выявлена на одном экземпляре ножа — № 37 (V Измерское селище). Он был закален в резкой закалочной среде. Микротвердость мартенсита = 724 кг/мм^2.

Технология изготовления инструментария слесаря

Слесарно-кузнечный пробойник — № 1 (V Измерское селище). Микроструктурный анализ показал, что рабочая часть инструмента была изготовлена в технологии, близкой к технологии трехслойного пакета. В центре на рабочий край выведена стальная полоса, а по бокам наварены железные полосы. Микротвердость стальной перлитовой структуры = 350 кг/мм^2. Предположительно, рабочий край пробойника был подвергнут мягкой закалке.

Пуансон — № 48 (I Семеновское селище). Инструмент, очевидно, предназначался для выполнения чеканных работ по цветному металлу. Второй частью для этого инструмента являлась матрица с полушаровидными углублениями. Металлографическое исследование показало, что пуансон был изготовлен с учетом условий его эксплуатации. Его рабочая часть была стальной. Микротвердость сорбитовой микроструктуры здесь равна 350 кг/мм^2. Противоположная часть, которая, очевидно, служила рукояткой, была цельножелезной. Микротвердость феррита = 254 кг/мм^2.

Инструмент типа надфеля — № 49 (I Семеновское селище). По форме он близок современным надфелям. Рабочая часть надфеля была цельностальной и находилась в закаленном состоянии.

Технология изготовления деревообделочного инструментария

Скобель — № 52 (I Семеновское селище). Инструмент предназначался для обработки деревянных изделий. Рабочая часть скобеля была изготовлена в технологии кузнечной вварки стальной пластины в железную основу. Закалке изделие не подвергалось.

Тесло — № 32 (V Измерское селище). Микроструктурный анализ показал, что этот предмет был откован в технологии боковой наварки стальной пластины на железную основу орудия. Микротвердость феррито-перлитной стальной структуры составляет 193 кг/мм^2. Закалке лезвие тесла не подвергалось.

Фрагмент топора — № 54 (I Семеновское селище). Топор был

изготовлен из простого кричного железа. Повышенная крупнозернистость феррита явилась, очевидно, следствием пережога металла при ковке топора. Предположительно, этот дефект и явился причиной поломки топора в процессе его эксплуатации.

Технология изготовления хозяйственного инвентаря

Рыболовный крючок — № 35 (I Измерское селище). Крючок целиком был откован из кричного железа с микротвердостью 181 кг/мм^2.

Гвоздь — № 38 (V Измерское селище). Микроструктурный анализ шлифа гвоздя показал неоднородную структуру металла. Внутреннее поле шлифа было железным. По его краям наблюдается малоуглеродистая стальная незакаленная структура. Сварочный шов между различными структурами отсутствует. Возможно, гвоздь был процементирован.

Ведерная петля — № 36 (V Измерское селище). Петля целиком была откована из неравномерно науглероженной мягкой сырцовой стали. Продолжительная ковка при пониженной температуре привела к измельчению феррито-перлитной структуры с микротвердостью 274/383 кг/мм^2.

Целиком из кричного железа был откован железный пробойник от маленького железного ларчика — предмет № 43 (I Семеновское селище).

Из обихода торговли до нас дошла небольшая кубическая железная гирька — № 55 (I Семеновское селище). Она была изготовлена кузнечной сваркой из нескольких заготовок малоуглеродистой стали. Очевидно, использовался металлолом.

Ножницы — № 22 (I Старокуйбышевское селище). Аналитические данные свидетельствуют, что данный экземпляр ножниц был изготовлен в технологии локальной цементации лезвия. Микротвердость стальной перлитовой зоны составляет 383 кг/мм^2, а микротвердость железной основы = 274 кг/мм^2.

Поясная пряжка — № 62 (V Старокуйбышевское селище). Эта пряжка целиком была откована из кричного железа. Микротвердость феррита = 143—193 кг/мм^2.

Железный крюк, применявшийся, очевидно, для подвешивания мяса — № 29 (V Измерское селище). Микроструктурный анализ показал, что данный предмет был откован из мягкой сырцовой стали с микротвердостью 221—254 кг/мм^2.

Металлографически были проанализированы различные детали от болгарских пружинных замков: пружины от трех замков, две отдельные детали корпусов и два ключа к замкам.

Пружина — № 50 (I Семеновское селище) — оказалась цельностальной, в незакаленном состоянии. Другая пружина — № 51 (I Семеновское селище) — была целиком откована из кричного железа. Цельностальной была пружина № 54. Она подвергалась термической операции закалки.

Две детали от замков типа Е-стержни — №№ 3 и 4 (V Измерское селище) — откованы из малоуглеродистой сырцовой стали. Микротвердость железа на этих деталях составляет 170—181 кг/мм^2. Микротвердость железо-стальных участков = 221—254 кг/мм^2.

Ключи от замков — № 7 (V Измерское селище) и № 47 (I Семеновское селище) — ковались из мягкой сырцовой стали.

Звено от цепи — № 53 (I Семеновское селище) — было целиком отковано из кричного железа. Несомненно, что при его изготовлении применялась операция кузнечной сварки однородного металла. В процессе ковки поверхность звена подвергалась незначительному поверхностному науглероживанию. Об этом свидетельствует небольшой участок перлитовой структуры на краю шлифа.

К числу предметов быта относится, очевидно, и железная деталь в форме изогнутой плоской пластинки с отверстием в одном конце — № 42 (I Семеновское селище). Она была откована из малоуглеродистой сырцовой стали.

Технология изготовления конских удил была прослежена на примере двух экземпляров, подобранных на Старокуйбышевском городище — предметы №№ 63 и 64. Металлографические анализы показали, что оба экземпляра удил были изготовлены из заготовок малоуглеродистой сырцовой стали. Среди прочих кузнечных операций, безусловно, применялась кузнечная сварка однородного металла.

Технология изготовления предметов вооружения

Эта технология исследовалась на примере изготовления четырех наконечников стрел и одного наконечника копья.

Наконечники стрел №№ 5 и 31 (V Измерское селище) целиком были откованы из мягкой сырцовой стали, а наконечники №№ 41 и 44 (I Семеновское селище) были изготовлены из кричного железа.

Наконечник копья — № 25 (I Старокуйбышевское селище) был изготовлен из мягкой сырцовой стали с микротвердостью феррито-перлитной структуры 181—206 кг/мм^2.

Металлографические анализы данной коллекции позволяют сделать некоторые выводы об уровне развития кузнечного ремесла

в Волжской Болгарии домонгольского периода. Памятники, откуда происходят исследованные предметы, достаточно надежно датируются временем от X до середины XIII в.[5].

Анализ качества исходного сырья показал, что 46,5 % всех изделий были откованы из заготовок, изначально сильно засоренных шлаковыми и неметаллическими включениями. Около 30 % изделий были откованы из хорошо прокованного, чистого металла. Даже при изготовлении предметов с наварными стальными лезвиями основное тело изделия не всегда ковалось из чистого металла.

Основная масса изделий — 46,8 % — ковалась из железа и мягкой сырцовой стали. Кузнецы Волжской Болгарии умели получать как сырцовую неравномерно науглероженную, так и специально приготовленную средне- и высокоуглеродистую сталь. Вероятно, качественную сталь в незначительных количествах получали способом сквозной цементации полуфабрикатов-заготовок с целью дальнейшей наварки на высококачественные изделия. Кроме того, активно применялась технология цементации готовых изделий. Следы этой технологии сохранили 23,5 % изделий. В редких случаях встречаются цельностальные изделия — 7,75 %.

Из технологических схем наиболее стабильно встречается технология вварки стальной лезы в железную основу — 12,4 %. Реже встречается технология боковой наварки — 7,75 %. Еще реже отмечена технология трехслойного пакета — 6,2 %. В единичных случаях встречаются технологии пакетного металла и V-образной наварки стального лезвия — по 1,55 %. Совершенно отсутствует технология торцовой наварки.

Оценивая качество выполнения кузнечных операций, необходимо отметить высокий уровень проведения кузнечно-сварочных работ. 75 % сварочных работ выполнено на высоком уровне, 5 % — среднего качества и 20 % изделий несут следы кузнечной сварки невысокого качества.

По категориям инвентаря наиболее качественными изделиями были, во-первых, инструменты разных ремесел, во-вторых, более 50 % ножей. Основная же масса бытового и хозяйственного инвентаря ковалась из кричного железа и сырцовой малоуглеродистой стали.

Не всегда стабильно применялся прием термической закалки. Из 52 % изделий со стальной структурой только 35,65 % несут на себе признаки закалки. Закалка применялась как мягкая, так и резкая, однако большинство изделий закалено на мартенсит.

В целом аналитическое исследование кузнечной продукции позволяет оценивать уровень развития кузнечного ремесла домонгольской Волжской Болгарии как достаточно высокий для своего времени и примерно одинаковый с уровнем древнерусского кузнечного

ремесла. Но арсенал технологических приемов кузнецов Волжской Болгарии существенно отличался от Древней Руси. В частности, можно указать на редкое использование технологии трехслойного пакета в Волжской Болгарии и, наоборот, более частое применение вварки стальной лезы в железную основу. Причины такого своеобразия кузнечного ремесла Волжской Болгарии заключались, очевидно, в иных истоках формирования ремесленных традиций, что на материалах Муромского городка было отмечено М. М. Толмачевой[6].

[1] Смирнов А. П. Волжские булгары. Труды ГИМ, вып. XIX. М., 1951; Ефимова А. М. Черная металлургия города Болгара. МИА, 61. М., 1958; Королев А. В., Хлебникова Т. А. К вопросу о черной металлургии волжских болгар. МИА, 80. М., 1961; Толмачева М. М. Техника металлического производства у волжских болгар в X—XIII вв. по данным металлографии.— В сб.: Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1882.

[2] Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 32. М., 1953.

[3] Среди ножей данной коллекции рассматриваются результаты анализов трех ножей с памятника городского типа — Муромского городка.

[4] Номера предметов совпадают с номерами анализов.

[5] Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, с. 128, 131, 138; Хлебникова Т. А., Казакова Е. П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР.— В сб.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976, с. 119.

[6] Толмачева М. М. Указ соч., с. 63.

И. А. Замалетдинов

Археологическая паспортизация Ульяновска

Территория нынешнего Ульяновска «...была в различные времена заселена человеком, по крайней мере с эпохи мезолита»[1]. А. П. Смирнов, указав на найденные в четвертичных отложениях вблизи Ульяновска кости животных и человека из палеолита, а также на обнаруженную в пределах области более позднюю границу между южными (скотоводческо-земледельческими) и северными (охотничье-скотоводческими) племенами, констатировал: «Древняя история Среднего Поволжья, Ульяновской области слабо изучена»[2]. С тех пор интенсивность археологических исследований в пределах области значительно возросла, но обобщающих материалов все еще недостаточно для установления четкой исторической картины края. Не в лучшем положении с этой точки зрения находится и сам областной центр — Ульяновск.

Первыми публикациями с попыткой обратить внимание на проблемы археологии Симбирска и его окрестностей следует считать труды краеведа и археолога прошлого века К. И. Невоструева[3]. В своих изысканиях он опирался на известные или предоставленные ему находки и документальные свидетельства из архивов, многие из которых не дошли до нас, так как были уничтожены грандиозным симбирским пожаром 1864 года. Не находя поддержки своей инициативе, он с грустью писал: «Мы обращались за означенными сведениями со всеусерднейшею просьбою во имя науки и нашего Археологического общества, обстоятельно объяснив дело и изложив по пунктам, что именно нам желалось знать о том или другом городище, обращались к Губернским Статистическим Комитетам (не хотим поименовать их) и некоторым к ним соприкосновенным и сведущим лицам. В ответ нам было красноречивое молчание»[4].

Услышан он был немногими, в частности студентом С. М. Чугуновым, нашедшим в сентябре 1877 года (по старому стилю) 12 человеческих черепов на Старом Венце, а в следующее лето взявшимся за раскопки древних кладбищ Симбирска, который прямо указывает в своем «Отчете»[5], что предпринятое им является следствием публикаций Невоструева. На самом древнем из этих кладбищ, занимавшем полосу в 128 метров шириной где-то на прибрежной части нынешнего бульвара имени А. А. Пластова, им было исследовано 58 скелетов из мусульманских захоронений под

колодами. Но увлеченный сбором сравнительной антропологической статистики, Чугунов лишь вскользь описывает обстановку вскрытых могил, лишь словесно и оптом «привязывает» их к местности.

А обследованные им же христианские захоронения на месте старой церкви Смоленской богоматери он вообще описывает как находящиеся между избой рыбака и ошвартованной здесь «пристанью американских пароходов». Понятно, что плавучая пристань — не самое подходящее указание на местонахождение археологических объектов, долговременных как по своей природной сути, так и по характеру изучения.

Сохранению некоторых упоминаний об обстановке в Симбирске до 1848 года и вскоре после этого способствовали археологические труды А. Н. Зерцалова. Часть из них согласуется с информацией, содержащейся у других авторов. Так, описанные С. Чугуновым руины церквей в Подгорье представляются следствием описанного подполковником А. Свечиным симбирского оползня 1743 года, нанесшего значительные разрушения подгорному населению и сильно повредившего «две каменныя церкви»[6]. Могут еще сослужить археологическую и целеуказательную службу и опубликованные А. Н. Зерцаловым записи приходо-расходной книги Симбирской приказной избы 1665—1667 годов.

П. Л. Мартынов дал сводку археологических и подобных им объектов по волостям Симбирского уезда[8]. Однако приблизительность лишь словесного — без карт, планов, схем — описания затрудняет поиск перечисленных в ней объектов. Нет здесь и сведений о самом Симбирске.

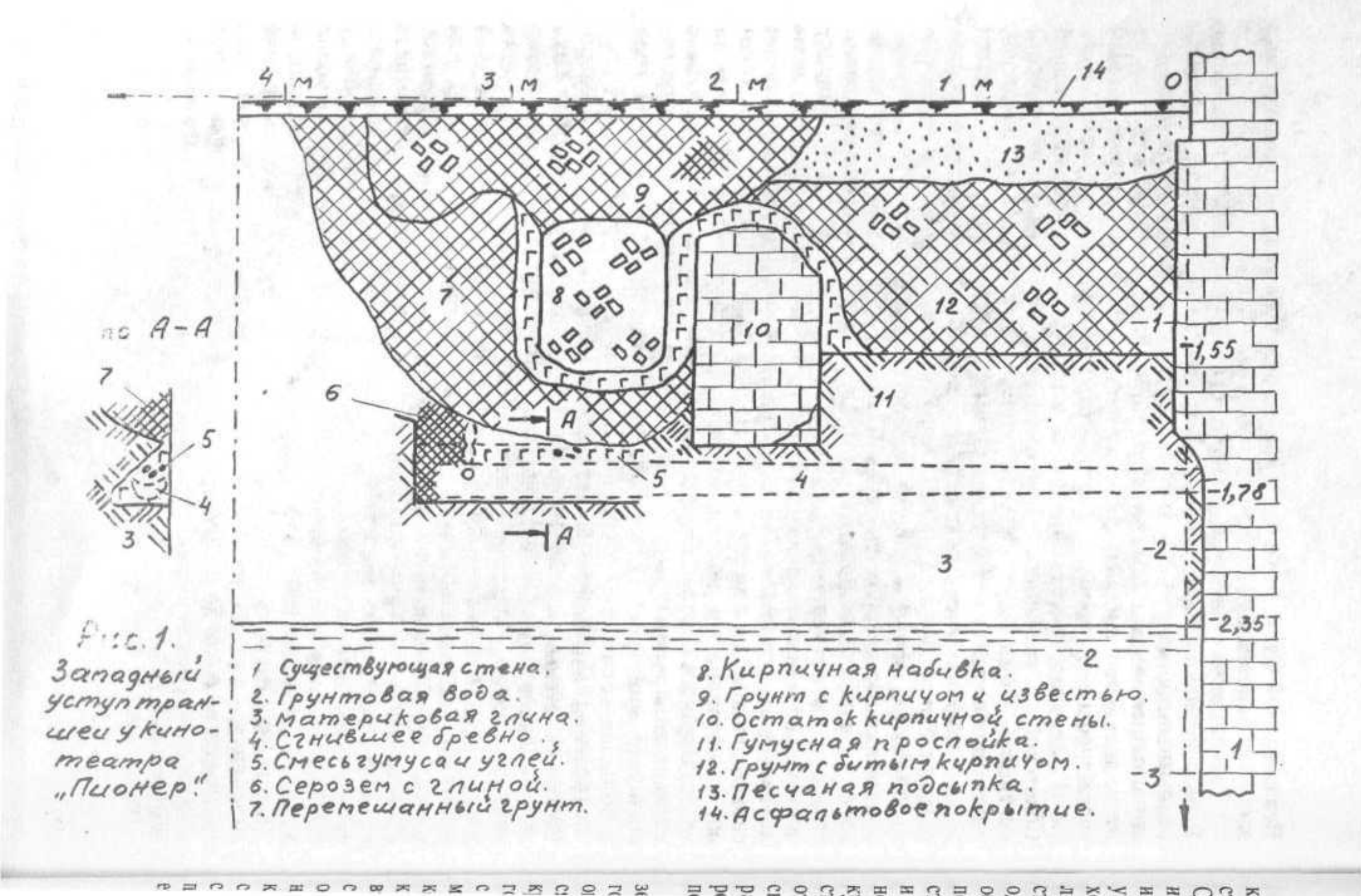
Этих недостатков избежал в своей работе В. Н. Поливанов, на самом рубеже прошлого и нынешнего столетий, давший краткое описание и карту местонахождений археологических объектов в уездах губернии. Но и он в самом Симбирске, кроме исследованных С. М. Чугуновым древних кладбищ, называет еще лишь 13 русских медных монет, найденных в Подгорье при прокладке железнодорожной ветки, чугунную пушку с «Лосевой улицы» да два старинных кремневых пистолета, обнаруженных на Чувичинском острове, являющемся ныне дном Куйбышевского водохранилища.

Значительным вкладом в городскую археологию Ульяновска в наши дни являются обследование Г. М. Буровым в 1969 году и описание[10] вскрытого при земляных работах на нынешней эспланаде между площадями им. В. И. Ленина и Столетия со дня рождения В. И. Ленина, на самой вершине Симбирской горы, группового мусульманского захоронения волжско-болгарской поры, отнесенного учеными к IX—XI векам, а также его систематизация накопленных к тому времени сведений об археологических объектах Ульяновска и его окрестностей. «Разведки в Большом Ульяновске только начаты.

Нет сомнений в том, что в ближайшем будущем количество известных здесь древностей будет значительно увеличено»[11].

Так закончил он одну из своих статей и... ошибся: прошедшие 16 лет не накопили ничего существенного, несмотря на огромные объемы земляных работ в центре города. Вследствие бесконтрольности мощные землеройные машины ломали все встречающееся на их пути; древности выбрасывались на свалку. Так произошло с лепным керамическим сосудом при строительстве больничного корпуса по ул. Рылеева, с остатками нескольких венцов сруба под улицей Советской, у гостиницы «Венец». Нет никаких сведений с места постройки Дома быта на углу улиц Карла Маркса и Гончарова, ничего не дал археологам и снос занимавшего целый квартал бывшего Спасо-Преображенского девичьего монастыря по улицам Карла Маркса, Советской, Бебеля и Пожарному переулку. А о том, что и там могли быть разрушены ценные древности, свидетельствуют случайно обнаруженные автором их следы буквально в каждом котловане, на который удавалось обратить внимание: в западной стене котлована под фундамент перенесенного в 1986 году памятника К. Марксу частично срезаны и погребены полуметровый слой золы и углей, следы построек; не удалось найти выброшенные строителями деревянные саркофаги-колоды с места строительства гостиницы по ул. Плеханова; в котловане для водопроводной трубы кинотеатра «Пионер» на ул. К. Маркса в апреле 1987 года выявлены значительно разрушенные машинным и ручным рытьем остатки прежних деревянного и кирпичного строений (рис. 1), медная монета «денга» чеканки 1741 года и большое количество гончарной керамики.

Получив известие о предстоящем рытье котлована у северо-восточной стены дома № 19 по ул. Гончарова для устройства входа в подвальное помещение кооперативного кафетерия «Темп», автор взял это место под контроль с целью выявления, регистрации и паспортизации возможного археологического объекта. И в первый же день наблюдения под ковшом экскаватора заскрежетали необычные для Ульяновска обломки белых строительных камней, вывезенные тут же грузовиками на свалку. Просьба не разрабатывать пока эту часть котлована вызвала обратное действие: ее завалили, так сказать, от греха подальше. Однако длительный перерыв между рытьем котлована и началом в нем строительных работ позволил с 29 мая по 5 июня 1987 года произвести разведку в шурфе площадью 3,5x2,0 м на глубину разработки экскаватором. В 3,8 м от нынешней поверхности асфальта был обнаружен глинисто-грязевой пол толщиной от 0,035 до 0,15 м, а под ним, в южном углу шурфа — сруб еще более глубокой и древней землянки с начальным уровнем пола на отметке — 4,75 м (рис. 2).

4 м
3 м
2 м
1 м
0
14
13
9
8
7
10
12
11
6
5
4
3
2
1
A
по А-А
-1
1,55
-1,78
-2
-2,35
-3
Рис. 1.
Западный уступ траншеи у кинотеатра „Пионер".
1 Существующая стена.
2. Грунтовая вода.
3. Материковая глина.
4. Сгнившее бревно.
5. Смесь гумуса и углей.
6. Серозем с глиной.
7. Перемешанный грунт.
8. Кирпичная набивка.
9. Грунт с кирпичом и известью.
10. Остаток кирпичной стены.
11. Гумусная прослойка.
12. Грунт с битым кирпичом.
13. Песчаная подсыпка.
14. Асфальтовое покрытие.

Верхняя землянка хронологически предшествовала пристроенным кирпичным фундаменту и стене существующего ныне здания и более старому кирпичному брандмауэру, рядом с которым они возведены. Стены землянки, вырытой в толстом (до 1 м) слое чернозема и материковой глине, были забраны одним бревенчатым венцом и досками над ним. Доски сгнили и в пределах шурфа были уничтожены экскаватором. В грунте заполнения их оставшиеся части хорошо заметны. Установлено, что их западные отрезки продолжались еще на 6,04 м и образовывали угол с западной дощатой же стеной, совпадающей с концом брандмауэра и обложенной изнутри одним рядом кирпичей. Таким образом, размеры в плане только обнаруженной части этой землянки составляют 8,04х3;16 кв. м. На ее полу, кроме следов от зубьев экскаватора, уцелели обломки белых строительных камней, груды которых остались еще в западной и восточной стенках шурфа; втоптанные в пол куски досок, из которых не обгорела лишь та, что в самом северном углу шурфа; крупные куски углей и головней, среди которых легко опознаны конек и шип стропил; несколько каленых кирпичей светло-оранжевого цвета, отличающихся размерами от кирпичей существующей стены; остатки сырцовых кирпичей; спекшиеся и проржавевшие железные конгломераты, в одном из которых выявлен массивный нож-тесак с недогоревшей рукоятью и железной втулкой на ней, в другом — треть полностью проржавевшей сковороды.

Почти в центре шурфа, ограниченного с северо-востока стеной землянки, обнаружен развал большого керамического сосуда гончарного производства. Незначительная часть его фрагментов оказалась уничтоженной и выброшенной экскаватором. Из оставшихся сосуд полностью реконструирован и сдан в Ульяновский краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Он представляет собой горшок вместимостью 19,75 л, из прочной, серой в изломе керамики, с орнаментом у горловины в виде трех четко дифференцируемых многолинейчатых колец и кольца над ними наподобие «беличьего» колеса с косыми цевками, нанесенными лощением. Дно горшка одним краем лежало на полу землянки, вторым опиралось на частично втоптанный в него кирпич, но в момент пожара и обрушений сползло с него и накренилось. Изнутри на дне горшка обнаружен закопченный обломок кирпича размером несколько более половины по длине, а под ним — спрессованная деревянная пластина, обгоревшая с краев по контуру кирпича. Очевидно, что горшок был закрыт крышкой с грузом, которая при пожаре загорелась, провалилась вместе с грузом в сосуд и там догорала. Косой темный след внутри горшка, примерно ниже середины по высоте, свидетельствует и о выгорании его содержимого.

По западную сторону от развала горшка обнаружен целый развал

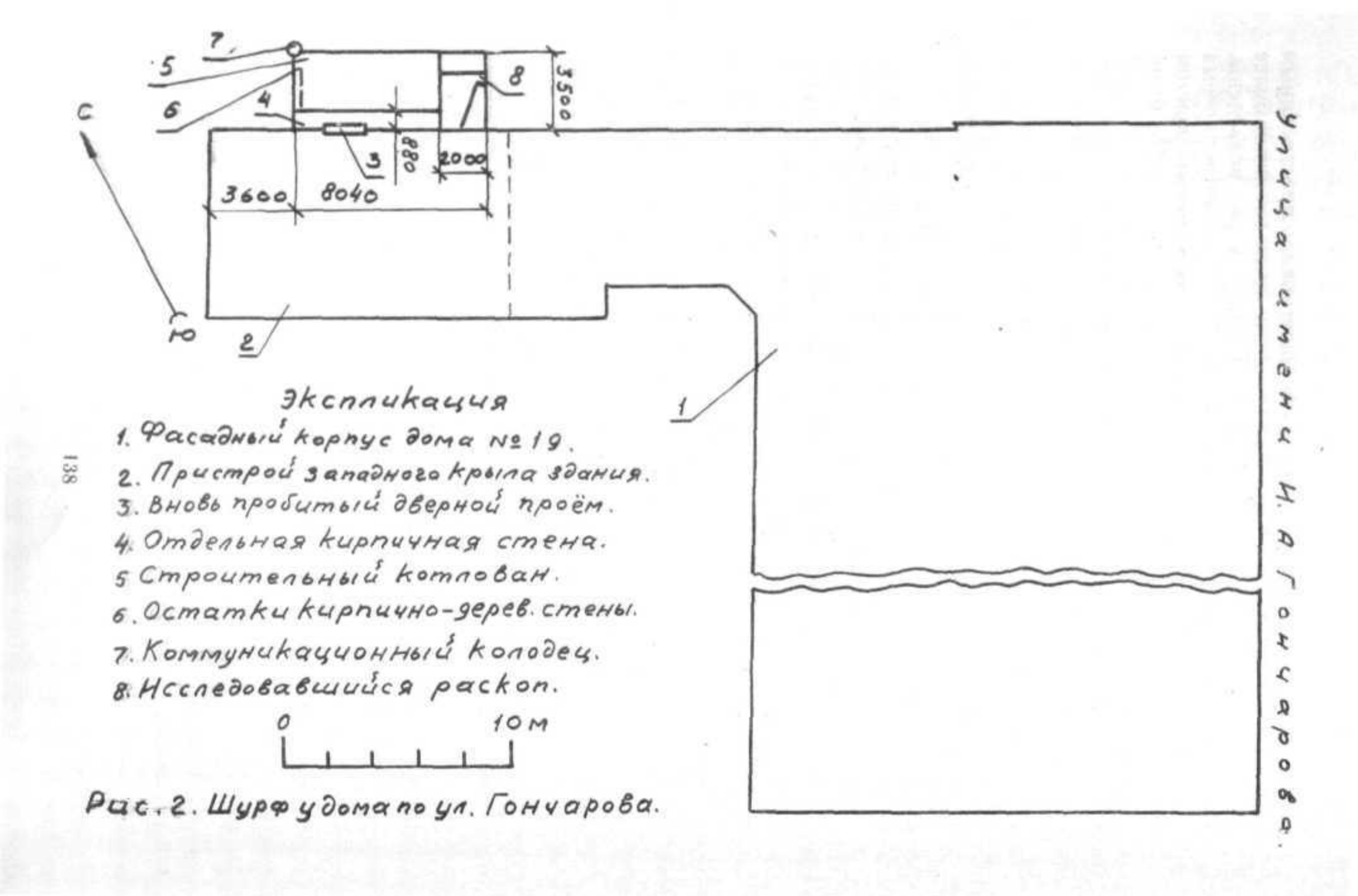

Рис. 2. Шурф у дома по ул. Гончарова.

(за исключением двух малых фрагментов) опрокинутой фаянсовой тарелки вместимостью 0,585 л, частично перекрытой западным уступом шурфа. Под ней хорошо сохранился спрессованный слой сена толщиной 0,015 м, обгоревшего по периметру тарелки. Недогоревшие сено и солома обнаружены и под другими предметами на полу, а их зола — во всей южной половине шурфа. В промежутке между развалами горшка и тарелки обнаружено большое количество фрагментов фаянсовой миски с ручками; основная же их часть выявилась в северо-западном уступе шурфа под крупной головней, своим падением разбившей в свое время сосуд и отбросившей часть осколков в восточном направлении.

В 0,3 м от юго-западного края горшка на материковой глине под наслоениями пола обнаружено довольно хорошо сохранившееся железное землеройное орудие с зазубренным острием и сгнившим деревянным остовом шириной до 0,16 м. Орудие представляло собой копьевидный наконечник длиной 0,32, шириной 0,26 и толщиной до 0,006 м. Оно крепилось к остову двумя сохранившимися «усами», кузнечным способом приваренными к плечикам орудия по разные его стороны.

Вскрыть весь пол землянки даже в пределах шурфа не удалось: не позволили строители. Но под предметами на полу он был обследован. Там оказались фрагменты бутылочного и фужерного стекла, серая и оранжевая керамика, ребро животного, мелкие осколки кирпичей, мелкая древесная щепа. Это свидетельствует о длительном пребывании здесь человека.

Но главной достопримечательностью шурфа является нижняя землянка, пол которой был на 0,68 м ниже пола верхней. Толщиной он до 0,1 м и формировался из глины, серозема и частично из почти белого материкового песка, на котором находился. Вблизи кирпичной стены существующего дома обнаружен и своеобразный слоеный «пирог» из песка между напластованиями пола. На полу обнаружены фрагменты древесины, самый большой из которых, с косым неровным срезом, лежал у сруба и не был тронут огнем. Те, что помельче, лежали обгоревшими концами к краю большого следа костра в самом южном углу шурфа. След этот представлял собой прокаленную глину пола, но без золы и углей. Зато в 0,7 м севернее этого же края кострища обнаружился центр скопления древесных углей, втоптанных в пол на разной глубине. По-видимому, они были выбраны из костра и высыпаны здесь, в 0,3 м от деревянной стены, что можно было сделать лишь при погасших или погашенных тут же углях. Следов стихийного горения (пожара) не обнаружено. Здесь же, у северо-западного края кострища, было скопление из 11 фрагментов шести керамических гончарных сосудов. Самый крупный из этих фрагментов в свою очередь был расколот, возможно, в процессе

раскапывания. Удалось склеить часть горловины и тулова горшка — черного, слоистого снаружи и в изломе, бурого изнутри (от кипячения воды), — по которой восстанавливаются его размеры: наибольший наружный диаметр 217 мм, внутренний 200 мм на уровне 60 мм от верхнего края горловины. Наружный диаметр горловины — 166 мм, внутренний — 148. Высота сосуда в случае наибольшей его стройности и достаточной устойчивости на дне должна была составлять 148—150 мм. Еще четыре фрагмента с темно-серым камневидным изломом, оранжевые изнутри и оранжево-бурые снаружи — несовмещающиеся части одного крупного сосуда; три сплошь серых — части одного плоского дна; один буро-оранжевый фрагмент наподобие плохо обожженного кирпича с дресвой из опоки — придонная часть сосуда с диаметром дна 92 мм; один серо-оранжевый в изломе и с обеих сторон — часть тулова плохо обожженного сосуда равномерной структуры; один темно-серый с обеих сторон и в изломе — пригорловинная или придонная часть крупного сосуда. Большинство из этих фрагментов находилось непосредственно на полу и в его наслоениях, то есть принадлежит культурному слою землянки, а не ее заполнению. Но точно датировать по ним этот слой затруднительно: подобная керамика описана в Среднем Поволжье с XVI по XIX век. Очень близкое сходство верхней землянки и брандмауэра над ней с остатками таких же строений в котловане кинотеатра «Пионер» позволяет хронологически отождествить их и отнести ко времени после 1741 года. А нижняя землянка — более ранняя.

По результатам обследования составлен «Археологический паспорт объекта в Ульяновске»[12] и сдан 6 ноября 1987 года Ульяновскому краеведческому музею. Необходимость такого описания отдельных объектов вызвана неожиданностью и скоротечностью множества земляных работ при строительстве и ремонте строений и подземных коммуникаций, невозможностью организации немедленных археологических раскопок. Экспресс-обследования и составленные по их итогам описания фиксируют археологическое состояние объектов, резервируют некоторые из них для будущих раскопок — целенаправленных или случайных же, создают своеобразный банк археологической обстановки всей местности — в данном случае центральной части Ульяновска.

О том, что такая работа необходима, напоминает и опыт предыдущих исследователей. Г. М. Буров, казалось бы, довольно надежно «привязал» место захоронения на вершине Симбирской горы к памятнику-бюсту И. А. Гончарова на ул. Д. Ульянова. Но ныне улица «ушла» в одну сторону, а памятник — в другую: именем Д. Ульянова теперь называется бывшая улица Труда, а бюст Гончарова был перемещен ко входу в краеведческий музей его имени.

И новым читателям будет стоить трудов обнаружить истинное место захоронения. Тем более, что упомянутый исследователь допустил и незначительную с виду ошибку: прокладку здесь в 1969 году глубокой и широкой траншеи для труб теплотрассы, разрушившей человеческие скелеты, он назвал благоустройством улицы, невольно лишив таким образом читателей возможности «привязаться» к стенкам именно этой траншеи, где возможны новые находки при новых ремонтах, перекопках и т. п.

Накопление сведений, в том числе и археологических, об отдельных участках города не только расширяет статистику в совокупном изучении их исторической и географической сути, но очень часто приводит к ее переосмыслению. Так произошло у автора настоящих заметок и с описанным здесь объектом. Приступая к срочному обследованию участка в строительном котловане у дома № 19 по ул. Гончарова, я не имел возможности предварительно ознакомиться с документами по истории застройки этой и соседней усадеб. А по завершении обследования узнал, что дом этот является памятником революционных событий в Симбирске — Ульяновске. Здесь в первые дни февральской революции 1917 года помещались Симбирский Совет и редакция газеты «Известия Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов». А раз так, для города — это охраняемый и долговременный исторический объект, к которому, во-первых, можно надежно «привязать» исследовательский участок, во-вторых, к нему будет все возрастающий интерес жителей и гостей Ульяновска. Вот тут и пригодятся дополнительные сведения о нем и обо всем центре города, которые, в случае необходимости, можно будет расширить целенаправленными раскопками. Не исключено, что описанный здесь первый опыт паспортизации выявляемых в городе археологических объектов привлечет внимание читателей, расширит круг ее участников.

[1] Буров Г. М. Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей. — Краеведческие записки, вып. III Ульяновск, 1971, с. 302.

[2] Смирнов А. П. Древняя и средняя история Ульяновского края в свете новых археологических исследований. Ульяновск, 1955, с. 3.

[3] Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1871; он же. Историческое обозрение Симбирска. Симбирск, 1909; он же. Симбирское городище. — Симбирский сборник, 1870, т. 2.

[4] Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств, с. 2.

[5] Чугунов С. М. *Отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г.* Казань, 1879 г.

[6] Зерцалов А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. Симбирск, 1896, с. 7.

[7] Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896.

[8] Мартынов П. Л. Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде. Симбирск,1896.

[9] Поливанов В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

[10] См.: Буров Г. М. Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей.

[11] Там же, с. 302.

[12] Замалетдинов И. А. Археологический паспорт объекта в Ульяновске — Фонды УКМ.

Э. А. Дубман

К истории освоения русским населением Симбирского Заволжья в XVII в.

Территория Среднего Поволжья была присоединена к Российскому государству в середине XVI в. Но только спустя столетие оседлое земледельческое население смогло освоить плодородные лесостепные районы современной Ульяновской области. Главным препятствием в продвижении земледельца и промышленника на юг была постоянная угроза нападений кочевников-ногайцев, калмыков, башкир. Эти кочевые народы считали себя хозяевами приволжской и заволжской степи. В XVII в. испытанным средством защиты от нападений кочевников стали так называемые «засечные черты»— протянувшиеся на многие сотни километров непрерывные линии самых различных оборонительных сооружений. В крепостях на этих «чертах» селили служилых людей, охранявших край, а за «чертами» появились села и деревни земледельческого населения. Так происходило освоение и Закамского Заволжья, когда после строительства в 50-х гг. XVII в. Закамской черты все пространство между Волгой, Камой и Большим Черемшаном покрылось сетью земледельческих и промысловых поселений.

История возникновения этих поселений, а также хозяйственной деятельности переселенцев на территории края представляет значительный интерес. Она освещена в работах Г. И. Перетятковича[1], исследователей из Казани, Симбирска-Ульяновска[2]. И все же вопрос изучен далеко не полностью.

Эта статья приоткрывает некоторые малоизвестные страницы появления в Закамском Заволжье крупных монастырских владений, а именно вотчины костромского Богоявленского монастыря.

Власти крупных и средних монастырей страны давно облюбовали волжские просторы. В первую очередь их привлекали рыбные богатства Волги. Позднее, когда началось земледельческое освоение Симбирского Поволжья, крупнейшие феодалы церкви не остались в стороне, а благодаря своим привилегиям стали обладателями значительных владений. На протяжении второй половины XVII в. крупными землевладельцами края стали старцы московских Чудова, Новоспасского, Новодевичьего, Вознесенского, подмосковных Звенигородского и Воскресенского Новоиерусалимского, костромских Ипатьева и Богоявленского, ряда других монастырей. Значительные земли отошли в Патриарший дом.

Одним из первых монастырей, получивших земли в Закамье, стал костромской Богоявленский. Власти этого монастыря имели вотчины во многих уездах страны. В последней четверти XVII в. в их владениях насчитывалось около тысячи крестьянских дворов, в которых жило 6—7 тысяч человек крепостных. В 1655 г. монастырские старцы подали челобитную с просьбой разрешить им пользоваться пустующими землями на левом берегу Камы, рядом с устьем реки Ика. Просьба монастыря была удовлетворена. Он получил в оброчное пользование земли, сенные покосы и рыбные ловли[3]. Однако старцам этого показалось мало, и в 1661 г. они подали еще одну челобитную с просьбой выделить им угодья на левом берегу Волги, чуть ниже Симбирска. По государеву указу земли, запрашиваемые монастырем, осмотрели. Было принято во внимание то, что эти земли оказались «порозжими», не принадлежащими никому и от их пожалования не было «порухи» городу Симбирску. После осмотра местные власти дали «ввозную грамоту Костромского Богоявленского монастыря игумену Герасиму з братию на порозшую землю в Казанском уезде на Волге реке на Казанской стороне против Симбирска города вниз по Волге реке от земли симбирца Левонтья Палицына, что та земля луги и лес место степное...»[4].

В августе 1661 г. на эти земли были составлены дозорные книги. Граница монастырских оброчных владений начиналась примерно 10-ю километрами южнее Симбирска, на правом берегу Волги. От владений помещика Л. Палицына она шла степью по «симбирской дороге, что ездят в Ерыклинск», «по дороге до соснового колка», от него «степью до речки Камаюра на верхней сосновой враг да вниз по речке Камаюру до Шевыренского истоку...», затем к Волге «до матерого берега» и на север до земель Палицына. В длину по берегу Волги эти земли протянулись, по сведениям дозорщиков, на пять верст, в ширину — на три с половиной версты. В их состав входили пашни, сенные покосы, лес. Рыбных ловель к владению не полагалось. Все угодья отдавались монастырским властям бессрочно, в оброчное пользование с ежегодной выплатой оброчных платежей, составлявших около 6 рублей на деньги того времени. По современному состоянию местности, отданной монастырю, трудно судить о том, какой она была в то время. Сохранилось описание этих земель, сделанное во второй половине XVIII в. одним из руководителей академической экспедиции П. С. Палласом. Паллас писал о том, что путь от Чердаклов до Мелекесса лежал «...через плоскую, дикими миндальными кустами и вишнями обросшую степь...». И чуть дальше он сообщал: «...по всей стране Черемшана находятся изрядные черноземные пашни»[5]. Начальник одного из отрядов этой же экспедиции Иван Лепехин подтверждает слова Палласа: «...от

Черdaклов даже до Русскаго Мелекесса дорога совершенно степная, и по обе стороны находилися обширные непаханные поля...». По волжскому побережью путешественники отмечали леса и перелески: «...а по правую сторону гнездовые перелески...», «...в лесах еще большого недостатку не видно...»[6].

Неизвестно, когда монастырские старцы смогли получить на свои владения вотчинные права, но уже в конце XVII в. никаких данных об оброке не обнаруживается. Оброчное владение превращается в вотчинное.

Как и когда монастырь основывает на своих землях постоянные сельские поселения, кого он селит здесь, неизвестно. Но уже в переписных книгах 1677/78 года говорится о том, что на монастырских землях существовало селение Красноярская пустынь, в котором насчитывалось 32 двора[7]. Позднее было основано еще одно поселение — деревня Городище (современное Крестово-Городище)[8].

Откуда получили свое название Красноярская пустынь (позже село Красный Яр) и д. Крестово Городище? Населенных пунктов с названием Красный Яр у нас в стране насчитывается довольно много. По мнению ученых-топонимистов, изучающих происхождение имен географических объектов, топоним «краснояр» означает участок подмываемого крутого лесистого берега[9]. Это определение вполне подходит к изучаемому поселению, рядом с которым во второй половине XVII в. находился лес. Название деревни Крестово Городище произошло от находящегося неподалеку древнего городища, сохранившихся на горном мысу остатков укреплений. Такой переход названия также постоянно встречается и у нас в Среднем Поволжье, и в целом по стране. Достаточно вспомнить бывшее с.Городище-Костычи неподалеку от Сызрани (ныне г. Октябрьск), с.Юлово Городище в Пензенской области. Характерно, что эти два селения возникли в конце XVII в. на территории того же Симбирского уезда, на землях, принадлежавших крупным московским монастырям — Новоспасскому и Вознесенскому.

Особенно быстро росло население этих селений в самом конце XVII — начале XVIII в. В марте 1700 г. вотчину описывал приказчик Иван Булгаков. В составленных им книгах указано, что в селе Красный Яр насчитывалось 155 дворов, в которых проживало 330 человек мужского пола. 34 двора было в д. Городище, в них жило 59 чел. м.п.[10]. В последнее десятилетие XVII в. старцы монастыря целенаправленно переводили крестьян из своих перенаселенных владений в центральных уездах страны на свободные приволжские земли. Так делали все монастыри, владевшие вотчинами в южных уездах Среднего Поволжья.

Вероятно, иначе обстояло дело в первые десятилетия заселения

края. В это время власти Савво-Сторожевского монастыря, Патриаршего дома, имевшие свои вотчины по соседству с владениями Богоявленского монастыря, заселяли вновь полученные земли в основном за счет беглых, переманивали жителей из поместий мелких и средних феодалов. Показателен в этом отношении пример патриарших владений. В 50-х гг. XVII в. земли на левобережье Волги, по рекам Утке и Майне получает один из самых могущественных и богатых людей страны — патриарх Никон. Вотчина начинает быстро заселяться, здесь возникает ряд поселений. Патриаршие приказчики, пользуясь покровительством своего могущественного господина, не стеснялись в средствах, способствовавших быстрому притоку населения. Окрестные помещики Казанского, Свияжского и Тетюшского уездов неоднократно подавали челобитные, где жаловались, что патриаршие слуги и приказчики «въезжают» в принадлежащие им селения и где силой, где обещаниями льгот «свозят» их крестьян. Когда после низвержения Никона в 1658 г. в его Майнской вотчине был произведен сыск, оказалось, что помещики говорили правду. Большинство из поселенных на патриарших землях крестьян — более тысячи человек мужского пола — было незаконно принято или силой увезено из владений окрестных феодалов[11]. Власти Богоявленского монастыря вряд ли могли действовать столь безнаказанно, но наверняка и они принимали множество беглых переселенцев.

То, что сходило с рук крупным феодальным собственникам в первые десятилетия освоения Симбирского и Закамского Поволжья, едва ли было осуществимо в последние десять-пятнадцать лет XVII столетия. Правительство, обеспокоенное массовым бегством населения из мелких и средних дворянских владений, организует крупные сыски беглых. Они осуществлялись по всей территории страны и захватывали Среднее Поволжье. Документы этого времени по монастырским вотчинам Симбирского и Казанского уездов пестрят записями об отдаче беглых, о штрафах —«пожилых деньгах», взымаемых с владельцев, принимавших беглых. Тогда монастыри начинают заселять свои окраинные владения за счет крестьян перенаселенных вотчин центральных районов страны. При опросах жителей вотчин Новодевичьего (с. Новодевичье), Чудова (с. Сосновый Остров — ныне г.Хвалынск), Вознесенского московского (с. Городище) монастырей они в один голос говорили о том, что либо сами, либо их отцы и деды были переведены из центральных вотчин[12]. Также поступали и власти Богоявленского монастыря. Жители Красного Яра и Городища в основном были переселены из монастырских вотчин в Костромском и других уездах Верхнего Поволжья.

О том, что представляли из себя монастырские село и деревня, чем занималось население, сообщают описания вотчины Богоявленского

монастыря, сделанные в начале XVII в.[13]. В это время правительству Петра I срочно потребовались средства для ведения Северной войны, и оно нашло выход в изъятии всех богатств монастырских владений в пользу казны. Для выяснения реальных доходов из новополученного источника было проведено описание монастырских владений страны. По описанию, в с. Красный Яр насчитывалось 155 крестьянских и бобыльских дворов. Здесь имелись церковь и монастырский двор с домом, в котором жили старец, подъячии, монастырские слуги и присыльные. Рядом с домом располагались хозяйственные постройки, житницы и амбары для хлеба. Двор был огорожен крепким забором «от приходу воинских людей». Вооружение состояло из «двух пушек чугунных длиной аршин», двух «самопалов», винтовки и ствола винтовочного, карабина и ствола карабинного. Однако, по словам старца, «все это оружие ветхо и изломано, стрелять из него нельзя». Видимо, опасность нападения кочевников, вполне реальная в начале освоения края, к концу XVII— началу XVIII в. практически сошла на нет.

В шести житницах и одном амбаре, построенных на монастырском дворе, хранилось осенью 1702 г. 678 четвертей ржи (одна четверть в конце XVII в. составляла около восьми пудов), около 64 четвертей пшеницы, 240 четвертей овса, 82 четверти ячменя, 50 четвертей гороха, 15 четвертей полбы. Все это весьма значительное количество хлеба выращивалось на монастырских полях трудом подневольного населения и отправлялось «на корм братии» в монастырь. В документах говорилось: «...а как с Костромы приезжают из монастыря стругами ради хлеба монастырского и мы (т.е. крестьяне вотчины.— Э.Д.) на те струги работных людей отпускали до Костромы...».

За пределами монастырского двора были построены конюшенный и «скотский» дворы. На конюшенном дворе содержались 11 лошадей и 4 жеребенка, на «скотском»— бык-трехлеток, семь коров, по «сказке дворника Федора Андреева сына Базарова в том числе три коровы дойных», две телки, двадцать две овцы и один баран.

Деревня Крестово Городище была основана незадолго до проведения осмотра. В ней в это время насчитывалось тридцать четыре крестьянских и бобыльских двора. Монастырских строений в деревне не было.

Основной системой земледелия на монастырских и крестьянских полях было трехполье. Вероятно, в качестве вспомогательного, особенно на первых порах, когда имелся значительный фонд нераспаханных площадей, применялся перелог. Основными сельскохозяйственными культурами на рубеже XVII—XVIII вв. являлись рожь в озимом поле и овес — в яровом. Их высевалось по 50 четвертей. Пшеница использовалась только в яровом поле, и высевалось ее около 12 четвертей. Еще меньше сеяли ячменя — 6 четвертей,

и совсем уж в незначительных количествах — горох, гречку, просо. К сожалению, сведений об урожайности по вотчине Богоявленского монастыря не сохранилось. Если же судить по соседним владениям других монастырей, то средняя урожайность не превышала сам-3—4 (то есть на 1 четверть высеянного хлеба собирали 3—4 четверти) и была не больше средних показателей по стране. Это кажется удивительным, так как черноземы южных районов Среднего Поволжья не шли ни в какое сравнение с малоплодородными серыми почвами нечерноземного центра. Происходило же так потому, что переселенцы затрачивали гораздо меньше усилий на земледельческие работы, не унаваживали пашню, хуже пахали, сеяли худшее зерно и т.д. Экономились время и силы, а результат получался примерно такой же. Даже во второй половине XVIII в. воеводы Симбирского и других уездов сообщали в Сенат, что в их уездах поля не удобряются[14].

О повинностях населения вотчины в пользу монастырских властей хорошо сказано в «сказке» старосты и выборных крестьян с. Красный Яр: «...в монастырь податей и денежного оброка не плачивали, а изделье делали, пашню пахали и сено косили про монастырский обиход, а в селе Красный Яр двор монастырский и всякое строение делали, пашню пахали и сеяли... жали и молотили по овинно и что с овина молочено и что по мере было и тот хлеб принимали старцы и старосты на монастырский двор в житницы...». Известно и сколько крестьяне сеяли хлеба в монастырском поле — пятьдесят четвертей озимого, «а ярового вдвое», сколько ставили сена — «...по 50 стогов и больше мерою круг стога по семь сажен и больше». Крестьяне деревни Крестово Городище вместо полевых работ должны были платить денежный оброк.

Как только монастырская вотчина в начале XVIII в. перешла в ведение государства, повинности ее населения резко возросли. Кроме выполнения всех прежних работ, жители были обложены денежными платежами. Несмотря на то, что сейчас для нас сумма обложения на двор — примерно 0,8 рубля — выглядит незначительной, для крестьянина тех времен это были весьма крупные деньги.

Дальнейшая судьба земель и селений, принадлежащих костромскому Богоявленскому монастырю, нами не изучалась. Известно лишь, что государство недолго собирало доходы с монастырских владений. Они были вновь возвращены монастырю и окончательно взяты у него лишь во время проведения секуляризации владений духовенства, в 60-х гг. XVIII в.

[1] Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; его же: Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

[2] Покровский И. М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906; Ошанина Е. Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в.— Русское государство в XVII в., М., Наука, 1961, с. 50—74; др. работы.

[3] ЦГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6488, л. 1—4.

[4] Там же, л. 1—8.

[5] Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб., 1773, с. 133—135.

[6] Лепехин И. Дневные записи путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Часть 1. СПб., 1795, с. 120, 136, 138.

[7] ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 472, 1703 г., л. 18.

[8] Там же.

[9] Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., Мысль, 1984, с. 301.

[10] ЦГАДА, ф. 237, .., л. 2—16 об.

[11] Новосельский А. А. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века.— Труды Института истории РАНИОН. М., 1926, вып. 1, с. 336.

[12] ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11572, л. 121—142 об., 159—198; ф. 1209, оп. 1310, д. 186, 1700 г., л. 2; Архив музея Новодевичьего монастыря, д. 146, л. 132—133.

[13] ЦГАДА, ф. 237, .., л. 1—22 об.

[14] ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1651б, л. 336, 341, 350 об. и др.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ НИКОНОВ

В. А. Никонов (1904—1988 гг.) — талантливый ученый, автор многих работ, связянных с литературоведением, энтографией, географией, историей, лингвистикой.

Особенно много и плодотворно работал В. А. Никонов в области топонимики и ономастики.

Родился Владимир Андреевич Никонов 27 июля 1904 года. В нашем городе прошли его детство и юность. В семье ему привили уважение к труду и знаниям, презрение к роскоши и безделью.

В 16 лет он начал работать репортером, затем стал заведующим отделом, ответственным секретарем редакции и, наконец, редактором газеты «Заря» — органа губкома РКП(б).

В. А. Никонов был активным членом Симбирской комсомольской организации. Он создавал школьный отдел губкома комсомола, организовал и редактировал губернскую пионерскую газету «Смена — смене». Ему удалось объеденить ульяновских поэтов и писателей в литературную группу «Стержень».

Он работал в ряде городов страны, служил в армии, необоснованно был репрессирован. Уже в зрелые годы увлекся ономастикой (наукой о собственных именах) и отдал ей более трех десятилетий.

Никонов являлся инициатором и руководителем многих ономастических конференций в разных республиках и областях страны. Его любимым детищем были Поволжские ономастические конференции.

В 1972 г. XI конгресс по ономастике избрал Владимира Андреевича Почетным членом Международного комитета (центра) ономастических наук.

В. А. Никонов был блестящим лектором. Он читал лекции по топонимике и ономастике в 18 вузах страны, с удовольствием выступал в разных аудиториях.

Владимир Андреевич — автор крупных научных работ «Введение в топонимику» (М., Наука, 1965). «Краткий топонимический словарь». (М., 1966), «Имя и общество» (М., Наука, 1974),«Освоение Среднего Поволжья по данным топонимики» (в кн.: Историческая география. М., 1980), «Ищем Имя» (М., Советская Россия, 1988). Им опубликованы многочисленные статьи в газетах, журналах, научных сборниках. Более 20 научных сборников он редактировал.

Большую часть жизни В. А. Никонов прожил в Москве. Но очень любил родной город и самым тесным образом был связан с ним. У него здесь было много друзей. Почти ежегодно приезжал Владимир Андреевич в Ульяновск, работал в местных архивах, Дворце книги, выступал с лекциями. Не случайно первая из пяти организованных им Поволжских ономастических конференций прошла в Ульяновске (1967 г.).

Он изучил историю старых названий ульяновских улиц и очень резко выступал против необоснованных переименований.

За две недели до кончины Владимир Андреевич прислал в «Краеведческие записки» свою статью, которая и публикуется в этом выпуске.

М. Савич

В. А. Никонов

Странички истории Средневолжья I тысячелетия н. э.

В Среднем Поволжье от р. Суры на западе до р. Белой на востоке очень часто встречаются названия рек с основой *конд:* Кондузла, Кондурча и т. п. Отдельное название ненадежно — оно может быть случайным, его могли неузнаваемо исказить. Иное дело — скопление нескольких десятков наименований на ограниченной территории. Их перечень, собранный автором и публикуемый впервые, едва ли полон, хотя работа начата была еще в 30-е гг.

Этимология этих гидронимов ясна: тюркоязычное слово «бобр» (татарское — *кондыз,* башкирское — *кондоз,* чувашское — *хантар*). Однако необходимо предварительно оговорить: как в действительности на месте звучали документированные гидронимы — неизвестно. На Средней Волге сосуществовали и сменяли друг друга сотни говоров. В одном и том же слове одни произносили *у,* другие — *о,* третьи — *ы;* так же было со звуками *к/ч/х,* не говоря уж о финальных *з/с.* Записывали названия канцелярские писцы, не знающие тюркских языков, порой и не очень грамотные. Надо учитывать, что написания названий недостаточно надежны для этимологического исследования. При всем разнобое произношения отчетливо видно одно самое резкое различие: *р/з.* Твердо установлено, что звуку *р* чувашского языка и его предшественника — языка средневековых волжских булгар, соответствует в остальных тюркских языках *з.* Прочая пестрая звуковая разноголосица перечня гидронимов ждет анализа знатоков тюркской фонетики. Гидроним указывает место на карте — это незаменимый источник для изучения истории тюркских народов Поволжья и их языков.

Рассматриваемые названия особенно густы в Заволжье. На стыке Татарии, Башкирии и Оренбургской области течет р. Кандыз, несколько восточней, к Белебею — р. Кондузла; за ней, к Бирску — р. Кундушла; по правой стороне р. Белой — р. Кундышла в верховьях и р. Кундашла в низовьях. А. Г. Бессонов в примечаниях к списку белебейских и бирских рек Ф. Г. Игнатьева[1] оставил эти названия без этимологий, зато соседним дал фантастические толкования: р. Кундук — от кундык («мы ночевали»), р. Кундыкла — от кендекле («имеющий пупок»). Справедливо заметил позже крупнейший тюрколог Н. К. Дмитриев, что работу над башкирской лексикой пришлось в 1948 г. начинать на пустом месте.

В противоположном (западном) направлении, в 7 километрах от Бугуруслана, течет р. Кандузла, затем, к Волге, — р. Кадузл северо-восточней Куйбышева. Вперемежку с ними часты русские названия с тем же значением: р. Бобровка юго-восточней Бузулука, оз. Бобровое у южной окраины Уфы, оз. Бобровое недалеко от развалин древнего Булгара и многие другие. Названия деревни Бобровка (вблизи р. Кандыз) и села Бобровка (между Куйбышевом и Бузулуком) ошибочно предполагать произошедшими от помещичьих фамилий: деревня была казенной, а село — удельным (т. е. владением царской семьи). В правобережье Камы ниже р. Белой — р. Кунташ, а в левобережье — р. Кунтузла.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан в 922 г. пересек Заволжье от р. Урал (Яик) до низовий Камы с поручением от халифа к волго-камским булгарам, и, перечислив рр. Самур, Канель, Сок, он вслед за ними упоминает р. Кандажла (или Канджала), за которой «мы прибыли в страну народа тюрок, называемого аль-Башгири», и далее: «...мы отправились из страны их и переправились через р. Джарамсон»[2] — т. е. Черемшан. В такой последовательности, между Соком и Черемшаном, должна была находиться р. Кондурча. Видимо, Кондужла — она же. Современное *р* могли впоследствии привнести чуваши, вытесненные с правобережья многими веками позже. Северо-восточней Димитровграда течет левый приток р. Малый Черемшан — Кундус.

Северней тот же корень преобладает со звуком *р*. Это былая территория волжских булгар. У северо-западной границы Башкирии — оз. Кандры-Куль, недалеко от него — р. Кундрак. Южней Чистополя в левобережье Камы — р. Кандракла. На ее берегах расположены деревни, названные, как и она; это породило обычные в фольклоре персонифицирующие легенды: «Названия этим деревням даны в честь мусульманского святого Казартыма или Кадартыма»[3]. В районе Казани — ключ Кундурла. Преждевременно решать — можно ли привлечь с правобережья Вятки из-под Котельнича гидронимы Кондровка, Кондроватка: они слишком северны. Зато западней, в ульяновском правобережье Средней Волги, бобрам обязаны названия двух рек Кандарать — одна северней г. Карсуна, другая южнее его. Где-то в Поволжье (но до сих пор неизвестно — где) русские летописи указывают реку Кондракла, на которой в 1326 г. был убит в Орде князь Дмитрий Михайлович[4]. Наконец, на востоке Чувашской АССР текут реки Хонтарла и Хунтырка со звуком *х*. Еще дальше та же основа слышна в Поочье: р. Кондря северо-западнее Рязани, а также дер. Кондыриха на крайнем востоке Ивановской области.

Свидетельство Ибн-Фадлана не оставляет сомнений в ранней датировке многих из этих названий. Они возникают во второй

половине I тысячелетия н. э., в булгарский период. «Этот ранний этап булгарской истории, — констатировал наш виднейший булгаровед А. П. Смирнов, — может быть, реконструирован только по археологическому материалу, так как имеющиеся письменные документы характеризуют эпоху только начиная с X в.»[5]. Но есть гидронимы! Они указывают раннюю хронологическую границу появления этих названий, столь важную для истории Волго-Камья: когда пришли тюркоязычные народы. Предполагают, что самыми ранними из них здесь были волжские булгары (IV—V вв. н. э.), пришедшие с юга — из Предкавказья. Им принадлежат «бобровые» гидронимы со звуком *р*. Этому согласному звуку в абсолютном большинстве тюркских языков соответствует согласный *з* (Кондуз), принесенный на Среднюю Волгу последующими тюркоязычными волнами из Средней Азии, а позже из Сибири. В Зауралье откликаются гидронимы сибирских татар — р. Кундуска под Тобольском, в левобережье Иртыша, а за Иртышом — р. Каракундуска; в 15 км от нее р. Бобровка, в 80 км другая Бобровка, в Барабинской степи (между Омском и Новосибирском) — р. Кондусла[6], оз. Кундуз-Куль[7]. Не удивляет вклинение гидронимов с *р* в зону слов со звуком *з* на земле Башкирии (Кандры-Куль, Кундрак и др.) — русские летописи упоминают сторожевые отряды Волжской Булгарии, выдвинутые далеко на юго-восток от низовий Камы — даже до Яика в 1236 г.

До тюрок в Среднем Поволжье обитали финно-угорские народы, живущие здесь и сегодня. Они тоже называли водные источники бобровыми. Большинство из их названий стерто новыми обитателями, но некоторые уцелели. Между Горьким и Арзамасом течет р. Миеньга, она же Миять, — несомненно, от эрзя-мордовского *мия* — «бобр». По-марийски бобр — *ундур*. Вероятно, ему обязано своим названием крупное ульяновское село Ундоры (на правом берегу Волги у границы Татарии), вопреки предположению о монгольском происхождении этого названия. Виднейший финский алтаист М. Рясанен выводил *ундур* из булгарского *кондыр*[8]. Возможно, некоторые гидронимы двух этих групп смешаны. Есть и древнейшая связь: тюркское название бобра образовано от более ранней «алтайской» основы *конд* — «медведь», например, удмуртское *гондыр* — бобр, «маленький медведь».

Не исключено, что в приведенном перечне некоторые гидронимы иного происхождения. Но обилие русских Бобровок на той же территории подкрепляет тоже значение иноязычных названий. А официальное двуязычное название села южней ульяновского правобережья, в полусотне километров за Вольском: Бобров-Гай, оно же Кондозло по-башкирски (там живут и несколько десятков башкир) — не оставляет сомнений[9].

Ближе к центральным областям «бобровые» названия выступают уже в русском оформлении: в Среднем Поочье не еденичны Кондровка, Кондырево, Кондрыкино, даже под Каширой встречаются Кундусово, под Епифанью — Кундыка. Но все это — названия не рек, а населенных пунктов, т.е. более поздние и образованные от помещичьих фамилий. В Рязанской же области они даны касимовскими татарами, переселенными туда со Средней Волги в XY—XYI вв. Названия, подобные рассмотренным, есть даже за рубежом. Тут необходимо учесть, что в некоторых языках названия с данной основой приобрели вторичные значения — «кожа, шкура»; в сербско-хорватский и албанский языки слово *кондра* пришло из турецкого со значением «башмак».

Скопления однозначных названий никогда не случайны. Такие скопления показывают, как широко распространено в прошлом бобровое хозяйство в Среднем Поволжье. Именно хозяйство, а не факт обитания бобров. Названия, повторяемые так настойчиво, не давались по признакам, безразличным для общества. Сам отбор признаков по физической географии всегда диктовала экономика.

Древность бобрового промысла на территории нашей страны засвидетельствована Геродотом. Но на Средней Волге археологически обнаружена несравнимо раньше. В исследованых неолитических стоянках кости бобра занимали первое место среди костей всех животных (инвентарь Одоевского городища на Ветлуге[10]), они отмечены в стоянках приказанской культуры эпохи бронзы[11]. На Каме в каждом поселении ананьинской эпохи (YIII—III вв. до н.э.) непременно находят среди остатков культуры кости бобра — чаще, чем кости соболя и куницы[12].

Спустя столетия промысел получил огромный размах, и не хищнический, а производственный — продуманный и разносторонний (мясо шло в пищу, а меха на экспорт). Экспедиция в районе слияния Волги и Камы перед созданием Волжского моря неизменно обнаруживали кости бобра в раннебулгарских и предбулгарских селищах[13]. На Именьковском городище 2-й половины I тысячелетия н.э. (левобережье Нижней Камы — центр Волжской Булгарии) «запястные косточки бобра имеют отверстия, сделанные рукой человека и, видимо, использовались в виде амулетов и ожерелий»[14].

Остатки животных лишь недавно стали полноценным археологическим источником для характеристики хозяйства, но и сейчас их часто не используют. Поэтому наши сведения о развитии бобрового дела у булгар бедней, чем могли бы быть по размаху раскопок. Но уцелели рукописные свидетельства, убеждающие, что во II тысячелетии н.э. в Среднем Поволжье имелось уже развитое бобровое хозяйство, обслуживающее разносторонние потребности. От Эль-Балхи известно, что бобровые меха вывозились из земли волжских булгар на

арабский восток[15]. Андалузец Абу-Хамид, в 1136 г. побывавший у булгар, утверждал: они потому легко переносят свирепый холод своей страны, что питаются мясом бобров и медом[16]. От того времени нет данных об использовании бобра в лечебных целях, но вряд ли это применение оставалось неизвестным булгарам.

Раскопки недавних лет установили, что кости бобра преобладают по количеству особей над остатками всех других животных в городищах борщевской и дьяковской археологических культур. Они обильны, и лишь с XIII в. начинают убывать. Впрочем, еще и в XIY в. новгородцев спрашивали на исповеди, «не ядал ли бобровину?»[16].

Вытесняемые из центральных областей бобровые гоны дольше держались и процветали в Среднем Поволжье и в Заволжье. «История Оренбургская» П. И. Рычкова повествует, как ногайский хан в XV в. обложил башкир ясаком с каждого человека по лисице, бобру и кунице[17]. Документы XYI—XYII вв. красноречиво свидетельствуют о размахе бобрового хозяйства. Редкая из жалованных грамот, податных записей или судебных тяжб умалчивает о нем. Бобровые гоны наряду с рыбными ловлями и бортными ухожеями оставались важнейшей статьей в хозяйстве Среднего Поволжья. Писцовая книга XYI в. подчеркивает, что в правобережной Татарии не было ни одной реки без них: «Бортные ухожеи в лесах и бобровые гоны в реках во всем Свияжском уезде татарские и черемисские, и чувашские»[18]. Бобровый промысел служил крупнейшим источником обмена для населения Среднего Поволжья (земледелие удовлетворяло местные потребности, добычу соли монополизировала казна).

Последовавший затем упадок бобрового промысла объясняется разными причинами: 1) резкий рост населения в крае, переход к более высоким формам хозяйства, повсеместное распространение земледелия и поредение лесов — все это вытесняло пугливого зверька; 2) присоединение Сибири к России открыло на рынки широкую дорогу более ценному и выгодному сибирскому бобру, конкуренции с которым не мог выдержать его поволжский «собрат»; 3) строжайший церковный запрет есть бобровое мясо.

Один из эпизодов гибели бобрового промысла на Средней Волге запечатлела «сказка» (налоговое показание) из карсунских писцовых книг (1686 г.): «По сказке деревни Татаровы, Кирдяевы тож, посопной мордвы Москатки Туушева с товарищии вотчина у них была за валом, за рекою Свиягою, верховой бортной Сингильский ухожей и бобровые гоны и рыбные ловли были по Волге и по Чувиченскому острову и по реке Свияге. И как построен город Симбирск и отъезжие слободы, и та вотчина запустела, дельные деревья вырублены и вызжены и ничего дельных деревьев и бобровых гонов нет и рыбные ловли розданы в раздачу градским и уездным людям»[19].

XYIII в. застал уже остатки тысячелетнего промысла. В 1735 г. начальник Оренбургского края И. Кириллов писал, что башкиры платят налог за бобровые гоны.[20] Позже П. И. Рычков сообщал, что «бобров в Башкирии во многих реках ловят капканами».[21] Академик Паллас нашел на р. Бузулук только воспоминание о них. Под Симбирском, километрах в 20-ти, на рукаве Волги многочисленная колония бобров была истреблена в начале XIX в.[22]. В Казанской губернии последний бобр был убит в 1902 г.[23].

А на новейшей из напечатанных карт природы Ульяновской Области показаны два бобровых заповедника — на рр. Барыш и Сура. Неутомимо трудятся умелые и трудолюбивые строители подводных сооружений!

[1] Игнатьев Ф. Г. Названия вод, урочищ и проч., как памятник югров в Уфимской губернии. — Записки Оренбургского отдела Русского географического общества, вып. 4. Оренбург, 1881, с. 151—152.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л., 1939, с. 66—67, 102—104.

[3] Износков Л. А. О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с ней губерниях. — Труды IV археологического съезда, т. 1, Казань, 1884, с. 106.

[4] Полн. собр. русских летописей, т. 1, с. 229; т. IV, с. 50; т.V, с. 217; т. VII, с. 200.

[5] Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 28.

[6] Список населенных мест Томской губернии. СПб, 1868, с. 79.

[7] Список населенных мест Симбирского края. Новосибирск, 1928, с. 190—191.

[8] Рясанен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 199.

[9] Баишев Т. Г. Некоторые материалы по говору башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. — Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 137.

[10] Формозов А. Н. Материалы к истории фауны Приволжья. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 22, 1951, см. табл. на с. 186.

[11] Калинин Н. Ф. Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945—52 гг. Казань, 1954, см. гл. 2.

[12] Збруева А. В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 30. М., 1952, см. с. 49 (таблица), 50 и др.

[13] Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Указ соч., с. 53.

[14] Попов В. А., Кулаева Т. М. Фауна Именьковского городища. — Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, 1956, с. 58.

[15] Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 161.

[16] Там же, с. 88.

[17] Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1896, с. 69.

[18] Список с писцовой книги г. Свияжска и его уезда (1565—1567 гг.). Казань, 1909, с. 65.

[19] Невоструев К. И. Историческое обозрение г. Симбирска. Симбирск, 1909.

[20] Материалы по истории Башкирской АССР, т. III М. — Л., 1949, с. 492.

[21] Рычков П. Топография Оренбургской губернии. 1762, с. 534—535.

[22] Кеппен Ф. П. О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России. СПб., 1902, с. 137. (Автор сослался на рукописный архив акад. Брандта, к исследованию которого необходимо привлечь ульяновских краеведов — сведения в нем о Симбирске остались полностью им неведомы).

[23] Богданов М. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья. Казань, 1871, с. 175.

XVIII в. застал уже остатки тысячелетнего промысла. В 1735 г. начальник Оренбургского края И. Кириллов писал, что башкиры платят налог за бобровые гоны[20]. Позже П. И. Рычков сообщал, что «бобров в Башкирии во многих реках ловят капканами»[21]. Академик Паллас нашел на р. Бузулук только воспоминание о них. Под Симбирском, километрах в 20-ти, на рукаве Волги многочисленная колония бобров была истреблена в начале XIX в.[22]. В Казанской губернии последний бобр был убит в 1902 г.[23].

А на новейшей из напечатанных карт природы Ульяновской области показаны два бобровых заповедника — на р. Барыш и Сура. Неутомимо трудятся умелые и трудолюбивые строители подводных сооружений!

[1] Игнатьев Ф. Г. Названия вод, урочищ и проч., как памятник югров в Уфимской губернии. — Записки Оренбургского отдела Русского географического общества, вып. 4. Оренбург, 1881, с. 151—152.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л., 1939, с. 66—67, 102—104.

[3] Износков Л. А. О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с ней губерниях. — Труды IV археологического съезда, т. 1, Казань, 1884, с. 106.

[4] Полн. собр. русских летописей, т. 1, с. 229; т. IV, с. 50; т.V, с. 217; т. VII, с. 200.

[5] Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951, с. 28.

[6] Список населенных мест Томской губернии. СПб, 1868, с. 79.

[7] Список населенных мест Симбирского края. Новосибирск, 1928, с. 190—191.

[8] Рясанен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 199.

[9] Баишев Т. Г. Некоторые материалы по говору башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. — Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 137.

[10] Формозов А. Н. Материалы к истории фауны Приволжья. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 22, 1951, см. табл. на с. 186.

[11] Калинин Н. Ф. Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945—52 гг. Казань, 1954, см. гл. 2.

[12] Збруева А. В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 30. М., 1952, см. с. 49 (таблица), 50 и др.

[13] Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Указ соч., с. 53.

[14] Попов В. А., Кулаева Т. М. Фауна Именьковского городища. — Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, 1956, с. 58.

[15] Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 161.

[16] Там же, с. 88.

[17] Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1896, с. 69.

[18] Список с писцовой книги г. Свияжска и его уезда (1565—1567 гг.). Казань, 1909, с. 65.

[19] Невоструев К. И. Историческое обозрение г. Симбирска. Симбирск, 1909.

[20] Материалы по истории Башкирской АССР, т. III М. — Л., 1949, с. 492.

[21] Рычков П. Топография Оренбургской губернии. 1762, с. 534—535.

[22] Кеппен Ф. П. О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России. СПб., 1902, с. 137. (Автор сослался на рукописный архив акад. Брандта, к исследованию которого необходимо привлечь ульяновских краеведов — сведения в нем о Симбирске остались полностью им неведомы).

[23] Богданов М. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья. Казань, 1871, с. 175.

И. В. Благовещенский

Симбирский период деятельности А. П. Шенникова

История изучения растительности нашей области тесно связана с именем выдающегося советского ботаника, члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля наук Александра Петровича Шенникова (1888—1962).

Деятельность Александра Петровича была разнообразна и охватывала широкий круг проблем, поэтому в данной небольшой статье мы подробно остановимся лишь на одном — симбирском (1914—1921) периоде его научной деятельности, а всё остальное изложим предельно кратко.

А. П. Шенников родился в 1888 г. в семье сельского учителя в деревне Папулово Вологодской губернии. В 1907 г. он окончил гимназию в г. Устюге и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Уже в студенческие годы А. П. Шенников зарекомендовал себя как способный геоботаник и луговед, поэтому по окончании университета ему предложили работу сразу в нескольких местах. В 1912 г. он был зачислен ассистентом на кафедру ботаники Петербургского лесного института. Принимал участие в экспедициях в Олонецкой, Симбирской, Вологодской губерниях. С 1925 г. и до конца жизни работал в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР сначала в должности старшего ботаника, а позже — заведующим лугово-пастбищным сектором при отделе геоботаники.

Трудно переоценить вклад А. П. Шенникова в развитие советской ботанической науки. Достаточно сказать, что он является одним из основоположников целого раздела ботаники — геоботаники, ставшего теперь самостоятельной наукой. И всё же, несмотря на широту научных интересов, основным объектом его исследований были луга.

Геоботаническое обследование лугов Симбирской губернии было начато А. П. Шенниковым по предложению Симбирского губернского земства. Непосредственное обеспечение исследований осуществлялось агрономическим отделом в лице губернского агронома Петра Павловича Елизарова, а после революции — сельскохозяйственным отделом губернского комиссариата земледелия также при содействии П. П. Елизарова.

При проведении геоботанических исследований сложился целый штат сотрудников, главным образом из студентов учебных заведений Петербурга. В первые два года (1914—1915) единственным помощником Шенникова был Алексей Афанасьевич Горбовский — студент Петербургского университета, «неутолимой энергии которо-

го, — писал Александр Петрович, — столь многим обязаны и я и все-обследование»[1]. Горбовский изучал грибы-паразиты луговых растений. Им была собрана коллекция грибов, содержащая около 100 видов. Эту коллекцию предполагалось использовать при создании лугового музея в Симбирске. Однако в 1915 г. А. А. Горбовский был призван на военную службу и вскоре погиб.

В последующие годы число участников луговых экспедиций значительно увеличилось. Это были в основном студенты Высших курсов (Бестужевских): Татьяна Михайловна Шиц (1916), Вера Михайловна Попова (1915—1917), Елизавета Ефимовна Куликова (1916—1921), Елена Петровна Баратынская (1915), Зиновия Васильевна Евсеева (1916), Ивонно Донатовна Богданосвкая-Гиенэф (1915—1917), Капитолина Матвеевна Игошина (1917), Надежда Дмитриевна Дурмалатова (1917), Елизавета Васильевна Никитина (1917), Вера Федоровна Формаковская (1917—1920), Ольга Семеновна Далецкая (1917), В. Ф. Маталеева. В полевых исследованиях принимали участие студентки Стебутовских курсов Гурьянова (1920), Юшкова (1920) и студент университета В. И. Апраксин. Проведением лабораторного анализа почв занимались Мария Никитична Савельева (1917—1921) и О. О. Дворжак (1920). К работам привлекались также губернский луговед З. М. Коренавкина и сотрудник Губземотдела В. Н. Кузнецов (он возглавлял Барышскую луговую станцию), мастера по луговодству Кизилов и Н. Н. Перепелкин.

Из некоторых студенток, которые работали вместе с А. П. Шенниковым, впоследствии вышли известные ученые-геоботаники. Так, Ивонна Донатовна Гиенэф (Богдановская-Гиенэф, 1886—1968), проводившая на территории Симбирской губернии исследования сурских лугов в Алатырском и Курмышском уездах, стала выдающимся ученым болотоведом, профессором, доктором биологических наук — одним из основоположников советского болотоведения. По материалам исследований симбирских лугов ею совместно с А. П. Шенниковым была опубликована статья[2].

Исследования лугов Шенниковым велись вначале маршрутным методом, а с 1915 г. — и стационарно. Маршрутными исследованиями в 1914 г. были охвачены луга по р. Барышу (среднее и нижнее течение), по р. Суре (от Бар. Слободы до Курмыша) с притоками Меней и Пьяный и по Волге — от Симбирска до с. Рождественского.

В 1915 г. были описаны луга по Суре вверх от устья Барыша, по верхнему течению Барыша, по рр. Сызрану, Свияге и в остальной части волжской поймы.

Летом 1916 г. было продолжено маршрутное обследование, велись работы на наблюдательных участках. В кратком сообщении о геоботаническом исследовании лугов Симбирской губернии в

1916 г. и проекте его продолжения А. П. Шенников отмечал, что методом маршрутного обследования были описаны луга в следующих районах: 1. Верховья Барыша — в окрестностях сс. Н. Туарма, Мухино, Соплевка и Березовка Карсунского уезда. Луга здесь были первоначально описаны в 1915 г. Описание проведено повторно с той целью, чтобы получить дополнительные сведения и отметить изменения, вызванные особенностями погоды 1916 г. 2. Район р. Свияги. Описаны луга около сс. Шумовка, Елхово-Озерное в дополнение к данным 1915 года. 3. Долина р. Алатыря[3]. Особенностью последних лугов, писал Шенников, является наличие больших площадей с бекманией — мало распространенным растением. А. П. Шенников рекомендовал луга с бекманией в пойме Алатыря использовать для массового сбора семян. По его мнению, это отличное кормовое растение и превосходная луговая культура на сырых почвах. Недаром североамериканские фермеры выписывали семена бекмании из России.

Для знакомства с лесными и другими сенокосными угодьями, расположенными вне обследованных речных долин, в 1916 г. были осуществлены три маршрута: по водоразделу между Свиягой и Сурой от Елхово-Озерного через Мокрую Бугурну, Убеи, Какерли, Мочалеи, Нов. Айбеси до г. Алатыря; по водоразделу между Сурой и Алатырем от с. Ратово через Теплый Стан, Базарное Талызино до с. Тарханово Ардатовского уезда; по линии Вешкайма — ст. Зиновьевка и затем ст. Безводовка — Томилево — Еделево — Шереметево — Шемырша — Коптевка. Далее А. П. Шенников указывает: «Более подробное обследование водораздельных лугов необходимо, так как в некоторых районах они составляют существенную часть луговой площади... Маршрутные обследования губернии надо заканчивать, исследовав водораздельные луга. Центр тяжести перенести на наблюдательные участки...»[4].

В 1917 г. продолжалось обследование водораздельных лугов, главным образом в Карсунском уезде, а также степных и залежных лугов — в Сызранском уезде. В 1918 г. маршрутное обследование продолжить не удалось — вначале из-за дороговизны передвижения, потом — вследствие военных действий на территории губернии. Таким образом, из сравнительно крупных долин остались необследованными только луга по р. Усе.

В последующие годы маршрутные исследования больше не проводились, и все силы А. П. Шенникова и его сотрудников были отданы организации стационарных наблюдательных участков. Задачи стационарных наблюдений Шенников изложил в своем «Кратком сообщении о геоботаническом исследовании лугов Симбирской губернии в 1916 г. и проекте продолжения его». Им были выдвинуты четыре основные задачи: «1. Изучение развития отдельных растений,

играющих видную роль в травостое... Однако, имея в виду громоздкость темы, ее малую разработанность и ограниченные средства, с какими ведется наше исследование, следует начинать с немногих из главнейших растений... 2. Изучение различных сортов одного и того же растения, а также близких друг к другу видов. Эта задача непосредственно связана с первой и выполнение ее должно дать начало местному лугосортоводству и созданию питомников местных кормовых трав... 3. Данные наблюдения позволяют судить о значении для состава и жизни луговой растительности различных условий внешней среды... 4. Изучение климата речных долин... Ведение наблюдений над влажностью и температурой воздуха, испаряемостью почвы и над количеством осадков. Эти данные необходимы для ведения пойменного лугового хозяйства»[5].

Стационарные наблюдения были организованы уже в 1915 г. на двух наблюдательных участках: на волжских лугах около Карамзинской колонии и на сурских лугах в Курмышском уезде. В 1916 г. был образован третий участок у с. Старая Зиновьевка Карсунского уезда на лугах в долине р. Барыша.

На Волжском наблюдательном участке стационарные наблюдения велись с 1915 по 1921 гг. Как отмечал А. П. Шенников, «их продолжительность была сильно обесценена недостатками организации... Во-первых, в течение первых четырех лет исследования ежегодно намечались только на одно лето и продолжение их не предполагалось. Отсюда стремление (и необходимость ввиду задания) охватить возможно большее разнообразие типов лугов, в ущерб детальности изучения... В результате стационарные наблюдения велись более чем на 20 участках, но только один из них оставался учетным 6 лет, остальные же по 2—4 лета, а некоторые одно лето...». Во-вторых, исследования велись «...при совершенно ничтожных средствах, в самых примитивных условиях и без оборудования, и даже без помещения для сотрудников». В-третьих, «исследования были начаты 15 лет тому назад. Это было время, когда подобные исследования только еще кое-где начинались, их программы и приемы только формировались и для оценки их не было еще материалов. В методике работы каждый из исследователей должен был полагаться только на себя, так как научное общение в годы войны было сильно затруднено. Методологические ошибки были почти неизбежны»[6].

Луга около Карамзинской колонии были превосходны как объект для стационарных исследований. Но жить там А. П. Шенникову и его сотрудникам было негде: устраивались кое-как на бывшей ферме Чувашской школы (в 2 км от ближайших учетных участков), при Вырыпаевской сельскохозяйственной школе (в 4 км) или в самой Карамзинской колонии, и без того крайне переполненной.

В 1918 г. Волжский наблюдательный участок превратился

в настоящую луговую станцию. Создание материальной базы стало главной задачей, в выполнении которой принимали участие все сотрудники и в жертву которой принесены были в значительной мере исследовательские работы. К весне 1921 г. Волжская луговая станция имела уже более или менее прочную оседлость, получив в 1920 г. для своих надобностей земли и постройки Вырыпаевской сельскохозяйственной школы и устроив маленькую хижину вблизи учетных участков (из ветхого амбарчика, уступленного Карамзинской колонией). Завелся различный хозяйственный инвентарь, вплоть до лошадей и луговых орудий. Лошадей Шенникову предоставлял Губоргасев[7]. Появилось и лабораторное оборудование: микроскопы, метеорологические приборы, а также библиотека. Функционировали два питомника и опытный луг, на которых отрабатывалась техника пойменного луговодства.

А. П. Шенников придавал большое значение работам на опытном лугу. В своем письме в Губземство[8] он предложил много различных опытов, которые можно объединить в две группы. «...Первую группу составляют опыты с боронованием, с подсевом, с комбинациями этих мероприятий...» Другая группа — опыты «по созданию искусственных постоянных лугов после уничтожения долины естественного луга и посеву травосмесей с последующим уходом». Помимо опытного поля, А. П. Шенников предложил выделить для исследований запасной заповедный участок луга, территорию для устройства опытного питомника луговых растений и земли для некоторых других целей — всего 60 десятин. Для обслуживания этой площади Шенников просил Губземство предоставить ему восемь лошадей. Опытный питомник располагался около с. Вырыпаевка[9].

На Волжских наблюдательных участках работали В. М. Попова, Е. Е. Куликова, Е. П. Баратынская, В. Ф. Фармаковская, В. Ф. Маталаева, Гурьянова, Юшкова, В. И. Апраксин. В. М. Попова, а затем Е. Е. Куликова заведовали наблюдениями и составляли годовые сводки.

Перейти от кустарности первых лет работы к организованному опытному луговедению и луговодству помешал голодный 1921 год, тяжести которого луговая станция не выдержала. Стационарные луговые исследования в Симбирской губернии прекратились.

Второй опытный участок располагался при с. Ст. Зиновьевка — имении графини А. Ф. Толстой (ныне Новый Дол Барышского района) на лугах в пойме р. Барыша. Наблюдения там были организованы в 1916 г. В фондах ГАУО имеется письмо Губземства к графине Александре Федоровне Толстой. «...Зная о внимании Вашего сиятельства к научному изучению родной губернии, Губернская управа позволяет себе обратиться к Вам с просьбой об отводе нескольких участков луга, в местах указанных губернским

геоботаником... в общей сложности 1/2 десятины для того, чтобы на них в течение всего лета приглашенными управою лицами производить наблюдения над почвами и растительностью...»[10].

Заведующим Барышской луговой станцией был назначен В. Н. Кузнецов, сотрудником — Н. Н. Перепелкин. В 1920 г. они были призваны на военную службу. Наблюдательницами на этом участке работали Е. П. Баратынская и З. В. Евсеева.

Третий наблюдательный пункт находился на сурских лугах Курмышского уезда. Он начал действовать в 1915 г. Наблюдения и обработку полученных материалов здесь вела И. Д. Богдановская-Гиенэф. Ей помогали К. М. Игошина и Т. М. Шиц. Первоначально наблюдательный участок располагался при с. Медяны, позднее он был перенесен в Пильну, так как там ближе лесные луга и поляны по реке Пьяне[11]. При геоботанических наблюдениях использовались данные наблюдений разливов рр. Суры и Пьяны за 1914—1915 гг., полученные от технического отдела линии Арзамас—Шихраны общества Московско-Казанской железной дороги (последним эти данные были нужны при постройке мостов)[12]. Наблюдения на Сурском участке велись до 1917 г.

А. П. Шенников уделял большое внимание созданию лугового музея в Симбирске и считал его появление в городе одним из естественных результатов исследования лугов[13]. Уже в 1916 г., после трех полевых сезонов, Шенников считал, что на основе имеющихся материалов можно создавать музей. В своем письме к П. П. Елизарову[14] он писал: «...хочется подвести осязательные итоги всему, что сделано и собрано, чтобы видным было дальнейшее и прямой путь к нему».

По мнению А. П. Шенникова, экспозиция музея должна была отражать самые различные стороны симбирских лугов. Это видно из перечня экспонатов, которые он предполагал использовать при создании музея: монолитные образцы почв различных типов лугов, образцы сена, характерные для различных типов лугов, вредные и полезные растения, типы корневых систем, экспонаты, иллюстрирующие влияние выпаса скота на луговую растительность, вредители луговых растений, модификации растений, произрастающие в различных условиях, всевозможные таблицы, диаграммы и кривые, характеризующие с различных сторон растительность луга, схематические профили речных долин, фотографии различных видов лугов и отдельных их частей, карта Симбирской губернии с обозначением районов обследования, гербарий луговых и других растений, гербарий паразитных грибов, живущих на луговых растениях[15]. Создание музея (при наличии помещения) по расчетам Шенникова должно было обойтись примерно в 2000 руб. Сюда входили расходы на

различные материалы, необходимые для создания экспозиции, монтировку экспонатов, оплату труда сотрудников, осуществляющих поддержание экспозиции в порядке, охрану музея, отопление и т. д.[16]. В дальнейшем такой музей, по мнению Шенникова, «...с изысканием средств разрастется в общий сельскохозяйственный музей Губземства»[17].

Однако осуществление этих планов на деле оказалось очень трудным. Во-первых, встал вопрос о помещении для будущего музея. Очень скоро выяснилось, что его нет и в ближайшее время не будет. Остался единственный выход: просить администрацию Симбирского естественно-исторического музея предоставить свои площади хотя бы для хранения материалов исследований[18]. 19 августа 1916 г. материалы из Губземства (где они до этого хранились) были перенесены в естественно-исторический музей[19]. По-видимому, и впоследствии все собранные по лугам материалы поступали сюда. Их накопилось очень много. Чтобы сохранить все собранное в надлежащем виде, необходимо было произвести разборку — прежде всего гербария. Но даже для обработки гербария в музее не хватало места, приходилось арендовать классные комнаты в ближайшей школе, пустующей летом[20]. Хранение и обработка гербария были возложены на хранителя музея Д. Е. Перкина[21] и С. К. Синицына[22].

Финансирование работ по обработке и хранению гербария осуществляло Губземство. Гражданская война, а затем голод вынудили к 1921 г. прекратить луговые исследования и работы по созданию лугового музея. Гербарий луговых растений долгое время хранился в Симбирском естественно-историческом музее (позже Ульяновском областном краеведческом). Сколько всего гербарных листов было передано Шенниковым музею, сейчас сказать трудно. Имеется лишь указание на то, что при составлении перечня необходимых экспонатов для лугового музея А. П. Шенников считал необходимым иметь свыше 800 видов растений в количестве 5000 гербарных листов[23].

К настоящему времени сохранилось 550 листов, относящихся к 335 видам растений. Столь жалкие остатки некогда роскошного гербария мы имеем в первую очередь вследствие неблагоприятных условий хранения, недостатка площадей, малого штата сотрудников, обеспечивающих учет и хранение фондов. Сырость, насекомые, грибки сделали свое дело.

А. П. Шенников высоко ценил симбирские луга. «В отношении качественном, — писал он, — луга Симбирской губернии замечательно разнообразны. Без преувеличения можно сказать, что губерния занимает в этом отношении выдающееся, если не исключительное, положение среди других местностей Европейской России[24].

К концу летнего сезона 1915 г. А. П. Шенниковым был собран

богатый материал по лугам Симбирской губернии. Встал вопрос о его опубликовании. Договоренность была достигнута ранее с редакцией журнала «Записки областного естественно-исторического музея». Предполагалось к 1916 г. подготовить издание в размере 15 печатных листов текста, 16 таблиц фотографий и большого количества отдельных чертежей и рисунков. Планируемый тираж — 350 экз. для журнала и 1000 отдельных оттисков. Ориентировочная цена издания — не более 1600 руб., финансирование за счет Губземства[25].

Однако в связи с военным положением и вытекающими отсюда трудностями с бумагой, финансированием и т. д. издание смогло частично осуществиться лишь в 1917 г. С большими трудностями было отпечатано лишь 2 листа текста и 20 таблиц фотографий. Оттиски имеются в ГАУО[26]. Здесь же — сопроводительное письмо редакции «Записок», в котором указываются причины, вынудившие прекратить издание: «...Редакция принуждена была дважды менять типографию в надежде довести печатание труда г. Шенникова до конца, но к сожалению успели получить отпечатанными только два листа, когда типография «Энергия» прекратила всякую работу». Для лучшей сохранности бумага, клише и отпечатки были отправлены в агрономический отдел Губземства[27].

Как следует из письма А. П. Шенникова в Губземство, причиной отказа издательства продолжить работу явилось чрезмерное удорожание печатания. Теперь все издание обошлось бы в 12—15 тыс. руб. (при отпущенных ранее 1,6 тыс. руб.). «Удалось только сдать работу моего помощника А. А. Горбовского (о грибах—вредителях луговой растительности) для напечатания в очередном выпуске «Журнала Русского Ботанического общества при Академии наук»[28].

Труд А. П. Шенникова полностью был издан лишь в 1919 г. Симбирским губернским земельным отделом в объеме 15 печатных листов. И уже тогда получил высокую оценку у практиков сельского хозяйства. В фондах ГАУО находится сопроводительное письмо к упомянутой книге от отдела сельскохозяйственных мелиораций Наркомзема в редакционный комитет, где, в частности, говорится: «...Не входя в детальную оценку труда Шенникова и предоставляя это редакционному комитету, отдел считает, однако, необходимым отметить, что означенный в сем труд является весьма ценным как по изложенному в нем крайне интересному и совершенно оригинальному методу исследования аллювиальных лугов, так и по самому объему исследования, захватывающему все речные долины губернии»[29].

Следует отметить, что работа А. П. Шенникова 1919 года не полностью дублирует те оттиски, которые были отпечатаны в 1917 г., поэтому последние представляют самостоятельный интерес. Впоследствии по материалам луговых исследований в Симбирской губернии А. П. Шенников опубликовал целый ряд работ[30]. Из них

наиболее капитальной сводкой о лугах Симбирской губернии является его труд 1930 года. Несомненно, данные о симбирских лугах ученый использовал и в своих более поздних теоретических работах[31]. Принципы классификации лугов он выработал еще в симбирский период своей деятельности. В письме к П. П. Елизарову от 29 декабря 1915 г. Шенников писал, что сделал доклад в Обществе естествоиспытателей на тему «О принципах классификации лугов». «...Обоснования этих принципов, можно сказать, выросли на симбирских лугах, и после них классификация других авторов и мои прежние, в том числе — мне показались несостоятельными»[32].

С момента геоботанического исследования А. П. Шенниковым симбирских лугов прошло 70 лет. За это время растительность неизбежно менялась в результате все возрастающего антропогенного воздействия. В основном, изменения несут негативный характер: снижается разнообразие флоры, некогда распространенные растения становятся редкими, некоторые виды, отмеченные А. П. Шенниковым для Симбирской губернии, в настоящее время не встречаются. В этом отношении интересно проанализировать сохранившийся в фондах УКМ гербарий. Он включает 335 видов, относящихся к 60 семействам. Из этого числа 264 вида собраны на территории, относящейся к Ульяновской области, 71 вид — за ее пределами. Из 264 видов 31 являются в настоящее время редкими и очень редкими для области, среди них: тысячеголов испанский, солнцецвет монетолистный, осока прямоколосая, черноколосая, светлая, шпажник черепитчатый, рябчик русский, бровник одноклубневый, пальчатокоренник мясокрасный, ятрышник шлемовидный, мортук пшеничный и др.

Многие из ныне редких видов ранее были гораздо более распространенными и указывались для мест, где в настоящее время не встречаются. Например, шпажник черепитчатый указывался А. П. Шенниковым в 1916 г. для окрестностей с. Куроедово (р. п. Барыш). Сейчас он там не встречается. Восемь видов, указанных Шенниковым, в настоящее время не встречаются на территории Ульяновской области вообще. Это щитовник шартрский, вечерница ночная фиалка, качим пучковатый, бассия иссополистная, осока волосовидная, осока буксбаума, осока стоповидная, любка зеленоцветковая.

Оскуднение флоры, безусловно, связано с неблагоприятными последствиями антропогенного воздействия: распашка лугов, неумеренный выпас скота на них (кстати говоря, Шенников давал рекомендации по оптимальной нагрузке на луга при выпасе[33]), затопление лугов водами водохранилища. Последнее в первую очередь относится к волжским лугам, ныне не существующим.

Данные А. П. Шенникова по флоре и растительности лугов,

несомненно, могут быть использованы при разработке мероприятий по охране растений.

[1] Шенников А. П. Луга Симбирской губернии, вып. 1. Симбирск, 1919, с. 5.

[2] Шенников А. П., Богдановская-Гиенэф И. Д. К вопросу о влиянии весеннего *и осеннего выпаса на* растительность лугов. — Журнал опытной агрономии, 1924, вып. 1

[3] ГАУО, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 243, л. 4.

[4] Там же.

[5] Там же, л. 4-11.

[6] Шенников А. П. Волжские луга Средневолжской области. Ульяновск, 1930, с. УП-4.

[7] ГАУО, ф. Р-336, оп. 59, ед. хр. 165, л. 45.

[8] Там же, с 116.

[9] Там же, л. 48-49.

[10] ГАУО, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 207, л. 32.

[11] Там же, л. 21.

[12] Там же, л. 54.

[13] Там же, ед. хр. 23, л. 3.

[14] Там же, ед. хр. 207, л. 116-117.

[15] Там же, ед. хр. 23, л. 2-3.

[16] Там же, л. 3.

[17] Там же.

[18] Там же, ед. хр. 207, л. 89.

[19] Там же, л. 97.

[20] ГАУО, ф. Р-336, оп. 45, ед. хр. 23, л. 11.

[21] ГАУО, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 243, л. 74.

[22] Там же, ед. хр. 207, л. 110.

[23] Там же, ед. хр. 23, л. 2.

[24] Шенников А. П. Луга Симбирской губернии, с. 3.

[25] ГАУО, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 207, л. 7-10.

[26] Там же, ед. хр. 243, л. 113-135.

[27] Там же, л. 115.

[28] Там же, л. 141-142.

[29] ГАУО, ф. Р-336, оп. 59, ед. хр. 165, л. 77.

[30] Шенников А. П., Баратынская Е. П. Из результатов исследования строения и изменчивости луговых сообществ. — Журнал Русского ботанического общества, 1923, т. 8; 1924, т. 8; 1925, т. 8; Шенников А. П., Богдановская-Гиенэф И. Д. К вопросу о влиянии весеннего и осеннего выпаса на растительность лугов. — Журнал опытной агрономии, т. 22, вып. 1, 1924; Шенников А. П., Синицын С. И. Материалы к ботаническому и сельскохозяйственному познанию выгонов. — Журнал опытной агрономии, 1924, т. 22, в. 1; Шенников А. П. Волжские луга Средневолжской области. Изд. Ульяновского окружного земельного управления и окрплана, 1930.

[31] Шенников А. П. Принципы ботанической классификации лугов. — Советская *ботаника*, 1935, № 5; *Он же*. Луговедение. Л., изд-во ЛГУ, 1941;*Он же*. Введение в геоботанику. Л., изд-во ЛГУ, 1964.

[32] ГАУО, ф. 46, оп. 10, ед. хр. 207, л. 3—4.

[33] См.: Шенников А. П., Богдановская-Гиенэф И. Д. К вопросу о влиянии весеннего и осеннего выпаса скота на растительность лугов.

О. В. Бородин

Птицы города Ульяновска

Быстрая урбанизация оказывает значительное воздействие на животный мир. Города, отторгая у естественной природы большие площади, коренным образом изменяют ландшафт. Но город не является «экологической пустыней». Здесь складываются своеобразные, хотя и обедненные, биоценозы. Одним из их важнейших компонентов являются птицы.

Птиц города Ульяновска автор изучал в течение 1975—1989 гг. Авифауна Ульяновска никем ранее не была исследована, и данная публикация может служить основой для последующих работ по этой или смежным темам. В дальнейшем необходимо провести глубокое изучение экологических адаптаций птиц к урбанизированным условиям существования, их численности в городских биотопах, исследовать орнитологическую обстановку в заволжской части города и т. д.

Как известно, Ульяновск расположен в среднем течении Волги на берегах Куйбышевского водохранилища. Основная, правобережная часть города находится на возвышенности. Крутой волжский склон занят садово-огородными участками, парками, кустарниками, пустошами.

Своеобразие городскому ландшафту придает река Свияга, приток Волги, которая пересекает Ульяновск в общем направлении с юга на север. В черте города значительная часть берегов этой реки застроена. Однако сохранилась обширная пойма, заросшая ивами, тростником, рогозом, осокой, луговой и сорной растительностью. Так, недалеко от автовокзала находится пойменное Черное озеро. Оно сильно заросло прибрежной растительностью, площадь водного зеркала сократилась до полутора гектаров. Вместе с прилегающим участком озеро имеет важное значение как место обитания птиц. Здесь наблюдаются начальные этапы синантропизации ряда видов (кряква, камышница, рябинник, сорока), встречено наибольшее число неворобьиных птиц, редких в урбанизированном ландшафте.

В Ульяновске есть овраги, пустыри, большое старое кладбище, бульвары и скверы, несколько парков. Особенно важны с орнитологической точки зрения Винновская роща, которая является памятником природы, и парк Победы. Значительная площадь как внутри, так и по окраинам города занята садово-огородными участками. Наряду с обширными кварталами современной застройки большую террито-

рию занимают кварталы старогородского типа (чаще двух-трехэтажные) и частные одноэтажные деревянные дома с приусадебными участками. Имеются крупные промышленные и складские зоны. Население города достигло 640 тыс. человек, площадь Ульяновска — более 200 кв. км. Город окружен в основном сельскохозяйственными территориями, лишь местами к нему подступают остатки широколиственных и смешанных лесов, лесопосадки.

Вследствие такой ландшафтной мозаики в городе встречаются птицы, представляющие различные экологические группы. Это древесно-кустарниковые, водные и околоводные птицы, виды открытых пространств и птицы-скальники. Всего за период исследований (15 лет) в экологических границах города автор отметил 146 видов птиц из 15 отрядов. Это несколько больше половины всего многообразия птиц Ульяновской области. Авифауна города не является уменьшенной или упрощенной копией региональной. Если в фауне птиц области воробьиные составляют около 41%, то в городе — почти 60% всей авифауны и подавляющее большинство видов, гнездящихся в городских условиях — 74,6%.

В Ульяновске зарегистрировано гнездование 59 видов. Очень вероятно, но пока не доказано, гнездование еще десяти. Зимой встречено 42 вида (здесь учтены и встреченные лишь по одному разу: обыкновенный скворец, дрозд-белобровик, зяблик, коноплянка) — см. таблицу в конце статьи.

Основу населения птиц города образуют экологически пластичные виды. Это спутники человека — синантропные птицы: сизый голубь, кольчатая горлица, черный стриж, деревенская ласточка, воронок, обыкновенный скворец, галка, грач, горихвостка-чернушка, домовый и полевой воробьи. Связи птиц-синантропов с человеком установились давно, это наиболее приспособленная к условиям города группа.

Другие птицы — их условно можно назвать «урбофилами» — осваивают город, достигая иногда высокой степени синантропизации. Однако основная масса птиц этой довольно условной группы обитает вне населенных пунктов. Наиболее яркие представители: белая трясогузка, сорока, серая ворона, варакушка, обыкновенная горихвостка, обыкновенная каменка серая мухоловка, большая синица, обыкновенная зеленушка, коноплянка.

Группа видов-урбофобов существует в городе постольку, поскольку здесь сохраняются «островки» свойственных им природных биотопов. Существование их рядом с человеком, в большом городе, имеет не только научное и природоохранное, но также воспитательное и эстетическое значение. Так, например, на Черном озере в пойме Свияги гнездятся такие интересные виды, как кряква, чирок-трескунок, луговой и камышовый луни, камышница, желтоголовая

трясогузка, соловьиный сверчок, камышовки — барсучок и дроздовидная, обыкновенный ремез, тростниковая овсянка.

Экологические условия города подвержены быстрым изменениям. В таких нестабильных условиях процветает и доминирует по численности лишь небольшое количество синантропных видов.

Городская авифауна не есть нечто застывшее, она постоянно изменяется, одни виды исчезают, другие появляются вновь. В августе 1979 года на улице Автозаводской впервые зарегистрирован пришелец с юго-запада — кольчатая горлица, которая в последние десятилетия очень быстро расширяет свой ареал, расселяясь по населенным пунктам. В настоящее время кольчатая горлица, оставаясь редким видом, гнездится в густо озелененных старыми тополями кварталах старогородского типа в Засвияжье, Заволжье и Железнодорожном районе. В мае 1980 года, июне 1984 года, июле 1985 года на строящихся зданиях в разных частях города были обнаружены поющие самцы горихвостки-чернушки, нового для нашего региона вида. Эта птица, представляющая комплекс скальных видов, проникла к нам с запада. Очень возможно, что связано это с большим размахом строительства, и особенно с появлением в 1970-х годах значительного числа законсервированных строек — «долгостроя», где горихвостка-чернушка находит оптимальные условия. В данном случае строящиеся здания являются аналогом отдельно стоящих скал. Ни кольчатая горлица, ни горихвостка-чернушка в «дикой» природе у нас не обитают.

Наблюдается быстрое освоение города сороками и серыми воронами. А вот грачиные колонии из центра вынуждены перемещаться ближе к окраинам, так как за кормом летать становится далеко. Грачиному благополучию грозит и развернувшаяся в последние годы кампания против тополей в городе. По учетам 1985 года в Ульяновске гнездилось около 950 пар грачей в 11 колониях. Самая крупная — на тополях вдоль улицы Автозаводской — 410 гнезд. Сейчас их значительно меньше.

В связи с развернувшимся в пойме Свияги строительством здесь стал гнездиться малый зуек, использующий намытые песчаные берега. В садах на волжском склоне, примыкающих к лесу, гнездятся лесные коньки. Они проникли в глубь садов на 1—2 км от их естественного места обитания. Интересен случай гнездования пары воронов, малочисленных и осторожных птиц, почти в центре Ульяновска на металлической опоре ЛЭП (эта пара гнездится здесь ежегодно по меньшей мере 12 лет).

Массовые посадки рябины, боярышника, барбариса, кизильника и мелкоплодных яблонь привлекают зимой большие стаи свиристелей, дроздов-рябинников, снегирей. 1 марта 1986 года на участке улицы Ефремова (650 м) автор обнаружил небывалое скопление снеги-

рей — около 1300 особей, которые кормились плодами растущих вдоль улицы ясеней. 5 марта 1989 года здесь же на нескольких десятках плодоносящих ясеней и под ними держалось около 900 снегирей. На подросших декоративных елях колючих (голубых) охотно гнездятся зеленушки и коноплянки, ставшие обычными городскими птицами. Благодаря посадкам лоха серебристого частыми гостями города являются дубоносы.

С другой стороны, в последние годы из-за освоения поймы Свияги перестали встречаться малая выпь, луговой лунь, малый погоныш и ряд других видов. С увеличением числа посетителей парка Победы его покинула обыкновенная горлица, почти исчезли наземногнездящиеся птицы. Можно привести еще ряд подобных примеров. Несомненно, развитие авифауны зависит от социально-экономического развития города, воздействующего на экологические условия.

На жизнь птиц в городе влияют различные антропогенные факторы, имеющие как положительное, так и отрицательное значение для их экологии. Город представляет птицам обширные местообитания, составляющие сложную мозаику построек, парков, водоемов, садово-огородных участков, пустырей и т. д. Круглый год здесь существует относительное обилие кормов антропогенного происхождения, благоприятен микроклимат. Воздействуют на птиц и другие факторы: отсутствие пресса хищников, охоты; наличие множества укрытий для гнездования, сна и отдыха; развеска искусственных гнездовий; подкормка в зимний период; термальные воды и очистные сооружения; интродукция экзотических и плодовых растений; подстрижка деревьев и кустарников, образующая густые мутовки. С другой стороны — большая плотность городского населения и транспорта, резкое усиление фактора беспокойства, уплотнение застройки, обилие различных коммуникаций, большое число бродячих собак и кошек, химическое, физическое (в т. ч. шумовое) загрязнение среды, неудобоваримые корма, разорение гнезд. Эти и другие факторы вызывают адаптацию птиц к урбанизированному ландшафту, которая выражается в изменении поведения, питания, сезонного и суточного ритмов, экологии размножения, даже морфологии и физиологии, что позволяет им широко использовать возможности среды, увеличивать численность, расселяться внутри и вне ареала.

Поведенческие реакции могут быть самыми неожиданными. В Ульяновске сизые голуби и белые трясогузки иногда садятся на движущиеся с небольшой скоростью грузовики с пищевыми отходами, зерном. У городских птиц наблюдается сильное уменьшение дистанции их вспугивания и бегства (серая ворона, сорока, дрозд-рябинник, кряква и др.). Например, сизые голуби на городских улицах кормятся у ног прохожих, но те же голуби, вылетающие осенью на поля по окраинам, не подпустят человека ближе, чем на несколько метров.

Два раза в парке Победы автор видел пестрых дятлов, выбивающих весеннюю дробь на мощных резонаторах — металлических плафонах ламп уличного освещения (1 мая 1980 г. и 2 мая 1987 г.) Вероятно, такое очень редкое поведение является приспособлением к шумовому загрязнению городской среды.

Изменяется спектр кормов и характер кормодобывания. Большое значение в питании ряда видов имеют пищевые отходы. На них переключаются не только традиционные «любители помоек» — галка, грач, серая ворона, ворон, воробей, но также — сизый голубь, озерная, серебристая и сизая чайка, сорока. Отмечены случаи кормежки свиристелей на пищевых отходах. В городе около будок с такими отходами часто гнездятся белые трясогузки, т. к. здесь всегда много мух, служащих пищей для этих насекомоядных птиц. Многочисленные врановые в смешанных стаях, сизые голуби и чайки совершают суточные кормовые перелеты из города утром и со свалки в город — вечером. В таких перелетах участвуют тысячи птиц.

Свиристели нашли в городе богатую кормовую базу в виде плодов рябины, боярышника, барбариса, кизильника, снежноягодника, даже поедают плоды бархата амурского. Сизые голуби зимой ведут себя необычно: садятся на ветви мелкоплодных яблонь и, словно дрозды, заглатывают их плоды.

Особые микроклиматические и кормовые условия в городе приводят к изменениям сезонного и суточного ритмов жизни птиц. Некоторые ближние мигранты остаются у нас на зиму. Яркий пример — грачи, которые в заметном числе зимуют в Ульяновске. За последние 12 лет четыре зимы в городе в значительном количестве зимовали дрозды-рябинники. По одному разу в это время года встречены: обыкновенный скворец, дрозд-белобровик, зяблик, коноплянка. В небольшом числе зимой остаются дубоносы и кольчатые горлицы. На незамерзающих участках Свияги и пруда-охладителя ТЭЦ-1 зимуют до нескольких десятков крякв. Озерные, сизые и серебристые чайки, используя пищевые отбросы на свалках, задерживаются до ледостава на Куйбышевском водохранилище.

Сизые голуби, глубоко синантропные птицы, в небольшом количестве даже гнездятся зимой. Их слетки встречаются в любом из зимних месяцев. Птенцы пары воронов, ежегодно гнездящихся недалеко от улицы Кирова на опоре ЛЭП, вылетают из гнезда обычно в последних числах апреля — на 10—20 дней раньше, чем за городом. Сроки размножения некоторых видов растягиваются. Так, последние птенцы воронков (городских ласточек) покинули гнезда в 1980 году — 17 сентября, в 1989 году 12 сентября. Пара коноплянок, еще выкармливающая трех летных птенцов, была встречена 7 сентября 1980 года на бульваре Новый Венец.

В условиях города широко проявляется пластичность видовых стереотипов гнездования. Как известно, из города в первую очередь вытесняются наземно- и низкогнездящиеся птицы. Поэтому обычной реакцией таких видов является увеличение высоты гнездования. Фактов такого рода пока немного. Средняя высота гнездования дроздов-белобровиков в парке Победы г. Ульяновска 2,3 м (восемь гнезд), а совсем рядом, в лесопарке лишь 0,6 м (десять гнезд). Грачи не строят гнезда ниже 10—11 метров, хотя в загородных лесополосах они гнездятся невысоко. Сороки, исходно кустарниковые птицы, в городе располагают гнезда в кронах высоких деревьев, что позволяет им гнездиться даже во дворах школ и в промышленной зоне.

Некоторые птицы, в «дикой» природе гнездящиеся на земле или на деревьях, в урбанизированных условиях строят гнезда на зданиях, сооружениях: белая трясогузка — под шифером крыш; ворон — на металлической опоре линии электропередач; ряд колоний грачей в западной части Ульяновска расположен на таких же опорах; серая мухоловка — в нише на веранде детского сада, на металлическом каркасе стенда в парке; дрозд-рябинник — тоже на металлическом каркасе и на крыше скворечника. Иногда встречаются и более удивительные случаи. В июне 1981 и 1989 гг. на улице Автозаводской автор наблюдал пару больших синиц, которые выкармливали птенцов в полом металлическом вертикальном столбе ограды детского сада. В парке Победы такое же гнездо найдено в 1989 году в полости железобетонного столба, в самом шумном месте. Одно из гнезд белой трясогузки помещалось в нише бездействующего передвижного котла для варки смолы во дворе школы. На густой лапе декоративной североамериканской ели около пединститута найдено гнездо этого же вида на высоте 2,3 м (7 июня 1978 г.), хотя известно, что трясогузки на деревьях не гнездятся. На улице Советской в 1978 г. на вязах после их подрезки появились густые мутовки. В одной из них пара домовых воробьев построила открытое шарообразное гнездо с боковым летком, что в нашей местности ранее не наблюдалось. Воробьи обычно делают гнезда в каких-либо укрытиях.

Изменяться могут материалы и характер гнездовой постройки. Коноплянки и воробьи часто используют для строительства гнезд нитки, бумажки, веревочки, человеческий волос. В гнездах врановых птиц иногда попадаются длинные куски проволоки. В сорочьем гнезде на волжском склоне обнаружили более килограмма алюминиевой проволоки. Одна из построек зяблика в парке Победы была облицована не берестой, как обычно, а кусочками бумаги и полиэтиленовой пленки. Два гнезда щеглов были свиты из корешков трав с большим количеством ваты, которой они заменили растительный пух.

У ряда синантропных птиц наблюдаются и морфологические особенности. Так, в Ульяновске исходная — сизая — морфа у сизых голубей сравнительно редка: лишь около 3% от общей численности. Преобладают голуби с более темной пигментацией, т. н. «черночеканная» морфа. Встречаются частично альбиносы, меланисты и птицы с медным оттенком оперения. Частичный альбинизм наблюдается у домовых воробьев, изредка — у галок, серых ворон.

Изучение влияния факторов среды на экологию и поведение птиц дает нам возможность целенаправленно формировать авифауну города, мягкими экологическими методами регулировать численность и управлять поведением птиц.

Охрана и привлечение птиц в город может проводиться различными способами. Однако сейчас она практически сводится к стихийной развеске скворечников и зимней подкормке.

С целью задержать на гнездовании в городе птиц-урбофобов и сохранения живописной зеленой зоны мы добились в 1982 г. признания Черного озера и прилегающего участка сырой поймы Свияги государственным памятником природы местного значения. К сожалению, озеро быстро деградирует из-за мощного строительства на его западном берегу, засорения городскими стоками, отходами. Сейчас разрабатываются планы развития вокруг Черного озера экологического парка.

Надо сказать, что в настоящее время озеленение и хозяйственная деятельность в Ульяновске осуществляются без учета проблем, связанных с развитием искусственных биоценозов. Так, например, наблюдается непреднамеренное привлечение птиц в город путем посадок плодовых, декоративных деревьев и кустарников. С другой стороны, на птичье население города отрицательно влияет развернувшаяся «война» с кустарниками в скверах и парках, стрижка живых изгородей в разгар сезона размножения, химическая обработка зеленых насаждений.

Искусственные гнездовья сейчас изготавливаются и развешиваются без учета экологии птиц. Заселяются они почти полностью скворцами и полевыми воробьями. Практически не изготавливаются гнездовья для мелких насекомоядных птиц.

Путем создания ремизов в парках и на других территориях города можно увеличить разнообразие и численность птиц. Могут быть предложены и другие биотехнические мероприятия, которые будут воплощаться при создании и развитии экологического парка в пойме Свияги, дендропарка.

Недавно созданный в Ульяновске комитет по охране природы в своей работе предусматривает внедрение комплекса мер для обеспечения благоприятных условий для птиц в городской черте.

В Ульяновске и его окрестностях отмечены конфликтные ситуации во взаимоотношениях людей и птиц. Бродячие кошки, санитарная чистка скверов и парков, массовое спиливание деревьев и кустов, регулярное кошение травы на газонах, снос старых деревянных домов, уплотнение застройки за счет пустырей и поймы ведут к ухудшению жизни птиц. С другой стороны, они, в свою очередь, также иногда досаждают людям, создавая разного рода проблемы: пачкают памятники, уничтожают урожай в садах и т. д. Гнездование и ночевки сотен пар грачей на улице Автозаводской вряд ли приносят удовольствие жителям.

В Ульяновском аэропорту в 1985 г. было зарегистрировано 29 случаев столкновений самолетов с птицами, четыре из которых привели к небольшим повреждениям воздушных судов (различные вмятины, обрыв заклепок, вогнутость лопатки двигателя). В 1986 г. там же было отмечено 26 столкновений. Из-за попаданий птиц в двигатели воздушных судов Центра гражданской авиации СЭВ в Ульяновске в 1987—88 гг. нанесен ущерб почти в 300 тыс. рублей. Вышли из строя и были досрочно заменены двигатели самолетов ТУ-134а, ЯК-42, ИЛ-86. Наиболее часто столкновения происходят в июле, августе и сентябре, в пору вылета молодняка из гнезд, массовых миграций птиц. Среди сбитых птиц идентифицированы: полевой жаворонок, черный стриж, кобчик, обыкновенная пустельга, дербник, черный коршун, болотная сова, сизая чайка, клуша, обыкновенный козодой, грач, скворец.

Все эти проблемы нами исследуются, по ним даны или готовятся рекомендации.

ПТИЦЫ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА

(Правобережье, 1975—1989 гг.)

1. Большая поганка	⊥
2. Малая выпь	г?
3. Серая цапля	⊥
4. Кряква	гМз
5. Чирок-свистунок	⊥
6. Чирок-трескунок	гм
7. Красноголовая чернеть	м
8. Морская чернеть	м
9. Обыкновенный гоголь	м
10. Черный коршун	⊥
11. Полевой лунь	⊥
12. Луговой лунь	г
13. Камышовый лунь	г
14. Тетеревятник	мз
15. Перепелятник	м
16. Зимняк	⊥
17. Канюк	⊥
18. Беркут	⊥
19. Чеглок	⊥
20. Обыкновенная пустельга	м
21. Серая куропатка	з
22. Перепел	⊥
23. Серый журавль	⊥
24. Погоныш	м
25. Малый погоныш	м
26. Коростель	м
27. Камышница	г
28. Лысуха	⊥
29. Малый зуек	гм
30. Чибис	м
31. Большой улит	⊥
32. Травник	м
33. Черныш	м
34. Перевозчик	м
35. Бекас	м
36. Дупель	⊥
37. Вальдшнеп	м
38. Озерная чайка	М

39.	Серебристая чайка	м
40.	Сизая чайка	м(М?)
41.	Черная крачка	м
42.	Малая крачка	гм
43.	Речная крачка	м
44.	Сизый голубь	Г[illegible]З
45.	Кольчатая горлица	гз
46.	Обыкновенная горлица	гм
47.	Обыкновенная кукушка	г?
48.	Белая сова	з
49.	Ушастая сова	гмз
50.	Болотная сова	⊥
51.	Мохноногий сыч	⊥
52.	Обыкновенный козодой	м
53.	Черный стриж	Г
54.	Обыкновенный зимородок	⊥
55.	Золотистая щурка	⊥
56.	Удод	м
57.	Вертишейка	г
58.	Седой дятел	мз
59.	Пестрый дятел	гмз
60.	Белоспинный дятел	гз
61.	Малый дятел	мз
62.	Береговая ласточка	г
63.	Деревенская ласточка	г
64.	Воронок	Г
65.	Хохлатый жаворонок	з
66.	Полевой жаворонок	г?м
67.	Рогатый жаворонок	м
68.	Желтая трясогузка	гМ
69.	Черноголовая трясогузка	⊥
70.	Желтоголовая трясогузка	г
71.	Белая трясогузка	Г
72.	Лесной конек	гМ
73.	Луговой конек	М
74.	Краснозобый конек	м
75.	Обыкновенный жулан	г
76.	Обыкновенная иволга	г?м
77.	Обыкновенный скворец	ГМ
78.	Сойка	мз
79.	Сорока	ГЗ
80.	Кедровка	м
81.	Галка	ГМЗ
82.	Грач	ГМз
83.	Серая ворона	ГМЗ
84.	Ворон	гмз
85.	Свиристель	МЗ
86.	Крапивник	⊥
87.	Лесная завирушка	м
88.	Соловьиный сверчок	г
89.	Речной сверчок	м
90.	Камышовка-барсучок	г
91.	Садовая камышовка	Г?
92.	Болотная камышовка	Г
93.	Дроздовидная камышовка	г?
94.	Зеленая пересмешка	Г
95.	Ястребиная славка	мг?
96.	Садовая славка	Г
97.	Черноголовая славка	гм
98.	Серая славка	Г
99.	Славка-завирушка	Г
100.	Пеночка-весничка	Мг?
101.	Пеночка-теньковка	Мг
102.	Зеленая пеночка	М
103.	Пеночка-трещотка	⊥
104.	Желтоголовый королек	М
105.	Зарянка	М
106.	Обыкновенный соловей	Г
107.	Варакушка	Г
108.	Горихвостка-чернушка	г?
109.	Обыкновенная горихвостка	гМ
110.	Луговой чекан	⊥
111.	Обыкновенная каменка	г
112.	Черный дрозд	м
113.	Рябинник	гМз
114.	Белобровик	гМ
115.	Певчий дрозд	М
116.	Деряба	м
117.	Серая мухоловка	ГМ
118.	Мухоловка-пеструшка	гм
119.	Мухоловка-белошейка	⊥
120.	Длиннохвостая синица	м-Мз
121.	Обыкновенный ремез	г
122.	Буроголовая гайчка	гМз
123.	Московка	мз
124.	Большая синица	гМЗ
125.	Обыкновенная лазоревка	гМз
126.	Обыкновенный поползень	мз
127.	Обыкновенная пищуха	мз
128.	Домовый воробей	ГЗ
129.	Полевой воробей	ГЗ
130.	Зяблик	ГМ
131.	Вьюрок	М
132.	Обыкновенная зеленушка	ГМ
133.	Чиж	Мз
134.	Черноголовый щегол	гМз
135.	Обыкновенная чечетка	Мз-З
136.	Коноплянка	ГМ
137.	Обыкновенная чечевица	г
138.	Урагус	⊥
139.	Щур	з
140.	Обыкновенный клест	з
141.	Обыкновенный снегирь	МЗ-МЗ
142.	Обыкновенный дубонос	гМз
143.	Обыкновенная овсянка	Мг?
144.	Садовая овсянка	⊥
145.	Тростниковая овсянка	гМ
146.	Пуночка	з

Условные обозначения

Характер пребывания вида на территории города и глазомерная оценка обилия его обозначаются одной буквой (символом).

Символы характера пребывания:

г, Г, Г' — гнездится или регулярно пытается загнездиться;
м, М, М' — встречается во время миграций регулярно;
з, З, З' — зимует.

Символы глазомерной оценки обилия вида:

г, м, з — малочислен, редок;
Г, М, З — обычен;
Г', М', З' — многочислен;
? — нет точных данных.

У некоторых видов не отмечена значимая экологическая связь с урбанизированной территорией (гнездование, кормежка, ночевка, отдых) — они или являются случайными визитерами и залетают в город (за время наблюдений встречены лишь один-два раза), или транзитом пролетают над территорией города. Такие виды в списке отмечены знаком «+».

Примеры: рябинник — гМ'з (это означает, что данный вид немногочислен на гнездовании — г, многочислен во время пролета — М', редко зимует — з);

ворон — гмз — (редок как на гнездовании, так и во время миграций и зимой);

пеночка-весничка — Мг? (вид обычен во время пролета; возможно, гнездится в небольшом числе).

При изучении видового состава в течение одного года в Ульяновске можно встретить около ста видов птиц, т. к. при этом из списка выпадают некоторые редкие и случайные виды.

В список не включены отмеченные местными натуралистами домовый сыч, шилохвость, лебедь (шипун или кликун?), гусь (серый или гуменник?) и некоторые другие, т. к. они не определены до вида или возникли сомнения в точности определения.

Некоторые виды были отмечены не автором, но сообщение о их встречах являются достоверными и они включены в список. Это белая сова (сообщение С. Бородина, Н. Гнидина, Н. Ракова), хохлатый жаворонок (сообщение В. Бородина, Г. Царева, И. Яшанина, В. Соколова), урагус (пойман в пойме Свияги птицеловом Ю. Павловым, автор видел эту птицу, есть фотографии).

Список составлен для города в его экологических, не административных, границах.

Опечатки исправлены автором.
~~Бородин.~~ 5 мая 1992 г.

И. А. Кутейников

Некоторые вопросы культурного строительства в Среднем Поволжье в первые послевоенные годы

Первые годы после Великой Отечественной войны — интереснейший период жизни советского общества. Он отмечен, с одной стороны, неимоверными трудностями: необходимостью восстановления народного хозяйства, подорванного войной, нехваткой самого необходимого для нормального существования человека. С другой стороны, величайшим оптимизмом народа, рожденным Великой Победой. «Успехи первых пятилеток и еще более — победа, одержанная над сильным и опасным врагом, — вот что питало уверенность народа в будущем, его стремление к созидательному труду, готовность преодолеть все препятствия и невзгоды». Кроме того, для общественно-политической атмосферы первых послевоенных лет характерна борьба двух линий развития социально-экономической жизни страны: линии на жесткую централизацию, всеобъемлющий контроль и приказные методы, и линии на развитие хозяйственной самостоятельности и демократизации в социально-политической сфере. В связи с демобилизацией военнослужащих в мирную жизнь включилась значительная группа людей, прошедших в воинских колоннах всю Европу, способных на собственном опыте сравнить уровень жизни, цивилизованности своей Родины с западными странами. Это сравнение не всегда было в пользу нашей державы. Такое положение не могло не беспокоить политическое руководство Советского государства, что стало одной из причин нового витка раскручивания репрессивного механизма личной власти Сталина.

Все эти факторы оказывали непосредственное воздействие на развитие духовной культуры общества, определяли политику государства в области культурного строительства. В данной сфере явно просматривается наличие двух определяющих тенденций. Первая из них происходит из общих гуманистических целей социализма, другая — из тех деформаций, которым подвергался этот общественно-политический строй в сталинскую эпоху.

Попыткой рассмотреть воздействие этих противоположных тенденций на практику культурного строительства в первые послевоенные годы на примере Среднего Поволжья является данная статья.

Война круто изменила течение жизни всего советского народа. Превращение страны в военный лагерь отразилась на состоянии социально-культурной сферы не только оккупированной территории,

но и тыловых регионов страны. Многие учереждения культуры, просвещения в тяжелых экономических условиях 1941 — 1945 гг. были закрыты, многие переданы под военные нужды. Так, в 1945 г. только у Ульяновской области из 724 культпросветучреждений бездействовало 287. В том числе из 534 изб-читален функционировало лишь 440, из 95 сельских библиотек — 88[2]. Из 29 районных домов культуры многие еще в 1946 г. использовались не по назначению, продолжая служить интересам обороны. Например, в Богдашкинском, Майнском, Мелекесском, Тагайском, Тереньгульском домах культуры размещались различные службы воинских частей[3], из 10 школ рабочей молодежи г. Ульяновская в июле 1946 г. только одна имела собственное помещение[4].

В крайне запущенном состоянии находилась материальная беза социально-культурной сферы.

Советское государство было кровно заинтересовано в повышении общеобразовательного уровня народа, так как научно-техническая революция уже широкой поступью шла по земному шару. Кроме того, необходимо было активизировать работу по идеологическому воздействию на массы в новых условиях мирного строительства. Без экстренных мер в области восстановления и улучшения материально-технической базы культурно-просветительных учереждений, выработки новых идеологических установок развития этих отраслей было не обойтись.

В послевоенные годы принимается целый ряд правительственных решений, направленных на то, чтобы восстановить и расширить сеть учреждений культуры и народного образования. Темпы развития народного хозяйства, определенные пятилетним планом на 1946 — 1950 гг., предполагали не только восстановление его довоенного уровня, но и существенный рост. Это касалось и области культурного строительства. Прежде всего предпринимались меры организационного характера. Для практического руководства работой культпросветучреждений Совет народных комиссаров СССР в феврале 1946 г. принял постановление об организации при СНК РСФСР Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. В исполкомах Куйбышевского, Пензенского, Ульяновского областных Советов депутатов трудящихся появились отделы культпросветработы. Таким образом, работа клубных учреждений, библиотек была выведена из сферы контроля Наркомпроса.

В партийно-правительственных документах тех лет задачи расширения и восстановления материальной базы культпросветучреждений формулировались так: в каждом областном центре должен быть Дом народного творчества, в каждом селе — изба-читальня или клуб, сельская библиотека. В области народного образования главным было осуществление всеобуча. Выполняя

решения правительства, Ульяновский облисполком на всех заседаниях регулярно рассматривал вопросы улучшения условий функционирования культпросветучреждений. Уже в январе 1945 г. он принял решения «О мерах по улучшению работы изб-читален, сельских библиотек и РДК», «О мероприятиях по укреплению библиотек Ульяновской области»[5]. В ноябре 1948 г. исполком рассмотрел вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы культпросветучреждений области». Характерно, что большинство этих документов вполне конкретны и направлены на решение не только общих, но и частных вопросов. Так, в упомянутом решении от 25 ноября 1948 г. было отменено неправильное решение Богдашкинского райсовета о передаче здания районного Дома культуры под мастерские МТС[6].

Принимались меры по подъему народного образования. 25 августа 1946 г. Бюро Пензенского обкома ВКП(б) одобрило инициативу трудящихся Кузнецкого и Лопатинского районов, взявших на себя обязательство помочь школам в осуществлении закона о всеобуче и обратившихся ко всем трудящимся области проявить всенародную заботу о школе[7].

19 мая 1945 г. Совет Министров Татарской АССР в своем постановлении «О подготовке школ к 1945—1946 учебном году» обратил внимание райисполкомов на необходимость борьбы за создание прочной материально-технической базы школ[8].

В послевоенный период резко возрастают бюджетные ассигнования на развитие культуры. Если в 1944 г. на содержание районных домов культуры Ульяновской области было израсходовано 314,4 тыс. рублей, то в 1948 г. — уже 1 млн. 401 тыс. рублей[9]. Расходы на развитие народного образования с 1946 по 1950 гг. возросли здесь с 90 до 167,8 млн. рублей[10].

В послевоенные годы широкое распространение в Среднем Поволжье, как и во всей стране, получил метод народной стройки домов культуры. Население активно участвовало в воскресниках, других акциях по строительству и восстановлению учреждений культуры. Так, только в 1947 г. в Новоспасском районе Ульяновской области путем воскресников молодежи и общественности села был построен Сурулловский сельский клуб. В Вешкаймском районе на ремонт Красноборского сельского клуба колхозам было выделено 8 тыс. рублей.

В Николо-Черемшанском районе Суходольский клуб был отремонтирован силами колхозников этого села[11]. В 1946—1947 гг. силами общественности Ульяновской области были построены и восстановлены 6 школ[12]. Всего за первую послевоенную пятилетку местные Советы Ульяновской области при активной помощи общественности восстановили и приспособили для учебных целей 80 школьных зданий

на 9 тыс. ученических мест, капитально отремонтировали 215 школьных зданий[13].

Вторая половина сороковых годов характеризуется повышением внимания партийных и государственных органов к развитию киносети. 8 января 1946 г. СНК СССР принял постановление «О кинообслуживании населения в 1946 году»[14]. Соответствующие решения принимались и на местах. В результате принятых мер наметилась устойчивая тенденция к улучшению материальной базы кинообслуживания. Так, за 1946 год количество киноустановок в Куйбышевской области возросло с 89 до 149 единиц[15]. За 1946—1948 гг. число киноустановок в Татарии увеличилось со 163 до 338[16]. Наметилось и улучшение качества кинопоказа. В той же Татарии в 1948 г. все немые киноустановки были ликвидированы и заменены звуковыми[17].

Вместе с тем в деле совершенствования материальной базы системы культпросветработы и просвещения государственным органам приходилось сталкиваться с большими сложностями. Тогдашних руководителей областей Среднего Поволжья не упрекнешь в нежелании решать проблемы культурного строительства, однако добиться необходимого результата не всегда удавалось. Исполком Ульяновского областного Совета депутатов трудящихся в апреле 1948 г., рассматривая вопрос о работе культпросветучреждений Чердаклинского района, отмечал: «...Большое количество культпросветучреждений района находятся в тяжелом состоянии. Многие культпросветучреждения в зимнее время не отапливаются. Созданные осенью политические и агрономические кружки прекратили свою работу, кружки художественной самодеятельности проводят репетиции на частных квартирах»[18]. В августе того же года облисполком отмечал, что неудовлетворительно ведется подготовка культпросветучреждений к работе в зимних условиях в Жадовском районе Ульяновской области: «Из 4 культпросветучреждений, требующих ремонта, отремонтирована только одна изба-читальня... Дрова не заготовлены. Из потребных 268 кубометров дров завезено всего 68 кубометров. В 12 культпросветучреждений дрова вовсе не завезены»[19]. В октябре 1948 г., рассматривая вопрос о подготовке учреждений культуры к зиме в Астрадамовском районе, облисполком констатировал, что «из 24 культпросветучреждений, требующих ремонта, отремонтировано только 11. Из 342 кубометров дров завезено только 10 кубометров»[20]. В этом же документе указывается одна из причин создавшегося положения: «Чрезвычайно слабо в районе ведется работа с кадрами. Райисполком (т. Стрюков) продолжает недооценивать культпросветработу». На недостаточное внимание со стороны местных органов советской власти к социальной сфере указано и в появившемся в то же время решении облисполкома «О работе

Старокулаткинского райисполкома». «Райисполком и его председатель Арсланов, — сказано в документе, — поверхностно занимаются вопросами народного образования и культпросветработы... Подготовка их к зиме проведена формально. 50% учреждений культуры и народного образования не отапливаются»[21].

В одной из справок, представленных Ульяновским областным отделом культпросветработы в облисполком в 1948 г., говорится: «Примером прямой недооценки роли и значения культпросветработы сельскими Советами может служить Бердянская сельская библиотека, которая помещена в темном коридоре правления колхоза и занимает площадь в два квадратных метра. Председатель сельского Совета Чупахин радиоприемник «Родина», отпущенный библиотеке, поставил в свой кабинет»[22]. Невысокий культурный уровень советских руководителей низшего звена, безусловно, сказывался на темпах и качестве работы по культурному строительству в областях Среднего Поволжья. Не мог не отразиться на общем состоянии дел и низкий общеобразовательный и культурный уровень тех, кто непосредственно проводил в жизнь культурную политику государства на местах. Так, в Куйбышевском областном отделе культпросветработы из десяти штатных работников в 1947 г. лишь один имел высшее образование. Из 35 заведующих районными отделами культуры высшее образование имели только двое. Из 33 заведующих районными домами культуры высшее образование было только у одного человека, зато 15 руководителей не имели и среднего[23].

Не лучшим было и положение в сфере просвещения. В 1947 г. из 6918 учителей школ Ульяновской области только 485 имели высшее образование. В школах области работало 619 учителей с незаконченным средним образованием[24].

Другим фактором, оказывающим существенное влияние на развитие сферы культуры в первые послевоенные годы, было то, что нередко искреннее желание достичь успехов в этом важнейшем деле наталкивалось на крайне ограниченные финансовые возможности истощенной войной страны. Многочисленные постановления партийных, советских органов по развитию сети культпросветучреждений не были подкреплены финансовыми и материально-техническими возможностями. Министерство просвещения Татарской АССР в отчете за 1945/46 учебный год отмечало: «...из-за отсутствия стройматериалов, недостаточности денежных средств не производился капитальный ремонт в 97 школах»[25]. Финансирование сельских клубов, изб-читален Ульяновской области, состоявших на сельском бюджете, за I квартал 1948 г., было произведено лишь на 14%[26]. В докладной записке в Ульяновский облисполком 15 сентября 1949 г. заведующая областным отделом культпросветработы Стульгинская писала: «На централизованный счет отдела Облфо должен был перечислить

394,6 тыс. руб., фактически же получено лишь 307,5 тыс. рублей. Распоряжением исполкома снято 10 тыс. рублей облдрамтеатру на обслуживание выборов в Верховный Совет СССР... Подведомственные учреждения профинансированы на 85,6%»[27].

Пытаясь проанализировать создавшееся положение, работник Госплана РСФСР Гуськов на заседании плановой комиссии Ульяновского облисполкома в феврале 1950 г. докладывал: «Несмотря на выполнение планов по развитию учреждений культуры, культпросветработа отстает от темпов развития хозяйства области... Развитие сети сельских клубов и библиотек во многих районах проходило без достаточных экономических обоснований... Руководство и контроль со стороны местных органов культпросветработы, *кинофикации, искусства... за деятельностью подчиненных им учреждений* поставлены неудовлетворительно, в результате чего многие решения облисполкома, направленные на улучшение этой работы, не выполняются»[28].

С выводами экономиста можно в какой-то степени согласиться. Большинство постановлений местных органов принималось волевым решением, без учета реальных возможностей. Диктовались они, видимо, общенародным желанием скорее достичь реального улучшения жизни людей. Однако в послевоенные годы такое желание не имело сколько-нибудь прочной экономической основы.

С другой стороны, возможности местных органов власти в развитии социальной сферы регионов в целом сдерживались чрезмерной централизацией власти в столице. Областные и республиканские инстанции не имели права без разрешения центра осуществить сколько-нибудь существенный маневр финансовыми и материальными средствами. Наглядным примером бессилия местных властей против диктата центра и ведомств явилась ситуация, сложившаяся в 1947 г. в Ульяновске вокруг открытия здесь культпросветшколы. В связи с тяжелым положением с кадрами культпросветработников в области (из 788 человек только 28 имели специальную подготовку) исполком областного Совета в марте 1947 г. решил открыть в городе культпросветшколу для подготовки клубных работников и библиотекарей. Это учебное заведение было решено разместить в доме по улице Советской, который в 1939 г. с городского баланса был передан во временное пользование танковому училищу. Однако командование танкового училища отказалось подчиниться решению местных органов власти. В течение года обком ВКП(б), облисполком направляли письма в Совет Министров СССР К. Е. Ворошилову, в Министерство обороны Г. К. Жукову, в Комитет по делам культпросветучреждений при Совете Министров СССР, однако положительно этот вопрос решен так и не был.

Культпросветшкола открылась в августе 1947 г. и вынуждена была ютиться в чужом помещении[29].

Но еще более давала о себе знать командно-административная система, сложившаяся в стране, в области содержания работы культурно-просветительных и образовательных структур на местах. В 1946 г. был принят целый пакет партийных решений по идеологическим вопросам. Они были направлены на дальнейшую идеологизацию всей культурно-воспитательной и образовательной работы в стране. Регламентация культурных процессов со стороны государства была возведена в абсолют. По всей стране, в том числе и по областям Среднего Поволжья, была развернута шумная кампания поддержки партийных решений. В октябре 1946 г. в Куйбышеве состоялось городское собрание работников искусства, на котором обсуждался вопрос «О задачах работников культуры по выполнению постановлений ЦК ВКП (б)» «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»[30]. В одном из своих документов Союз композиторов Татарии отмечал: «Два огромных события определили жизнь и творческую направленность Союза советских композиторов Татарии в 1948 году. Это — историческое Постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» и 1-й Всесоюзный съезд композиторов. Историческое Постановление ЦК ВКП (б) от 10 февраля сего года, всколыхнувшее всю советскую общественность, явилось документом огромной исторической важности. В нем дан глубокий анализ состояния современной советской музыки и намечен ясный и четкий путь ее дальнейшего развития»[31].

Правление Союза советских писателей ТАССР в 1948 г. отмечало, что «известные постановления ЦК ВКП (б) об искусстве и литературе оказали благотворное влияние на творчество татарских писателей. В своей работе Союз писателей ТАССР руководствовался этими постановлениями, а также указаниями обкома ВКП (б)»[32].

Сегодня, когда официально признаны ошибочность тактики силового давления на культуру, историческая неправомерность упомянутых постановлений ЦК партии, легко осуждать тех , кто рьяно проявлял верноподданнические чувства режиму личной власти Сталина, кто поставил ему на службу свой талант писателя, композитора, театрала. Но надо иметь в виду, что проводимый в то время политический курс на форсирование темпов восстановления народного хозяйства, социалистического строительства был поддержан большинством населения страны. Многие тогда верили в правильность и единственность избранного пути. Касалось это и широких слоев интеллигенции. Люди искренне были убеждены, что строят социализм по Ленину.

Тем временем административные методы в руководстве культурой

вошли в повседневную практику. Столичные чиновники зорко следили за тем, что показывается в кинотеатрах, играется на сценах, ставится в коллективах художественной самодеятельности в самых отдаленных уголках огромной страны. И если что-то казалось вдруг подозрительным «блюстителям народной нравственности», тут же следовал начальственный окрик. Заместитель начальника управления клубных учреждений Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР Носовский в июне 1948 г. писал в отдел культпросветработы Ульяновского облисполкома: «В отчете за 1947 год в разделе «Художественная самодеятельность» Вы отмечаете, что на сегодняшний день произведения советских авторов прочно заняли ведущее место в репертуаре художественной самодеятельности. Вслед за этим Вы опровергаете это утверждение, указывая, что драматические коллективы показали на районных смотрах произведения А. П. Чехова «Медведь», «Юбилей»... Таким образом современная советская тематика далеко не заняла ведущего места в репертуаре художественной самодеятельности... Такое положение могло иметь место только в результате отсутствия с Вашей стороны повседневного руководства вопросами репертуара и оказания помощи художественной самодеятельности. Нас интересует, каким образом Вам удается проводить предварительное утверждение концертных программ всех коллективов области»[33].

Центральные органы прямо рекомендовали, что и как надо исполнять на самодеятельной сцене.

Методический кабинет культпросветработы в г. Москве рассылал в края и области образцы репертуара, обязательного к исполнению в сельских клубах. Так, в Ульяновске в 1946 г. были получены куплеты следующего содержания:

Много песен новых знаю
Я про родину свою.
Но сегодня песню первую
О Сталине пою.

Снег под солнцем серебрится
Чистый, как хрусталина,
Мы пойдем проголосуем
За родного Сталина.

Сталин — партии водитель,
Сталин — вождь народных масс.
Сталин — друг, отец, учитель
Всех и каждого у нас[34].

Не отставало от центральных органов в поучении творческих работников и местное руководство. В марте 1950 г. бюро Татарского

обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О работе Союза советских писателей». Постановление обязало «Правление Союза писателей Татарии и его председателя Ерикеева... решительно улучшить руководство творческой деятельностью членов Союза, добиваться повышения активности каждого писателя, драматурга, поэта по созданию высокохудожественных произведений на современные темы. Обратить особое внимание на освещение в художественной литературе высоких моральных качеств и героического труда советских людей, жизни и производственной деятельности коллективов промышленных предприятий, нефтяников, колхозов, МТС и совхозов, на показ новаторов, Героев Социалистического Труда»[35].

Тенденции к жесткой регламентации развития культуры, идеологизации и политизации этой сферы проистекали из сталинского видения задач культурного строительства, культурной революции. Если В. И. Ленин рассматривал культурную революцию как цель социалистического строительства, то Сталин — как средство продвижения к социализму в его, сталинском, понимании.

Но, рассматривая те идеологические установки, которые господствовали в обществе сороковых годов, было бы несправедливо не заметить и положительных тенденций.

Совет Министров РСФСР 22 мая 1947 г. принял постановление «Об охране памятников архитектуры». Этот момент был поворотным в отношении Советского государства к историческому прошлому народа. Если в тридцатые годы связь дореволюционной и советской культур практически прервалась (в том же Ульяновске было разрушено большинство исторических памятников), то теперь наметилось некоторое потепление отношения руководства страны к отечественной истории. Ульяновский облисполком, откликаясь на постановление правительства, принял решение «О мерах по улучшению охраны памятников». В документе отмечены серьезные недостатки в этом вопросе: «Контроль за охраной памятников со стороны отдела культпросветработы, отдела по делам искусств, областного отдела по делам архитектуры ведется неудовлетворительно. Организации и учреждения, в ведении которых находятся памятники, не обеспечивают их сохранности. Все это приводит к тому, что памятники находятся без надзора и постепенно разрушаются... Возложить охрану памятников на исполкомы районных и сельских Советов... Предусмотреть в народнохозяйственных планах выделение материалов и средств на реставрацию памятников истории и культуры»[36].

Во многих регионах страны в эти годы торжественно отмечались знаменательные даты истории отечественной культуры. В сентябре 1948 г. в Ульяновске был открыт памятник великому русскому писателю И. А. Гончарову в связи с 300-летием города[37]. В июле того

же года в Пензенском областном драматическом театре им. Луначарского состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. Торжества прошли по всей области[38]. Наметившаяся тенденция обращения народа к своему историческому прошлому, культурным традициям, нуждалась в возрастающей государственной поддержке в последующие годы.

Безусловно, достижением культурной политики государства явилось введение семилетнего всеобуча. Причем очень важно, что в многонациональном Среднем Поволжье развивалась и активно поддерживалась государством сеть национальных школ.

В 1949/50 учебном году в Татарии из 3888 школ было 1694 русских, 1749 татарских, 147 чувашских, 18 марийских, 47 удмуртских, 12 мордовских, 221 смешанная[39].

В Ульяновской области из 1155 школ 133 были национальными. Среди них 44 чувашских, 73 татарских, 17 мордовских[40]. Еще в 1944 г. в Мелекессе для обеспечения татарских школ учительскими кадрами было открыто татарское педучилище[41]. В те годы успешно действовало в Ульяновске и чувашское педагогическое училище[42].

Однако уже в 50-е гг. эту тенденцию к развитию системы образования на родных языках не удалось сохранить.

Нельзя не отметить также, что в тот период не все безоговорочно принимали усиление командно-административной системы управления страной в целом и духовной сферой в частности. Так, в июне 1946 г. Пленум Пензенского обкома партии потребовал от горкомов, райкомов ВКП(б) устранить практику мелкой опеки над советскими, хозяйственными органами[43].

Нельзя также утверждать, что вся интеллигенция сороковых годов срослась с командно-административной системой и работала исключительно на нее. Об обратном говорит хотя бы пример выдающегося советского биолога А. А. Любищева, жившего в те годы в Ульяновске. Любищев оставил громадное творческое наследие, которое постепенно начинает осваиваться. Ученый не имел возможности опубликовать свои философские взгляды в сороковые, пятидесятые, да и в более поздние годы. Но то, что они были им сформулированы именно в рассматриваемый период, подтверждает, что не все принимали сталинизм как нечто единственно возможное для судеб страны. Пытаясь разобраться в этических корнях сталинского режима, Любищев в период господства этого режима писал: «...революционный марксизм, большевизм принял возможность социалистической революции в обществе, где пролетариат не имеет большинства. Он теснейшим образом связан с признанием необходимости революции, которая в свою очередь связана с самопожертвованием многих тысяч революционеров. Старый строй использовал существующую мораль для собственной защиты... Необходимо было

разрушить ряд моральных устоев и отрицательная сторона отступила перед положительной. Естественно поэтому, что и была создана ходячая формула: «Морально то, что полезно для революции», формула, являющаяся частным случаем старой иезуитской формулы: «Цель оправдывает средства»[44].

Оценивая практику культурного строительства в Среднем Поволжье в первые послевоенные годы, следует привести высказывание В. И. Ленина о необходимом содержании партийно-государственной политики в области культуры: «...все более или менее добропорядочное в старом искусстве — охранять. Искусство не музейное, а действенное — театр, литература, музыка — должны подвергаться некоторому не грубому воздействию в сторону скорейшей эволюции навстречу новым потребностям. К новым явлениям относиться с разбором. Захватничеством заниматься им не давать. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении елико возможно помогать им»[45].

Политика — это искусство возможного. Когда речь идет о такой специфической области, как культура, проблема заключается в том, чтобы определить границы вмешательства в нее. Эти границы сталинское руководство не смогло, да и не желало верно определить. Здесь корень тех деформаций, которым подвергалась ленинская культурная политика в тридцатые, сороковые и более поздние годы.

И все же нельзя не замечать положительных сторон в культурном строительстве в этот период. Восстановление материальной базы подорванной войною социальной сферы, существенные сдвиги в системе народного образования, пробуждение интереса людей к собственной истории — все это реальные достижения культурной политики первых послевоенных лет.

[1] Козлов В. А., Бордюгов Г. А., Зубкова Е. Ю., Хлевнюк О. В. Исторический опыт и перестройка. М., 1989, с. 171.

[2] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 1.

[3] Там же, л. 50.

[4] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 79, л. 72.

[5] ГАУО, ф. 2326, оп. 1, д. 36, л. 4.

[6] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 38, л. 11.

[7] Партийный архив Пензенской области (ПАПО), ф. 148, оп. 1, д. 1650, л. 219—221.

[8] Культурное строительство в Татарии (1941—1970). Сборник документов. Казань, 1976, с. 109.

[9] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 19; ф. 2396, оп. 1, д. 92, л. 101.

[10] Партийный архив Ульяновской области (ПАУО), ф. 8, оп. 1, д. 715, л. 59.

[11] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 2.

[12] Достижения культуры — народу. Культурное строительство в Ульяновской области в 1917—1975 гг. Документы и материалы. Саратов, 1979, с. 133.
[13] ПАУО, ф. 8, оп. 1, д. 715, л. 60.
[14] Правда, 1946, 17 января.
[15] Партийный архив Куйбышевской области, ф. 656, оп. 37, д. 210, л. 60.
[16] Культурное строительство в Татарии, с. 155.
[17] Там же.
[18] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 88.
[19] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 92, л. 88.
[20] Там же, л. 185.
[21] Там же.
[22] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 35.
[23] Культурное строительство в Куйбышевской области, с. 43—44.
[24] Достижения культуры — народу, с. 128.
[25] Культурное строительство в Татарии, с 110.
[26] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 97, л. 36.
[27] Там же, л. 160.
[28] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 126, л. 47.
[29] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 85, л. 3.
[30] Волжская коммуна, 1946, 12 октября.
[31] Культурное строительство в Татарии, с. 144.
[32] Там же, с. 148—149.
[33] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 85, л. 12.
[34] Там же, д. 69, л. 1—2.
[35] Партийный архив Татарского обкома КПСС, ф. 15, оп. 31, д. 162, л. 177.
[36] ГАУО, ф. 2396, оп. 1, д. 37, л. 88.
[37] Ульяновская правда, 1948, 4 сентября.
[38] Сталинское знамя, 1948, 15 июня.
[39] Культурное строительство в Татарии, с. 163.
[40] ГАУО, ф. 2326, оп. 1, д. 3, л. 16.
[41] ГАУО, ф. 2326, оп. 1, д. 67, л. 1.
[42] Там же, л. 16.
[43] ПАПО, ф. 148, оп. 1, д. 1644, л. 83.
[44] Любищев А. А. Основной постулат этики. — Политическая агитация (Ульяновск), 1989, № 21, с. 23—24.
[45] Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1976, с. 669.

СОДЕРЖАНИЕ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Редактор Н. Б. Шарыгина
Корректор Г. М. Мубаракшина

Сдано в набор 23.01.90 г. Подписано в печать 31.01.91 г. ЗМ 05157. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 11,16. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1068. Цена 90 к.

Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение.
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.

Облтипография УОППО упрполиграфиздата Ульяновского облисполкома
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.

90 к.

Кф